

Джанет Оак

ЛЮБОВЬ,
СОЗИДАЮЩАЯ ДОМ

СВЕТ ТЯ ВОСТОКЕ

- [Пролог](#)
 - [Пролог. Глава первая. Начало пути](#)
 - [Глава вторая. Первый день пройден](#)
 - [Глава третья. На следующий день](#)
 - [Глава четвертая. Попутчики](#)
 - [Глава пятая. Ребекка Клей](#)
 - [Глава шестая. Утомительная дорога](#)
 - [Глава седьмая. Дождь](#)
 - [Глава восьмая. Большая река](#)
 - [Глава девятая. Город](#)
 - [Глава десятая. Маленькие неприятности и большая беда](#)
 - [Глава одиннадцатая. Трудное решение](#)
 - [Глава двенадцатая. Семья Тейлорсон](#)
 - [Глава тринадцатая. Новости](#)
 - [Глава четырнадцатая. Воскресенье](#)
 - [Глава пятнадцатая. Неожиданная радость](#)
 - [Глава шестнадцатая. Ранчо](#)
 - [Глава семнадцатая. Зима. Рождество](#)
 - [Глава восемнадцатая. Новый дом для Мисси](#)
 - [Глава девятнадцатая. Огород Мисси](#)
 - [Глава двадцатая. Лето](#)
 - [Глава двадцать первая. Возвращение Вилли](#)
 - [Глава двадцать вторая. Послеобеденный чай](#)
 - [Глава двадцать третья. Еще одна зима впереди](#)
 - [Глава двадцать четвертая. Воскресные богослужения](#)
 - [Глава двадцать пятая. Натан](#)
 - [Глава двадцать шестая. Любовь обретает дом](#)
-

Джанет Оак

ЛЮБОВЬ,
СОЗИДАЮЩАЯ ДОМ

СВЕТ НА ВОСТОКЕ

Попробуйте представить, как первые поселенцы расставались со своими семьями. Итак, взрослые дети объявляют родителям, что собираются отправиться на Запад.

После этого целые недели, месяцы все члены семьи возбужденно строят планы, шьют одежду, подрубают постельное белье, делают необходимые покупки и упаковывают в корзины и кастрюли съестные припасы — их должно хватить на несколько месяцев, а то и лет. Провизией запасаются всякой: от кофе до муки, от патоки до соли, от свиного жира до меда; не забывают и о соленьях и маринадах. Переселенцам нужны фонари, оружие, порох, топливо, смазка для колес, различные принадлежности для сбруи, инструменты, гвозди, веревки, посуда, лекарства, семена и ткани (рано или поздно старая одежда износится и придется шить новую). Предметы обихода, если для них оставалось в повозке место, тоже брали с собой: это и плита, и швейная машинка, и кровать, и стол, и стулья.

Все вещи нужно было защитить от воды, ведь переселенцам придется переправляться через реки, да и под дождь они наверняка попадут не раз. Легко бьющиеся предметы надо заботливо упаковать в деревянные ящики с опилками. В конце путешествия, когда скарб вынут из коробок и разберут на части тару, каждой доске найдут применение: сделают оконную раму, или стул, или детскую кроватку. А опилки будут экономно использовать для того, чтобы развести огонь: ими станут посыпать кизяки.

Кастрюли и банки наполнят заново, после того как хранившиеся в них продукты съедят. Да, это очень непростая задача. Подготовка к переезду выматывает людей и физически, и эмоционально. Но когда вещи рассортированы, уложены в ящики и погружены в повозки, а лошадей уже запрягли, и они готовы тронуться в путь — что тогда?

Матери и отцы прощаются с детьми, прекрасно понимая, что скорее всего видят их в последний раз. Письма будут идти медленно, много месяцев, и еще неизвестно, дойдут ли они до адресата. Поэтому родители, живущие на Востоке, смогут лишь догадываться, где находятся и как чувствуют себя их дети и внуки. Им придется успокаивать себя тем, что отсутствие новостей само по себе уже новость хорошая — только известия о несчастьях считались достойными того, чтобы доставлять их через многие пустынные мили.

Жена должна была следовать за мужем, поскольку считалось, что ее место рядом с ним, пусть даже она привязана к дому и любит своих родных. И женщина отправлялась в дорогу, хотя там, куда ее муж и она держали путь, их ждала тяжелая, опасная жизнь, одиночество, а возможно, и горе.

Я часто думаю об этих женщинах. Трудно представить, чего им стоило последовать за мужем, влюбленным в свою мечту! Они шли вперед, оставляя за собой безопасный, безмятежный мир, рожали детей, которым не могли уделить много внимания, нянчили больных малышей, не имея лекарств и не рассчитывая на помощь врача; для своей семьи они были матерями, учителями, священниками, врачами, портнихами; они безропотно поддерживали мужчин и никогда не жаловались на наводнения, метели, песчаные бури, засухи; они ходили с гордо поднятой головой, хотя у них было мало одежды, мало инструментов и еще меньше еды.

Да благословит их Бог — всех этих женщин, что так отважно последовали за мужьями на Запад, а также тех, кто стоял со слезами на глазах и с болью в сердце, и смотрел, как уходят их любимые дочери. И дай Бог, чтобы у нас было столько же веры, силы, смелости и

ЛЮБВИ.

Джанет Оак

Пролог. Глава первая. Начало пути

Мисси легким движением сдвинула на затылок шляпку и, запрокинув голову, смело подставила лицо солнцу. Но стало только хуже — поля шляпки все же давали тень и защищали от жгучих солнечных лучей. Слабый ветерок обдувал щеки и шею, однако было все еще жарко. Мисси ничего не оставалось, как подбадривать себя мыслью, что зной скоро начнет спадать и задолго до заката на землю опустится живительная прохлада.

Первый день пути был долгим и утомительным. Утреннее волнение постепенно улеглось, и Мисси стало казаться, что она чуть ли не целую неделю в дороге, хотя времени прошло совсем немного. Молодая женщина то и дело возвращалась мыслями к отъезду из дома, и в памяти живо всплывало сегодняшнее прощание с родными, горькие слезы расставания.

Но теперь-то, после всех планов и мечтаний, они с Вилли в самом деле в пути, движутся на Запад. Мисси сидела на высокой скамье фургона, перед ней открывались необозримые просторы и убегающая вдаль дорога. Страстная мечта становилась явью.

Ухабистая дорога отзывалась тупой болью в теле. Пытаясь устроиться удобнее, Мисси снова принялась ерзать на жестком деревянном сиденье.

Вилли обернулся к ней, но его руки — Мисси знала — продолжали надежно держать поводья.

— Ты устала? — Вилли внимательно всматривался в разгоряченное лицо жены.

Преодолевая ноющую боль в теле, Мисси улыбнулась и откинула со лба пряди влажных волос.

— Да, немного. Хорошо бы сейчас посидеть где-нибудь в тени, вытянув ноги.

Вилли кивнул.

— Знаешь, хоть мне и не по себе, когда тебя нет рядом, думаю, тебе стоит пройтись. Как ты на это смотришь?

— Пожалуй. Но чуть позже. — Помолчав, она вздохнула: — Конечно, путешествие в обозе — не лучший способ передвижения, беспокойный и пыльный.

Вилли боковым зрением следил за женой, и Мисси это чувствовала.

— В голове стоит невыносимый гул, — не без раздражения продолжала она. — Лошади топают, упряжь скрипит, люди кричат. Я и представить не могла, как все это выглядит в действительности.

— Дорогая, мы скоро привыкнем к шуму и не будем замечать его. — В голосе Вилли звучало беспокойство.

— Конечно-конечно, — поспешила ответить Мисси.

Она понимала, что у Вилли достаточно забот и не следует волновать его по пустякам. Мисси протянула руку и, согнув ладошку, подставила ее под локоть мужа. Вилли крепко прижал руку Мисси к себе, и молодая женщина ощутила, как напряглись его мускулы. У Вилли сильные руки. Это особенно заметно, когда он уверенно и ловко управляет лошадьми. Его рубашка из грубого полотна взмокла, а две пуговицы на груди были расстегнуты.

— Пожалуй, мы сами создаем шум и суматоху, — резонно заключила Мисси.

— Думаешь?

— Да. Вспомни, на что был похож наш дом все последнее время: мы укладывали вещи в корзины и мешки, паковали ящики, грузили все это на повозки. Казалось, ни конца ни краю

не будет. Один шум и грохот. Люди переговаривались, молотки стучали, кастрюли и сковородки гремели. Просто сумасшедший дом, по-другому не скажешь.

Вилли засмеялся:

— Да, похоже.

Они снова замолчали. Мисси погрузилась в воспоминания, и Вилли время от времени украдкой поглядывал на нее.

— О чем это ты задумалась?

Из груди Мисси вырвался легкий вздох, и она прижалась к мужу.

— Я просто думаю о доме. Там, наверное, сейчас очень-очень тихо. После всех дней и месяцев подготовки...

Мисси так ушла в себя, что не заметила, как замолчала, не договорив. Вилли не стал ее беспокоить.

Мысли молодой женщины были заняты самыми разными предметами. Сейчас, к примеру, она думала о своих доверху наполненных фургонах, которые шли в обозе. Ей и в голову не могло прийти, как много вещей помещается в них. Родители Мисси загрузили туда все необходимое на первое время и еще уйму всякой всячины, без которой молодая семья вполне бы обошлась, даже если бы пришлось туго. Мисси думала об этом не без досады. Ну вот, скажем, забавные тарелки, которые мама купила на свои собственные деньги, вырученные от продажи яиц. Она заставила упаковать их, пересыпав опилками, и положить в фургон. «В один прекрасный день, когда тебе захочется навести уют в доме, все это пригодится», — убеждала Марти. Мисси вынужденно согласилась. В душе-то она, конечно, понимала, что когда-нибудь при взгляде на эти, казалось бы, ненужные вещицы она вспомнит дом со щемлящим и сладостным чувством.

Воспоминания, нахлынувшие на молодую женщину, были печальны; мысли о доме и родных глубоко волновали ее сердце. В любую секунду она готова была разрыдаться и еле сдерживала слезы, но ей хотелось скрыть свою тоску от мужа. Мисси проглотила подступивший к горлу ком и, взглянув на Вилли, заставила себя улыбнуться.

— Наверное, мне действительно пора немного пройтись, — как можно бодрее постаралась сказать Мисси.

— Я буду ждать тебя вон там. — Вилли рукой показал на место, где дорога расширялась.

— Хорошо.

— Да, кстати, ты заметила, что мы давно проехали все знакомые фермы? — поинтересовался Вилли.

— Конечно, заметила.

— Вот, дорогая. А это означает, что мы действительно едем на Запад.

Неподдельное ликование в голосе мужа заставило Мисси улыбнуться. Она, разумеется, разделяла его восторг и радость, но боль разлуки не переставала щемить ей сердце. Мисси ехала на Запад вместе с Вилли, однако ей пришлось оставить тех, кого она любит. Когда она увидит их снова? И увидит ли вообще? Слезы стояли в ее глазах.

Вилли остановил лошадей, и Мисси через колесо спрыгнула на землю. Клубы пыли окутали повозку, когда та снова тронулась с места. Сделав несколько шагов в сторону, молодая женщина повернулась спиной к дороге и опустила поля шляпки, чтобы пыль не осела на волосы. Мисси подождала, пока оба фургона проехали, кивнула пареньку, которого они наняли управлять второй упряжкой, и стала искать взглядом знакомых среди идущих за

повозками людей. Не обнаружив в толпе никого из знакомых, Мисси приветливо улыбнулась первому встречному и присоединилась к путникам. Идти пришлось по пыльной неровной дороге, покрытой колеями и рытвинами, и ее молодое холеное тело с непривычки очень ломило.

Мисси удивляло, как женщины в возрасте находят силы одолевать пешком эту дорогу. Чуть скосив глаза, она с любопытством посматривала на двух идущих рядом с ней дам. «На вид они одного возраста с мамой. Мама, конечно, вполне здорова, крепкая и с работой управляется лучше меня, но я не представляю, как бы она шагала по этой дороге», — размышляла молодая женщина, стараясь идти бодрее. Обе дамы выглядели уставшими, и Мисси всем сердцем посочувствовала им.

Сегодня утром Глава обоза мистер Блейк давал рекомендации, как вести себя в пути. Все, что он говорил, казалось тогда Мисси ужасно глупым, но сейчас она пожалела, что отнеслась к его наставлениям небрежно. «В первые дни нагрузка не должна быть большой, — предупреждал мистер Блейк. — Мы рано остановимся на ночлег». Мисси вспомнила его слова и посмотрела на солнце. Оно медленно катилось к горизонту. «Уф! Скоро, конечно, будет остановка, — облегченно вздохнула Мисси. — А не познакомиться ли мне пока с этими двумя дамами?» И она рискнула сделать первый шаг.

Знакомство завязалось очень легко, и непринужденный разговор помог ей на время забыть тяготы пути и ноющую боль в теле. Но, хотя беседа получилась очень живой, Мисси скоро начала возвращаться мыслями к мужу: «Интересно, захочет ли Вилли расположиться на отдых или страстное желание достичь цели заставит его двигаться вперед без остановки?»

Мисси гордилась своим мужем. Ей нравилось, как он выглядит, ей нравились его черные волнистые волосы, темно-карие глаза, волевой подбородок. На подбородке у него была небольшая ямочка, которую он, впрочем, не позволял замечать, и очень сердился на Мисси, если она забывала об этом. У него был правильной формы нос; когда Вилли было девять лет, он упал с дерева, ушибся, и с тех пор нос у него был с горбинкой. Вот какой у Мисси муж. Высокий, широкоплечий, стройный, с крепкими мускулами.

Мисси восхищалась не только внешностью своего мужа. Не менее она ценила и склад его натуры: наряду с мужественностью Вилли обладал душевной утонченностью. Иногда Мисси казалось, что он читает ее мысли. Вилли был тактичен, умел считаться с другими, но в то же время — требователен и неумолим к себе. Мисси знала, что ее муж — целеустремленный человек, он умеет принимать твердые решения. Порой она замечала, что Вилли несколько упрям, но предпочитала называть это качеством силой убежденности. «Да, возможно, упрямство и есть у него, — признавала Мисси, — это если иметь в виду его упорство в осуществлении мечты — уехать на Запад, купить собственное ранчо, держать отличных лошадей и развести скот».

Когда два года назад Вилли отправился на Запад искать землю для ранчо, ему пришлось столкнуться со многими препятствиями, однако, несмотря на тяготы бумажной волокиты, он вернулся домой с документом на право владения землей.

Отъезд, однако, затягивался, и это заставляло Вилли нервничать. Но он продолжал жить своей мечтой, работал на заводе и откладывал каждое пенни, пока не накопил достаточную сумму. Мисси была горда тем, что добавляла свою учительскую зарплату к деньгам мужа. Это давало ей ощущение сопричастности, его мечта становилась ее мечтой.

Мисси снова взглянула на небо и попыталась определить время по солнцу. Судя по

всему, было три или четыре часа пополудни.

Дома она с легкостью определяла время по занятиям окружающих. Мама сейчас, наверное, отдыхает — сидит в кресле и вяжет или штопает. Отец все еще в поле. Мисси опять вспомнила момент прощания. Это было сегодня утром, а кажется, будто вечность прошла. Все потому, что Вилли и Мисси выбрали новую жизнь и сейчас были на пути к ней.

Родители мужественно отнеслись к расставанию. Кларк собрал всех родных, чтобы вместе помолиться. Марти поначалу изо всех сил старалась не плакать, но Мисси уговаривала ее поплакать — станет легче. И в конце концов обе они разрыдались, прижавшись друг к другу.

Мисси смахнула слезу со щеки и обернулась: не видит ли кто-нибудь, что она плачет? Надо отбросить грустные мысли. С ней ведь всегда Вилли, и, значит, она не одинока. Нужно держать себя в руках и следить за своими нервами. Ну что хорошего, если ее увидят с красными глазами и пятнами на щеках? Сегодня утром отец в молитве напомнил: «Бог вездесущ, и Он будет сопровождать вас».

Мисси очень устала и передвигалась уже с трудом. Походные башмаки ничуть не портили ее маленьких ножек, а в простом коричневом платье из хлопка она выглядела совсем юной. Краем уха Мисси услышала, как ее обсуждают два молодых человека:

— Эта тоненькая девчушка не продержится и недели.

— Ей, наверное, не больше пятнадцати.

Мисси не знала: сказать им, что они ошибаются, или просто посмеяться? Диплом школьной учительницы и два года работы в школе — отнюдь не мало. Мисси докажет всем в этой небольшой группе переселенцев, что она вполне взрослый человек. Убрав выбившиеся из-под шляпки волосы, молодая женщина поправила прическу: ей мешали пряди волос, прилипшие к влажному лбу, — так, наверное, она будет выглядеть солиднее.

Усталость от жаркого солнца и долгой дороги ощущалась все сильнее, да и тоска по дому не отпускала Мисси. Но, несмотря на тяготы пути, она была полна энтузиазма — совсем как Вилли. Восторженное предвкушение новой жизни в собственном доме окрыляло их обоих.

Мисси осмотрелась. Идущие за фургоном женщины успевали между делом собирать сухие ветки и прутья для костра. Дети весело бегали по дороге и заодно подбирали все, что может гореть. «Наверное, скоро остановка на отдых, надо и мне позаботиться о хворосте», — подумала Мисси и начала искать глазами что-нибудь подходящее.

Впереди послышался шум: это фургоны съезжали с дороги, образуя круг — обоз становился на ночлег. Так учил погонщиков мистер Блейк. Мисси ускорила шаг. Как замечательно! Сейчас она наконец-то сядет в тень, и ветерок охладит ее разгоряченное лицо. Мисси мечтала поскорее поговорить с Вилли. Интересно, скучал ли он там без нее.

С волнением в сердце молодая женщина вспомнила: ей необходимо пошептаться с мужем. Сегодня она выберет момент и скажет Вилли, что, возможно, они скоро станут родителями. Мисси уже знала о своем положении, но пока ничего не говорила мужу: вдруг ее надежды не оправдаются? Лишнее беспокойство совсем ни к чему.

Обрадуется ли будущий отец? Мисси знала, что муж любит детей и давно мечтает о сыне. И к жене он относится заботливо и бережно. Конечно, сейчас он и не помышляет о ребенке: надо сначала добраться до места и обзавестись своим домом. Долгая дорога в фургоне опасна для здоровья будущей матери. Вилли наверняка считает, что пока не время думать о малыше. «Но я молода и полна сил, — убеждала себя Мисси, — и у меня нет

никаких дурных предчувствий. К тому же я уверена, что мы успеем доехать до выбранного Вилли места прежде, чем ребенок появится на свет».

Однако Мисси оттягивала разговор с мужем. Дома она побоялась сказать ему о своих надеждах, потому что знала — Вилли обязательно будет настаивать на отсрочке отъезда. Ей не хотелось причинить ему невольное огорчение, ведь придется опять отложить поездку.

Несмотря на горячее желание и нетерпение, Мисси не осмелилась поделиться этой маленькой тайной даже со своей любимой матушкой. Она понимала, как будет волноваться мать, которой придется проводить бессонные ночи в тревоге за дочь, отправившуюся в длительный путь в таком положении.

Молодая женщина издали увидела, как фургоны выстраиваются цепочкой, замыкая круг. Вилли распрягал лошадей из своего фургона, а Генри Клейн, парень, которого они наняли, занимался вторым. Во время подготовки к отъезду стало ясно, что одного фургона недостаточно — в нем не уместятся и люди и утварь. Тогда Кларк, отец Мисси, предложил второй фургон и даже подыскал подходящего возницу. У других переселенцев тоже было по одной упряжке, и во многих семьях нашлось, кому управлять дополнительным фургоном. Но Вилли, безусловно, не мог обременить жену такой работой.

Когда Мисси подошла к фургонам, уже двадцать седьмая упряжка стояла в цепочке. Возницы, взмокшие от напряжения, кричали на лошадей и разворачивали их в круг.

Мисси быстро нашла мужа. Он радостно улыбнулся жене, и молодая женщина ответила мягкой улыбкой.

— Трудный день, долго ехали. Ты устала?

— А ты как думаешь? Ужасно устала. Нигде нет спасения от этого пекла.

— Ну, сейчас отдохнем. Смотри, какое большое дерево, пойдй посиди в тени. Принести тебе табуретку или одеяло?

— Спасибо, я сама устроюсь. У тебя много дел с лошадьми.

— Мистер Блейк говорит, за перелеском где-то есть ручей. Мы отведем лошадей на водопой, а потом стреножим их и отпустим попасись. Блейк уверяет, что здесь много травы.

— Когда ты будешь ужинать? — спросила Мисси.

— Часа через два, не раньше. У тебя достаточно времени, чтобы отдохнуть.

— Нужно еще найти хвороста. Я только начала собирать. Этой кучки не хватит для костра.

— Не беспокойся, Мисси. Я принесу дрова из перелеска, и Генри прихватит. А ты посиди в тени и отдохни от этой ужасной жары. Ты совсем измучена. — В голосе Вилли послышались озабоченные нотки.

— Это все от волнения. Я привыкну. Пойду сейчас в тень, немного отдохну и скоро буду как новенькая.

Пока Вилли распрягал лошадей и отвязывал двух коров от фургона, Мисси сходила за одеялом, постелила его на землю и села под деревом.

Ей было немного неловко оттого, что она отдыхает. Другие женщины уже хлопотали по хозяйству. Ну что же, она немного отдохнет и займется ужином. Так приятно посидеть спокойно.

Мисси прислонилась к дереву и прикрыла глаза. Слегка откинув голову, она подставила лицо легкому ветерку; пряди ее волос растрепались. Под тенистой кроной на нее повеяло наконец приятной прохладой. Мисси так захотелось домой, в ванную комнату. Если бы она

сейчас была дома!.. Но молодая женщина быстро отогнала эти мысли. Большой деревенский дом с широкой лестницей остался в прошлом. Комната на втором этаже с забавными ковриками и веселыми занавесками на окнах уже не была ее комнатой. Теперь у нее совсем другая жизнь: они с Вилли принадлежат друг другу и ответственны друг за друга. Мисси прочитала мысленно короткую молитву: «Господи! помоги мне быть достойной такого мужа, как мой Вилли, и наполнить дом радостью и счастьем», следом глаза молодой женщины закрылись, и она, пребывая уже в полусне, прилегла на одеяло.

— Нельзя засыпать, нельзя, — пытаюсь отогнать сон, шептала себе Мисси.

Глава вторая. Первый день пройден

Когда Мисси открыла глаза, она удивилась произошедшим вокруг переменам. Стало значительно прохладнее. Солнце, нещадно палившее весь день, светило ныне дружелюбно и мирно.

В воздухе приятно и терпко пахло дымком костра и готовящейся пищей. Запах еды и кофе напомнил Мисси, что она голодна. Теперь, окончательно проснувшись, Мисси смущенно оглядывалась. Возле соседних фургонов женщины готовили ужин, поддерживали костер, грели воду, только Мисси бездельничала. Что подумают о ней? Скоро вернется Вилли, а она даже не развела костер.

Мисси быстро пошла к своему фургону, на ходу поправляя юбку и завязывая волосы на затылке. Сделав несколько шагов, она вдруг поняла, что костер, горевший возле фургона — ее костер, а вкусный запах мяса и кофе идет из ее собственных кастрюль. Вилли выглянул из фургона. Он по-прежнему озабоченно всматривался в лицо жены, но, увидев ее отдохнувшей, облегченно вздохнул.

— Тебе лучше. Как ты себя чувствуешь, дорогая?

— Хорошо. Правда, просто прекрасно... — начала она, запинаясь, и затем сказала совсем тихо: — Мне ужасно стыдно.

— А что такое? Почему? — поинтересовался Вилли с нежностью в голосе.

— Ну как же, я заснула посреди дня, отдыхала, а тебе пришлось разводить костер, готовить еду. Даже кофе сварил. Что подумают обо мне? Моему мужу приходится работать за двоих — за себя и за жену.

— Это мелочи, с которыми нам неизбежно придется мириться. К тому же костер развел Генри. Он очень хотел есть.

— Так он поел?

— Конечно. Он торопился, и я догадываюсь, куда. С нами в обозе едут две молоденькие девушки, и, похоже, Генри пошел познакомиться с ними. — Вилли лукаво подмигнул и опять исчез внутри фургона.

— Почему ты не выходишь из фургона, Вилли? Что ты там делаешь? — недоумевала жена.

— Я ищу хлеб. Ничего не могу найти в этих горшках, жестянках и коробках. Куда ты положила его? Генри пришлось проглотить еду без хлеба, но я так не могу, к ужину мне нужен хлеб.

— Неужели? — улыбнулась Мисси и покачала головой. — А хлеб у тебя под носом. — Она забралась в фургон. — Дай-ка я достану. Мама напекла нам в дорогу вкусных пирогов, чтобы мы в наш первый ужин вспоминали о доме.

Когда Мисси доставала хлеб и пироги из глиняного горшка, куда их сложила Марти, ей на глаза попала миска для теста. И в памяти сразу всплыла щемящая сердце картинка: мать с покрасневшимся лицом наклонилась над печкой и вынимает пироги, которые испекла для отправляющихся в дорогу детей.

Вилли, почувствовав настроение жены, обнял ее и прижал к себе.

— Твоя мама еще долго будет тосковать. Как и ты. — Вилли нагнулся к жене и нежно поцеловал завиток ее волос.

— Надеюсь, — прошептала она.

— Мисси? — Голос Вилли дрогнул. — Ты абсолютно уверена в себе? Еще не поздно вернуться. Если ты сомневаешься, если чувствуешь...

— Ни за что, — решительно ответила Мисси. — У меня нет ни капли сомнений. Мне хочется как можно скорее увидеть участок, который ты купил, и дом, который мы построим. И ты это знаешь. Конечно, я буду скучать по родителям и дому, особенно первое время. Ну что ж, мне придется повзрослеть. Все когда-нибудь становятся взрослыми.

Вилли улыбнулся. «Эх, я! — взялся он корить себя. — Решил, что моя жена эгоистична и примет от меня такую жертву — отказ от заветной мечты!»

— Дорога будет нелегкой, Мисси. Ты понимаешь это?

— Понимаю.

— И даже когда мы доберемся до места, не будет легче. Дома еще нет. Нет церкви, нет соседей. Тебе будет всего этого не хватать.

— У меня есть ты.

Вилли снова обнял жену.

— К сожалению, я не смогу заменить тебе всего, что ты теряешь. Но я люблю тебя, Мисси, очень люблю.

— Больше мне ничего не нужно. Пока ты меня любишь, у меня все будет получаться. — Она поднялась на цыпочки и поцеловала мужа. Затем мягко высвободилась из его объятий. — Давай поужинаем. Что ты там приготовил? Я ужасно проголодалась.

— Боюсь, ты умеришь свой пыл, как только попробуешь мою стряпню, — смеясь, сказал Вилли. Мисси улыбнулась в ответ и отрицательно покачала головой.

После ужина, подождав, пока жена вымоет посуду, Вилли достал Библию. Ее замшевая обложка была аккуратно обернута бумагой.

— Вот что я думаю. Утром нам теперь некогда читать Библию; собираясь в путь, мы будем торопиться. Давай читать по вечерам, пока светло.

Согласно кивнув, Мисси устроилась рядом с мужем, и Вилли открыл Библию на странице, которая была заложена красной лентой.

— Твой отец отметил кое-какие места для нас. Утром, когда Кларк передавал мне Библию, он прочел некоторые стихи и советовал читать Библию каждый день, пока мы не почувствуем, что она по-настоящему вошла в наши сердца. Вот слушай. — И он ровным голосом начал читать: — «Не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей» 1.

О чем-то глубоко задумавшись, Вилли закрыл Книгу.

— Чудные стихи. — Голос Мисси дрогнул и выдал молодую женщину — сердечко ее трепетало. Мисси закрыла глаза, и ей казалось, что она ясно видит отца, сидящего за кухонным столом с Библией в руках, а вокруг него собралась вся семья. Отец был духовным стержнем в семье. Но сейчас для нее все изменилось. Вилли, ее муж, ныне Глава их дома. К нему Мисси будет приходить и в минуту печали и в минуту радости. Больше она не маленькая дочь своего отца, а взрослая замужняя женщина. Отец вручил ее Вилли, чтобы муж поддерживал ее и заботился о ней. Кларк любил Мисси. Его отеческая любовь и молитвы всегда оберегали девушку, и теперь он был рад, что его дочь под защитой такого сильного мужчины, как Вилли. Мисси нашла правильное место в жизни.

Муж и жена взялись за руки и стали молиться.

— Господи, благодарю Тебя, что Ты не покинул нас с Мисси в этот трудный первый день, — тихо говорил Вилли, — как не покидаешь Ты и наших оставшихся дома родных.

Внеси покой в их сердца, пока мы с Мисси вдали и учимся жить самостоятельно. Что бы ни было с нами, Господи, не оставь нас с Мисси во все время пути, укрепи дух наш! И прошу Тебя, Господи, поддержи здоровье моей жены, — при этих словах голос Вилли дрогнул.

Услышав волнение в голосе мужа, Мисси окончательно решила сегодня не затевать серьезный разговор. «Зачем тревожить Вилли? Я скоро привыкну к дороге и стану чувствовать себя лучше, — решила молодая женщина. — Да кроме того, возможна и ошибка. Надо еще повременить. А когда свежий воздух и движение пойдут мне на пользу, сил у меня прибавится, и Вилли сам увидит, что я стала крепче и здоровее. Тогда-то я и открою ему свою маленькую тайну», — и Мисси улыбнулась, предвкушая радость мужа.

Если бы можно было поделиться своими переживаниями с родителями! Она бы заглянула в их лица и похвалилась: «Ну вот, вы скоро станете бабушкой и дедушкой. Что скажете?» Родители, конечно, радостно обнимаются, их лица сияют счастьем. Здорово было бы объявить такую новость! Но пока никто не должен знать. Даже Вилли. Мисси вздохнула — что ж, она подождет.

Глава третья. На следующий день

Утром Мисси еле проснулась. Она ощупала руки, ноги, мышцы спины — все ныло и болело. Но когда постепенно сон прошел, в ее душе вновь началась борьба восторга — они с Вилли едут на Запад! — и боязни. Вчера целый день она вынуждена была трястись в фургоне, идти по ухабистой дороге, каждый шаг давался ей с трудом. Спать пришлось на узкой жесткой кровати, и тело теперь нещадно ломило.

У Вилли, наверное, тоже все болит. Она повернулась на кровати, вытянула руку — и коснулась пустой подушки. «Да он уже встал и занимается хозяйскими делами!» — догадалась Мисси и, охая от боли, поднялась с кровати.

— Надо пойти приготовить завтрак, — бормотала она. — Вилли уже, наверное, проголодался.

Выбравшись из фургона, молодая женщина с облегчением обнаружила, что многие еще спали. Солнышко только появилось над горизонтом, и его первые лучи пронизывали все своим золотистым светом.

Возле фургона горел костер. Мисси бросила в него несколько веток и стала с любопытством смотреть, как ветки, потрескивая, исчезали в принявшем их пламени.

— Ой, когда же это пройдет?! — вдруг вскрикнула она от боли и начала ходить взад и вперед, размахивая руками. — Похоже, мама сильно изнежила меня. Один день пути для меня, выросшей на ферме, оказался непреодолимым препятствием.

Разминая ноющие мышцы, Мисси вращала руками, поднимала ноги, приседала — и поняла еще одно преимущество быстрых движений: вполне эффективный способ отгонять moskitov. В это прохладное утро они кровожадно набросились на молодую женщину. Мисси поспешила вернуться в фургон и поискать свитер с длинными рукавами.

Теперь надо было умыться. Налив полный таз воды, Мисси обнаружила, что вода очень холодная — видимо, ее недавно принесли из ручья. Наспех обмывшись, молодая женщина схватила жесткое полотенце и принялась растирать себе спину, руки, лицо, пока не согрелась. Эта процедура придала ей бодрости и свежести. Ну, можно начинать новый день. И Мисси взялась готовить завтрак.

Когда появился Генри, яичница с беконом и закипающий кофе уже издавали ароматный запах. Веселые булькающие пузырьки стоящего на огне напитка как будто говорили: пора завтракать!

«Он становится мужчиной. Ему ведь столько же лет, сколько Вилли, — улыбнулась Мисси, взглянув на Генри. — Но Вилли выглядит солиднее и мужественнее».

— Доброе утро, Генри.

— Доброе утро, мэм.

Обращение «мэм» еще раз заставило молодую женщину улыбнуться.

— Есть хочешь?

— Еще бы.

— Как ты спал?

— Да moskity не давали уснуть. И лошади, отмахиваясь от них, всю ночь фырчали и топотали.

— А я moskitov не слышала. Только утром, когда встала, они привязались ко мне. Наверное, у нас в фургоне их нет.

— А Вилли говорил, что ему мешали москиты.

— Вот как! Значит, я так крепко спала, что ничего не чувствовала. А где Вилли?

— Мы ходили проверить лошадей и коров. А потом он пошел к мистеру Блейку.

— Что-нибудь случилось? — Мисси оторвала взгляд от яичницы, за которой следила, и нахмурила брови.

— Да нет. Я думаю, он хочет выяснить, сколько миль мы сегодня пройдем.

Мисси расставляла жестяные тарелки для утренней трапезы и в этот момент услышала Вилли, который насвистывал какую-то веселую мелодию. Сердце ее радостно затрепетало. Мисси нравился этот мелодичный свист — верный признак того, что в мире все идет своим порядком.

— Вот и я. — Вилли появился из-за фургона. — Ну, ты что-то рано сегодня, — пошутил он. — Думаю, может быть, нам с Генри... Ой, как тебя москиты искушали-то. — Вилли уставился на жену.

— Правда? Я даже не заметила. У меня после вчерашнего так ноют мышцы, что не до москитов. А ты как?

— Как всегда, нормально: тут кольнет, там кольнет. — Вилли широко улыбнулся. — Если я из этих пустяков буду делать трагедию, люди решат, что я ни дня в жизни не проработал.

Мисси глянула на крепкие мускулы мужа.

— Так решить может только тот, у кого нет глаз.

— А у меня ничего не болит, — похвалился Генри. — Разве от вожжей могут болеть руки? И вообще, что это за работа — сидеть на скамье фургона и править лошадьми?

— Мы скоро привыкнем. — Вилли подкатывал к столу бревно, на которое собирался сесть. — Пройдет немного времени, и мы с удивлением будем вспоминать, как уставали в первые дни.

Они сели за стол. Вилли попросил Божьего благословения на трапезу и предстоящий день, и Мисси подала завтрак.

После завтрака Генри пошел проверять второй фургон. Мисси мыла посуду и укладывала тарелки в коробку, а Вилли тщательно осматривал упряжь и состояние фургона. Вокруг бегали и кричали чьи-то дети, звали маму, рядом громко лаяли собаки, — но в этом шуме слух Мисси сразу уловил плач младенца.

— Похоже, у нас в обозе есть малыш... — Мисси незаметно наблюдала за мужем.

— Да, у Коллинзов. Ему около семи месяцев — я спрашивал у отца малыша.

— Очень рискованно с младенцем отправляться в дальнюю дорогу.

— И для матери небезопасно.

— Это их первенец?

— Нет, у них еще ребенок; старшему годика два, я думаю.

Мисси помолчала и продолжала:

— Наверное, трудно приходится с двумя малышами. Нам всем нужно бы помогать миссис Коллинз.

— Думаю, что она оценит твоё предложение. Кстати, скоро еще одной даме понадобится рука помощи.

— Она что, больна? — Мисси повернулась к мужу.

— О, надеюсь, вполне здорова. Просто собирается стать матерью.

— Неужели? — Лицо молодой женщины залилось краской, и она опустила голову,

чтобы муж не заметил ее невольное волнение.

— Это должно случиться в пути, — продолжал Вилли. — Я уже разговаривал с главой обоза, он уверяет, что не стоит беспокоиться. Говорит, роды в пути не редкость. В обозе даже есть акушерка, миссис Козенски, которая, как я слышал, приняла немало младенцев. Все так. Однако я бы не хотел, чтобы моей жене пришлось рожать в дороге.

— Ты бы не хотел, чтобы твоей жене пришлось рожать в дороге? — слово в слово, только с иной интонацией, повторила Мисси.

— Конечно. Пусть ребенок родится дома. И рядом на всякий случай будет доктор. Знаешь, я, между прочим, думаю, что мистер Блейк, как бы он ни храбрился, нервничает и, несомненно, будет рад, если к моменту родов будущая мать благополучно доберется до города и попадет в руки хорошего врача.

— Если бы мистер Блейк не был уверен в безопасности ситуации, он не взял бы эту семью в путь, — возразила Мисси.

— Ты думаешь, его заранее оповестили, что ожидается прибавление в семействе? Блейк узнал об этом уже по дороге, когда возвращать их было поздно — свою ферму на Востоке они продали. Вот как.

— Что ж, мистер Блейк не виноват. Его не поставили в известность.

— Да. — Вилли помолчал. — Но муж-то знал.

Мисси продолжала укладывать сковородки и кофейные чашки.

— Я уверена, с ней все будет в порядке. Кстати, я бы хотела с ней познакомиться. Как ее зовут?

— Фамилия ее мужа Клей. По-моему, Джон Клей.

— Ты видел ее?

— Так, мимоходом. Их фургон идет в начале обоза. Вчера вечером, когда я отводил лошадей на водопой, Клей как раз помогал жене вылезти из фургона. Вряд ли она до вечера была на воздухе.

— Она привыкнет к своему положению, — с надеждой, не очень, правда, твердой, сказала Мисси. — Может, она сегодня выйдет погулять, и мне удастся с ней познакомиться.

На поджаром, если не сказать костлявом, чалом жеребце, от жалкого вида которого у Мисси пропало всякое желание проехаться верхом, к ним приблизился один из проводников, руководивших движением обоза. Проводник выкрикивал имена возниц и давал им команды выстраивать фургоны в цепочку. Пора было отправляться в путь.

Мужчины все направились к лошадям, а женщины в это время торопливо убирали вещи в фургоны, гасили костры и проверяли, все ли семейство в сборе. Мисси уже собралась в дорогу и сейчас стояла рядом со своим фургоном, наблюдая спешные сборы других.

Снова она услышала плач младенца. «Я очень люблю детей. Вспомнить хотя бы малышкой Дейвиса, которых мне пришлось нянчить. Но отправиться на Запад с такой крошкой?! — Она с сомнением покачала головой. — Конечно, надо будет предложить помощь молодой матери, что говорить. Кстати, и сама подучусь обращаться с малышом, скоро пригодится».

Мысли Мисси вновь вернулись к женщине, которая должна была родить в дороге. «Поскорей бы с ней познакомиться! Все у миссис Клей, кажется, так ее зовут, пройдет благополучно, — всей душой надеялась Мисси. — Просто надо поговорить с миссис Козенски, она опытная акушерка и даст хороший совет».

Неодобрительное отношение Вилли к этой ситуации кольнуло молодую женщину,

теперь она ощущала себя так неловко, словно на ней было надето тесное-претесное платье. К тому же чувство вины перед Вилли не давало ей покоя, и она старалась найти убедительные доводы своей правоты. «Перед отъездом я еще не была уверена, — уговаривала себя Мисси. — И кроме того, не следовало затягивать отъезд — бедный Вилли не вынес бы этого».

Мисси забралась в фургон, села на скамью рядом с мужем и озарила его доверительной улыбкой.

Глава четвертая. Попутчики

В этот день Мисси, приложив некоторые усилия, обзавелась знакомыми среди попутчиков.

Найти миссис Коллинз, казалось ей, просто: надо идти туда, где плачет малыш. И Мисси не ошиблась: когда обоз остановился в полдень на отдых, она легко обнаружила походный дом семьи Коллинз. Он оказался по соседству, всего через несколько фургонов. Миссис Коллинз готовила обед. Стоявший рядом маленький мальчик дергал ее за юбку, а плачущая малышка не давала ни минуты покоя.

Мисси приветливо улыбнулась и представилась.

— Мы уже пообедали, — сказала она. — Вот я и подумала: мне уже делать нечего, а вам вдруг нужна какая-нибудь помощь? Я могу заняться с малышкой, пока вы готовите обед.

— О, я буду очень благодарна вам! — Вздох облегчения вырвался из груди миссис Коллинз. — Они ничего не дают мне делать. Мэгги, перестань плакать. Джо, посиди спокойно. — Мать отстранила от себя мальчика. — Подожди немного, сейчас мама приготовит поесть.

Джо шлепнулся на землю и громко заплакал, к нему с ревом присоединилась Мэгги. Подхватив малышку на руки, Мисси пошла к своему фургону. С мальчуганом матери придется справляться самой.

Держа девочку на руках, Мисси ходила вдоль фургона, укачивала и баюкала ее, и Мэгги наконец уснула.

Когда Мисси вернулась к походному дому Коллинзов, хозяйка, накормив мужа и сынишку, уже мыла посуду. «Нашлось ли у нее время поесть самой?» — подумала Мисси.

Джо сидел на одеяле; он больше не плакал, но на щеках остались грязные разводы от слез. Ему явно хотелось спать.

— Спасибо, большое спасибо, — миссис Коллинз признательно улыбнулась. — Вы просто положите ее на кровать в фургоне.

Дело это, однако, оказалось не очень простым. Чтобы найти место для малышки, Мисси пришлось убрать с кровати кое-какие вещи. «В фургончике Коллинзов места еще меньше, чем у нас с Вилли, — изумилась Мисси, — а ведь в этой семье четыре человека».

Откинув служащее дверью полотнище, Мисси вышла из фургона.

— Похоже, Джо тоже хочет спать, — деловито сказала Мисси.

— Да, — вздохнула мать.

«Хорошо бы еще мальчику нашлось, где спать, — с надеждой подумала Мисси. — Кроватки я что-то там не заметила».

— Я уложу его, — предложила она бодро. Мисси старалась говорить уверенно, но вообще-то робела: пойдет ли малыш с незнакомым ему человеком?

Но мальчик на удивление охотно взял Мисси за руку, и они пошли к фургону. «Надо умыть ему лицо», — решила по дороге Мисси и, намочив краешек своего передника в воде, ловко вытерла размазанные потеки на горячей от слез мордашке.

Чтобы не разбудить девочку, Мисси осторожно положила Джо подальше от сестренки. Длинные ресницы малыша то и дело вздрагивали — он боролся со сном. «Заснешь, заснешь, — была уверена Мисси. — Отдохни как следует, крошка, тогда и капризничать не будешь. И маму свою порадуешь». Мисси на цыпочках вышла из фургона.

У миссис Коллинз меж тем все уже было готово к дороге, она заканчивала укладывать посуду.

— Вы бы прилегли рядом с детьми и тоже отдохнули, — осторожно сказала Мисси.

— Да, пожалуй. — Миссис Коллинз глубоко вздохнула и смахнула набежавшую слезу.

— Не знаю, как и благодарить вас. Честно говоря, я уж подумывала возвращаться назад.

— Ну что вы! Все наладится, — была уверена Мисси. — А мы обязательно будем помогать.

— Спасибо. Вы очень-очень добры.

В это время на весь обоз раздалось громкое: «В дорогу!», и Мисси заспешила к своему фургону.

— Не унывайте, — уходя, подбодрила она миссис Коллинз. — А я зайду к вам попозже.

Миссис Коллинз кивнула и попыталась улыбнуться. Затем поспешно забралась в фургон. «В фургоне, конечно, очень жарко и душно. Разгар дня. Но для утомленной заботами матери это, наверное, самое желанное сейчас место», — порадовалась за нее Мисси.

Весь день Мисси то ехала в фургоне, то шла пешком. По дороге она болтала с женщинами и детьми, которые оказывались в этот момент рядом. Не без удовольствия молодая женщина познакомилась с миссис Стэндрд, миловидной дамой, имевшей седую голову и хорошую осанку. У нее в семье было восемь детей — пять девочек и три мальчика. Миссис Стэндрд была замужем вторым браком и на сей раз поставила перед собой очень нелегкую задачу — слепить в одно целое таких разных по характеру, темпераменту и возрасту восьмерых девчушек и мальчиков. Мисси восхищал энтузиазм миссис Стэндрд и то чувство юмора, с которым она принимала всевозможные неурядицы. До замужества она жила в городе. Вышла замуж за вдовца, сельчанина, и столкнулась с совершенно иным жизненным укладом. Муж ее был убежден, что радуга поднимается с запада, а потому там и надо искать счастье. Что ж, миссис Стэндрд не долго думая собрала всех восьмерых детей, нехитрый свой скарб и отправилась в дальний путь.

Обычно рядом с миссис Стэндрд шла миссис Шмидт, маленькая, крепкого сложения дама. Она немного прихрамывала. У миссис Шмидт было трое детей — два взрослых сына и девочка восьми лет.

Обе дамы не отличались говорливостью. Словоохотливость миссис Стэндрд с избытком была удовлетворена постоянными наставлениями, которые она давала своей многочисленной семье, а миссис Шмидт, казалось, вовсе не нуждалась в собеседниках. Она была человеком дела, а не пустых разговоров. Если уж миссис Шмидт бралась сама за пасти хворост для костра, то кучка получалась не на один вечер.

Были еще миссис Ларкин, смуглая особа с несчастным выражением лица, и миссис Пейдж, которая говорила быстрее, чем шла, а шла она очень стремительно. Хотели ее слушать или нет, она непременно давала полный перечень своего имущества, с ценами и местом или способом приобретения каждой вещи. Мисси долго не смогла терпеть напор этой болтуни и под предлогом поиска дров для костра отошла подальше.

Миссис Торн, высокая белокурая, негнибаемая с виду дама, всегда целенаправленно продвигалась вперед. Трое ее детей, подражая матери, шли прямым путем и размашистым шагом. Мисси была уверена: у этой женщины проблем на Западе не будет. Все у нее получится.

Девушку с открытой улыбкой, приветливо помахавшую Мисси рукой в самом начале пути, в их первый день, звали Кэти Вайсс. Она отправилась на Запад со своим недавно

овдовевшим отцом. Порой задумчивая и мечтательная, Кэти вообще-то обладала очень общительным характером. Наблюдая за ней в разных ситуациях, Мисси иногда начинала подозревать, что девушка не понимает, на какой трудной дороге она оказалась, и думает, что веселится на пикнике, который несколько затянулся.

Кэти сразу подружилась с юной миссис Крейн, изящной, похожей на фарфоровую куколку женщиной, которая, кажется, пребывала в состоянии постоянного шока от происходящего. Она была модницей и ни за что не хотела надевать простую удобную одежду. На ней всегда были стильные платье и шляпка, на ножках — шикарные ботинки, абсолютно негодные для ходьбы. Каждое утро миссис Крейн трагично тратила на прихорашивание больше времени, чем на завтрак. Мисси с улыбкой относилась к подобной щепетильности, но в душе симпатизировала этой подружке Кэти. Ей было жаль, что миссис Крейн упорствует в своих привычках: путь нелегкий, сколько она продержится таким образом?

Мисси отыскала миссис Козенски, акушерку, и ей сразу понравилась эта полноватая женщина, похожая на ее мать. Доброе лицо и широкая улыбка так расположили Мисси, что она решила всячески помогать миссис Козенски переносить тяготы пути. Конечно, ей приходилось потуже, чем молодым попутчицам; как и все, она вынуждена была трястись в фургоне или идти по ухабистой дороге.

Шедшие небольшими группами женщины и дети болтали, общались меж собой, стараясь как-то скоротать долго тянувшийся день. Мисси решила быстрее познакомиться со всеми попутчицами, а с кем-то, возможно, получится и подружиться. У них у всех была общая цель, и, по мнению Мисси, это делало их похожими друг на друга, несмотря на разницу характеров, возраста и жизненного опыта.

Однако более всего помыслы Мисси занимала женщина, о которой говорил ей Вилли, — та, что собирается стать матерью, миссис Клей. У них наверняка найдутся общие интересы, хотя свою тайну Мисси до сих пор тщательно оберегает. Она настойчиво, но пока безуспешно искала миссис Клей, когда шла по дороге вместе с обозом.

Наступило время отдыха. Привал. Как и вчера, Мисси совершенно валилась с ног. Она бросила на землю хворост, который подобрала по дороге, и пошла посмотреть, как там Вилли.

Вилли распрягал лошадей. На руках у него там, где вожжи касались пальцев и натирали кожу, образовались волдыри. Мисси не отрывала от них обеспокоенного взгляда, но Вилли только пожал плечами.

— Через пару дней кожа загрубеет — и вся проблема, — сказал он. — А ты как, дорогая?

— Устала... Тело ломит. И все же я еще ничего. Вот миссис Крейн, та хромала всю дорогу и еле забралась в свой фургон.

— А-а, эта молодая павлиниха в смешных перьях?

— Не будь так суров к ней, — улыбнулась Мисси. — Она просто ценит красивые вещи.

— Тогда ей стоит спрятать свои красивые вещи подальше, до лучших времен, и найти что-нибудь более подходящее обстоятельствам.

— Ты, конечно, прав. Но ведь додуматься до этого она должна сама.

— Какая ты у меня умница! — Вилли радостно улыбнулся жене, но тотчас вынужден был посмотреть на нее пристально и настороженно. — Тебе опять надо отдохнуть, дорогая. Неважно выглядишь.

На этот раз Мисси решила не спать. Больших деревьев поблизости не было, и она

устроилась в тени фургона, у колеса и занялась вязаньем. Другие женщины и дети также мирно отдыхали возле фургонов; одна миссис Шмидт не могла уняться и все подбрасывала дров в свою и без того уже немалую кучу. Услышав легкий храп, идущий от соседнего фургона, Мисси повернулась глянуть, кто это сопит — миссис Торн распростерлась на траве и спала, положив руку под голову.

Внимание всех, кто не спал, вскоре привлек переполох, стоявший возле фургона миссис Стэндрд. Хозяйка промывала рану на большом пальце ноги одному из своих детей и накладывала на нее повязку. Ребенок поначалу нещадно вопил, однако смекнув, какое впечатление может произвести свеженькая белая повязка, он решил успокоиться и поковылял на поиски простачка, который оценит этот знак его бесстрашия. Еще один малолетний сынишка семейства катался по траве, играя с собачкой. Собачонка тявкала, мальчик хохотал, а миссис Стэндрд с тяжким вздохом отошла от них подальше, села на землю, сняла ботинки и стала растирать нывшие от усталости ноги. Мисси с сочувствием смотрела на нее.

«Чем ниже солнце склоняется к горизонту, тем меньше у нас остается драгоценного времени отдыха», — вздыхая, отметила для себя Мисси.

Постепенно в лагере возобновилось движение, уже разгорался первый костер. Конечно, это был костер миссис Шмидт. Мисси улыбнулась: «Миссис Шмидт, вероятно, все же надеется сжечь запас дров за сегодняшний вечер, если принялась за дело загодя». В прохладном вечернем воздухе начинали подниматься струйки дыма и других костров. В лагере готовили ужин.

Когда пришел Вилли, костер возле их фургона уже горел. Из-под крышки котелка доносился аппетитный запах тушеного мяса, а к чаю было любимое лакомство — выпечка Марты. Конечно, через пару дней пироги и печенье будут уже не те, потеряют и вкус и мягкость, но сегодня Мисси с наслаждением проглатывала каждый кусочек. Генри ел со здоровым аппетитом молодого парня, но и Вилли не отставал.

— Я вот о чем думаю, — решила Мисси. — Не взять ли нам вместо двух наших коров, которые отелятся через несколько месяцев, одну дойную?

— Молочка захотелось? — улыбнулся Вилли.

— Меня чай и кофе вполне устраивают, но... Ты посмотри, сколько детей вокруг. А что может быть полезнее для детей, чем молоко? — Втайне Мисси, конечно, надеялась, что молоко и ей понадобится.

Вилли обвел взглядом лагерь.

— Ты права, детей с нами едет много. Кстати, ты сегодня видела еще миссис Коллинз?

— Нет. Она, наверное, не выходит из фургона, иначе ей пришлось бы идти с двумя маленькими детьми на руках. Надо бы мне пойти помочь миссис Коллинз вымыть посуду после ужина.

Вилли нахмурился.

— Мисси, твоя добросердечность по отношению к соседям достойна всяческой похвалы, но, дорогая, не слишком ли ты усердствуешь? Ты по-прежнему выглядишь очень усталой.

— Говорите, надо поддерживать добрососедские отношения... — задумчиво произнес Генри и отодвинул пустую тарелку. — Пожалуй, я тоже навещу кое-кого. — Он поднялся очень энергично, но, спохватившись, вышел уже как бы нехотя.

— Я себя хорошо чувствую, — поспешила заверить мужа Мисси. — Еще немного, и я

совсем освоюсь.

— Будем надеяться.

— Так мне и не удалось повидать миссис Клей, — сменила тему Мисси, — хотя я искала ее весь день.

— Она не отходит от своего фургона. Когда мы поили лошадей, я встретил Джона — его именно так зовут, я не ошибся, — так вот, он жаловался, что жена очень тяжело переносит эту сильную жару.

— А что если мы прогуляемся к ним, когда закончим дела?

— Конечно.

Вилли потянулся за Библией. Открыв страницу, заложенную Кларком, он прочитал стих из книги пророка Исаии:

— «Не бойся, ибо Я с тобою». — Вилли помолчал, пристально глядя на страницу, затем перевел взгляд на жену. — Что для тебя это значит, Мисси?

Оторвав глаза от медленно заходящего за горизонт солнца, молодая женщина повернулась к мужу. Она задумалась над прочитанными Вилли словами, вроде бы знакомыми, и в то же время теперь, когда они уехали из родного дома и находятся на пути к новой жизни, эти слова зазвучали по-иному.

— Я думаю, — медленно, взвешенно начала говорить Мисси, — это означает, что Бог с нами каждое мгновение нашей жизни, и сейчас, здесь, у костра Он с нами. Ах, Вилли! — воскликнула Мисси. — Мы так нуждаемся в Боге. Я говорю не просто о поддержке физических сил, чтобы нам пройти путь, но больше — об укреплении силы духа. Не будь Господа со мной, я бы растерялась. Конечно, тяжело оставлять родителей, дом... Но, Вилли, ты только представь, если бы мы остались без Бога. Я бы и шага не могла сделать. Он ведет нас.

Вилли обнял жену и прижал к себе.

— Сказать тебе, что я сейчас чувствую? — Его голос дрогнул от волнения. Кое-как справившись с нахлынувшими чувствами, Вилли стал читать благодарственную молитву. Он благодарил Господа за заботу о них с Мисси и просил защиты для будущего младенца миссис Клей.

Глава пятая. Ребекка Клей

Пока Вилли носил из ручья воду и наполнял бочку, Мисси навела порядок в фургоне. Наконец все дела были сделаны, и они решили пройтись и заглянуть к семье Клей. Взявшись за руки, они неторопливо прогуливались по лагерю на колесах, то и дело останавливаясь, чтобы поговорить с соседями. Мисси знакомила мужа с теми дамами и детьми, с которыми успела подружиться, так же поступал и Вилли.

Мимоходом завернули они к фургону Коллинзов — Мисси решила спросить, не помогут ли миссис Коллинз постирать детские вещички и пеленки.

— Нет, благодарю вас, белья хватит еще по крайней мере на день, — признательно улыбнулась хозяйка.

Невольно вырвавшийся у Мисси вздох облегчения заставил молодую женщину устыдиться, и ей пришлось лишь уповать на то, что он остался незамеченным. Конечно, Мисси рада предложить свою помощь, но ведь тело ноет, мышцы болят... Может, завтра ей станет легче.

А вот и фургон семьи Клей. Поприветствовав Джона, Вилли не без гордости представил ему жену. Джон, в свою очередь, позвал Ребекку, которая была в это время в фургоне. Молодая женщина, откинув служащее дверью полотнище, начала медленно спускаться по лестнице, ожидая, что муж подаст ей руку.

Впоследствии Мисси не раз вспоминала свое первое впечатление от Ребекки, как разительно ее облик отличался от того, который Мисси себе нарисовала. Юное ее лицо выглядело уставшим, но стоило молодой женщине, увидев Мисси, улыбнуться, она сразу преобразилась. У Ребекки была очень приятная улыбка. Длинные золотисто-каштановые волосы были туго стянуты на затылке темно-зеленой лентой. Глаза ее, тоже зеленые, весело заблестели при виде гостей. Ребекка определенно была очень привлекательной женщиной, и очарование исходило далеко не только от ее внешности. Мисси сразу поняла, что хочет подружиться с ней.

Ребекка подошла прямо к Мисси и протянула ей руку.

— Мое имя Ребекка Клей, — сказала она просто и очень мелодичным голосом. — Рада познакомиться с вами.

— А я — Мелисса Ла Хэй, — ответила Мисси, удивившись сама себе: почему она назвала свое полное имя? — Можно просто Мисси, — быстро добавила гостя, почувствовав, что Ребекка знает, как к ней обращаются.

— А я Бекки.

— Вам идет ваше имя, — улыбнулась Мисси. — А это мой муж Вилли. Наши мужчины уже знакомы.

— Да, Джон говорил мне. Я очень хотела повидать вас, но эти два дня мне что-то нездоровится. Скорей бы уж присоединиться к вам и идти вместе со всей компанией. Куда приятнее, чем одной коротать время в фургоне. — Ребекка подошла к большим гладким валунам. — Давайте присядем. У нас пока нет стульев, и Джон вот приспособил под них камни.

Все четверо молодых людей уселись вокруг костра, который поддерживал Джон. Он подкинул в огонь еще хвороста.

— Надо думать, дым отгонит moskitov.

— Куда же вы направляетесь? — задал Вилли тот вопрос, который волновал здесь всех и был на устах у каждого, кто ехал на Запад. Мисси ожидала, что ответ обрадует ее приобретением добрых соседей в будущем.

— Мы едем с этим обозом в Тетфорд, а там несколько дней подождем группу, которая пойдет на северо-запад, — ответил Джон. — Туда отправился в прошлом году мой брат и скоро прислал нам письмо. Здесь, пишет, такие плодородные земли, что тебе и не снилось. Не нужно ничего выкорчевывать, расчищать — вставляй плуг да паши. Он не верит, что мы соберемся приехать, потому и решил прихвастнуть.

«Да, в эти сказки трудно поверить, но мне не раз приходилось их слышать», — подумала Мисси. Она была опечалена, сидела, опустив глаза, и старалась скрыть свое разочарование: чета Клей не станет их соседями.

— А вы куда держите путь? — спросил Джон.

— Мы в Тетфорде присоединимся к обозу, идущему на юг. Я купил у южных холмов землю под ранчо.

— Хорошие там места?

— Сказочные — чистое голубое небо, зеленые холмы. — Глаза Вилли загорелись: он оседлал любимого конька и нашел себе достойных слушателей. — Местность, правда, безлесная, но в небольшой долине, где я собираюсь строиться, деревья есть. Не так много, как у нас дома, но есть.

— А в тех местах, куда мы едем, вообще деревья не растут, — сказал Джон.

— Тоскливо-то как без леса, — тихонько пожаловалась Бекки.

Мисси любила лес и потому могла в полной мере посочувствовать Ребекке, но решила увести разговор в сторону.

— Мы скоро привыкнем ко всему новому.

Бекки улыбнулась.

— Конечно, придется смириться. В любом случае, я вряд ли смогу выкроить время, чтобы замечать недостатки.

Меж тем мужчины завели разговор о лошадях и отправились проверить упряжь. Джон хотел показать Вилли свою лошадь — ремнем повода у нее до крови была стерта шея, и Вилли вызвался посмотреть, в чем там дело, и посоветовать, как лечить рану.

Женщины вдвоем сидели у костра.

— Кто у тебя остался дома? — спросила Мисси, думая о своих родителях.

— Один отец. Мама умерла, когда мне было пятнадцать.

— Но тебе и сейчас не дашь больше, — улыбнулась Мисси.

Бекки рассмеялась.

— Все говорят, что я выгляжу намного моложе своих лет. Но держу пари, что мне ровно столько же, сколько и тебе. В октябре исполнится девятнадцать.

— Мы почти ровесницы! — Глаза Мисси округлились от удивления. — А когда у тебя родится малыш?

— Где-то месяца через два. Мы надеемся, что все пойдет нормально, и когда у меня начнутся роды, обоз будет уже в Тетфорде, где есть врач.

— Ты уверена, что там есть доктор? По-моему, это небольшое поселение.

— Что ты! Тетфорд — узел многих дорог, туда приходят обозы и оттуда расходятся по разным направлениям фургоны.

— Вот бы и наши дороги сошлись! — с подкупающей искренностью воскликнула

Мисси.

— И мне этого очень хочется. Будь у меня такая соседка, как ты, я бы много увереннее чувствовала себя на новом месте. Пусть даже это будет не самое близкое соседство.

Обе женщины замолчали, думая каждая о своем. Мисси механически перебирала бахрому шали, Бекки ворошила кочергой хворост в костре.

— Мисси, — тихо спросила Бекки. — Тебе было когда-нибудь страшно?

Мисси не поднимала глаз.

— Ты имеешь в виду поездку на Запад?

— Да.

— Не то чтобы мне страшно... — неуверенно начала Мисси. — Знаешь, Вилли был в таком восторге от этой идеи, что и я искренне полагала: я хочу ехать. И поехала. Но я и близко не знала, с чем мне придется столкнуться в дороге, не думала, что буду так сильно тосковать по родителям. Иногда я чувствую ужасающую пустоту. — Она приостановилась, задумавшись, и сказала честно: — Да, пожалуй, и страшно.

— Спасибо, Мисси, за откровенность. Теперь я знаю, что не одна я такая. Часто я чувствую себя потерянной, словно ребенок, но никогда и никому не говорила об этом, даже Джону. Мне так хочется, чтобы его мечта сбылась. Но иногда я боюсь, что не смогу сделать его счастливым — моя тоска по дому не дает ему покоя.

— Ты скучаешь по дому, в котором у тебя уже нет матери?

— Да, из-за этого еще сильнее. Отец очень любил маму, и страшно вспоминать, что с ним было, когда мы потеряли ее. У папы осталась одна я. А потом появился Джон, и я так влюбилась, что совершенно потеряла голову. — Она глубоко вздохнула. — Сейчас я оставила отца одного, — скороговоркой сказала Бекки. Ее глаза наполнились слезами. — Если бы мама была жива, я бы не так беспокоилась о нем. Я очень скучаю. Мисси, он замечательный человек. Сильный, мужественный, и сердце у него редкой доброты.

— У меня тоже очень хороший отец, и страдал бы так же глубоко, если бы остался один. Хотя он и теперь льет молчаливые слезы, а я рыдаю, скучая по нему. Но, по крайней мере, он не один, с ним мама и младшие дети.

— Значит, ты тоже скучаешь по дому...

— Да. И надеюсь на лучшее. Господь не оставит нас.

— Я тоже уповаю на Господа, — призналась Бекки. — Лишь Он дает мне силы на каждый мой день. Я не очень-то отважная в жизни... Даже с Ним. Но без Него я была бы последняя трусиха.

Мисси улыбнулась.

— Скажу тебе по секрету: я счастлива, что бесстрашия Вилли хватает на нас обоих.

— Джон у меня тоже очень мужественный. И оптимист. Его глаза умеют видеть впереди одно хорошее. Только бы ему не пришлось разочароваться.

Мисси крепко сжала руку своей новой подруги.

— Ты оправдаешь его надежды. Бекки, тебе многое дано, иначе ты не была бы здесь.

— Ах, Мисси, так хочется в это верить!

— Дорогая, скажи, — решила Мисси, — ты волнуешься о своем малыше?

— Немного, но я стараюсь не думать ни о чем плохом. Я очень устала от тряски в фургоне и от жары. Жду не дождусь, когда мне станет лучше, и я смогу идти вместе со всеми по дороге.

— Наверное, много тебе ходить нельзя.

— Джон считает, что ходьба мне только полезна. Свежий воздух и движение — вот, говорит, что тебе нужно. У его матери шестеро детей, но она не оставляла работу ни на один день.

«Мама у Джона — молодчина», — чуть было не сказала Мисси, да придержала язычок. И вскользь заметила:

— У нас в обозе есть акушерка, очень опытная в своем деле. Надо бы тебе с ней посоветоваться, что она скажет.

— Джон уже говорил мне об этой акушерке, но я пока с ней не виделась.

— Она тебе понравится, не сомневайся. Я повстречала ее сегодня. Очень добрая женщина. Если хочешь, я приведу ее к тебе.

— Сделай одолжение, Мисси. Мне уже есть что спросить у акушерки. Если бы мама...

— Бекки не закончила. Ее глаза быстро-быстро заморгала — чтобы на ресницах не повисли слезки.

— Не волнуйся, я найду ее завтра и приведу к тебе, — успокоила подругу Мисси и перевела разговор на другое: — Перед отъездом мой папа вручил нам с Вилли Библию, в которой сам отметил некоторые стихи. Мы приняли их как обращение Бога лично к нам. Но ведь Господь, Бекки, одинаково любит всех своих детей, и, может быть, стихи из Исаии будут для тебя так же важны, как и для нас с Вилли. Вот послушай. — Мисси помедлила и начала по памяти: — «Не бойся, ибо Я тобой; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды моей». Это небольшой стих, но обещание и надежда в нем велики, ибо Господь действительно поддержит. Господь везде с нами, и в жизни и в смерти.

— Спасибо тебе, Мисси. Я так нуждаюсь в поддержке. Завтра, когда зайдешь ко мне, покажи мне это место в Библии. Я хочу сама прочесть. Сейчас-то уже стемнело, не различить будет.

— Обязательно.

Женщины замолчали и продолжали вдвоем сидеть у костра, мужчины все еще обрабатывали гнойную рану на шее лошади. Тишину нарушало лишь потрескивание дров в огне. Как Мисси хотелось раскрыть подруге свою тайну! Она еле сдерживалась. «Но первым должен узнать Вилли. Я скоро скажу ему обо всем, нельзя же держать мужа в неведении. Только бы Вилли не рассердился, — замирало сердечко молодой женщины. — А мне бы удалось победить усталость в теле. Хорошо еще меня не мучают по утрам приступы тошноты, как это бывает у других женщин в моем положении».

Бекки прервала раздумье своей гостью:

— Ты знаешь, а я немного слукавила. Я не то чтобы побаиваюсь, я на самом деле в ужасе. А вдруг не окажется врача? Мне страшно и за ребенка и за себя. Я ничего не знаю о родах, Мисси. Не умею обращаться с младенцем. А вдруг мы не успеем доехать до Тетфорда? Хотя Джон и говорит... — Бекки внезапно замолчала, задумавшись, и чему-то своему покачивала головой.

— И Джон прав. — Мисси решила увести подругу от сомнений. — Ваш малыш родится в Тетфорде, в хороших условиях, и доктор будет рядом. Ну а если малышу захочется раньше появиться на свет, у нас есть миссис Козенски, добрейшая из женщин. Подожди, познакомишься с ней, она тебя успокоит.

Бекки постаралась улыбнуться.

— Спасибо, Мисси. Ты, боюсь, подумала, что я капризничаю; дело-то в общем

житейское. Конечно, надо поскорей познакомится с миссис Ко... Ко... Как, ты сказала, ее зовут?

— Козенски.

— Может, миссис Козенски решит все мои проблемы, и тогда я пойду с тобой пешком, а то в этом дребезжащем трясущемся фургоне можно превратиться в кашу, — улыбнулась Бекки и поднялась. — Скоро, наверное, вернутся мужчины. Нужно приготовить кофе.

В субботу после ужина Глава обоза мистер Блейк собрал всех переселенцев, держащих путь на Запад.

— Жизнь наша в обозе однообразна и скучна, — заявил он решительно. — И вот меня какая посетила идея: если кто-то играет на музыкальных инструментах — милости просим. Мы все, я думаю, оценим смелость выхода на публику и от души поддержим выступление.

Идея понравилась. Генри принес гитару, а мистер Вайсс — старенькую скрипку, и у костра был устроен самый настоящий музыкальный вечер. Кто пел каждую песню от начала до конца, кто просто мурлыкал что-то себе под нос, дети скакали и раскачивались под музыку, точно исполняли народные танцы. Мистер Вайсс проявлял чудеса виртуозности на своей повидавшей виды скрипке, но и Генри не отставал. Оказалось, что Генри одарен на удивление приятным голосом. Он знал много песен и запевал одну за другой, а спонтанно образовавшийся хор дружно их подхватывал. Пели также церковные гимны. Для Мисси эти проведенные у костра минуты были особенно приятны: память уносила ее к родному дому, где они тоже часто пели, прославляя Бога. «Ай да Генри! — изумлялась Мисси и взяла себе на заметку: — Здоровый аппетит музыканта нужно поддерживать улучшенным питанием».

В конце вечера мистер Блейк попросил слово.

— Всем спасибо. Мы с вами хорошо провели время, но становится темно, и пора расходиться. Москиты что-то совсем заедают. — Мистер Блейк отмахивался от назойливой орды. — Завтра, в воскресенье обоз наш останется на месте — хоть я не религиозный человек, но соглашусь, что отдых нужен и людям и животным. Верующие могут совершить благодарственное богослужение. А вообще-то каждый пусть сам строит планы выходного дня. Я лично хочу половить рыбу. — Он оглядел собравшихся. — Есть у нас желающие организовать служение?

Несколько человек подняли руки.

— Прекрасно, прекрасно, — повторял мистер Блейк. — Клейн, получается, что тебе придется провести его.

Генри пришел в некоторое замешательство, но наклонил голову в знак согласия.

Собрание закончилось, и Генри пошел опрашивать соседей — кто примет участие в утреннем богослужении. Согласились не все, но по большей части люди хотели собраться в церкви в воскресный день.

Вилли поручили читать Писание. Генри должен был организовать песнопение. Мистер Вайсс, как выяснилось, на своей старенькой скрипке еще охотнее исполняет гимны, чем мелодии народных танцев и песен. Итак, все было решено.

Воскресенье выдалось ясным и теплым. Накануне все вместе условились начать богослужение в девять утра, пока солнце не поднялось еще высоко и нет удушающей жары. Собравшиеся в небольшой рощице возле ручья люди расположились на круглых бревнах, которые прикатали сюда Вилли и Генри.

Служение началось с пения церковного гимна, которое вел своим приятным баритоном Генри. Несколько новых песен, простых и коротеньких, с легко запоминающейся мелодией

исполнила небольшая певческая группа. Дирижировала этим пением Кэти Вайсс, а сопровождалось оно ритмичным хлопанием в ладоши, к которому удачно примешивались хлопки по разным частям тела, предназначенные для москитов.

Торжественной строфой из гимна «О, благодать!» Генри закончил песнопение и попросил верующих начать молитву. Он молился с такой страстью, что Мисси вспомнился родной дом.

Собравшиеся на богослужение просили Господа не оставить их в пути; один за другим вставали верующие и благодарили Бога, который ведет их, укрепляет их силы, духовные и физические. Мисси и Бекки, улучив момент, переглянулись и многозначительно улыбнулись друг другу.

В конце службы Вилли приступил к чтению Писания. Он выбрал те страницы, где рассказывалось, как Иисус накормил толпу скромным обедом мальчика — пятью хлебами ячменными и двумя рыбками 2. Мисси не сомневалась, что верующие поняли особую значимость этих слов: Бог защищает в пути каждого из них и каждого питает. Собравшиеся внимательно слушали слова Господа, которые доносил спокойный ровный голос Вилли. «Аминь!» раздавалось со всех сторон, когда Вилли закрыл Книгу.

Собрание под сенью деревьев, конечно, нельзя было назвать настоящей церковью, но проведенное в молитве время оказалось благодатным — как если бы они молились в здании церкви под звон колоколов. После богослужения каждый его участник подошел к Генри и с благодарностью пожал руку организатору, а кое-кто уже предлагал Генри новые песни-гимны для вечернего пения у костра.

Со временем утренняя служба и вечернее песнопение по воскресеньям стали даже более популярны у путников, чем субботние встречи у костра. Ну а те, кто не ходил на богослужение, занимались хозяйственными делами: стирали, мыли, чистили — и оставались в своих фургонах. В воскресенье всем хотелось отдохнуть. «Не религиозному» мистеру Блейку тоже была предоставлена полная свобода: он мог охотиться, ловить рыбу или лежать в тени — полностью на свое усмотрение.

Однако Мисси в одно воскресное утро, когда шло богослужение, заметила мистера Блейка прохаживающимся туда-сюда по лагерю. Он просто прохаживался и просто к чему-то прислушивался.

Глава шестая. Утомительная дорога

Время тянулось мучительно долго в череде однообразных дней. По-прежнему стояла изнуряющая жара, солнце палило нещадно. Изредка на землю падал дождь, но приносил он лишь минутное облегчение.

Постепенно переселенцы приспособились к походной жизни. Мышечная боль на исходе дня уже не докучала так сильно, вместо стертой до крови кожи на ладонях и ступнях появились сухие мозоли. Но начали уставать лошади, и возницам приходилось все время держаться начеку.

Семья Вилбурс вынуждена была отстать от обоза: одна из их лошадей не могла больше тянуть фургон. В этой ситуации мистер Блейк принял решение вести всех в объезд — в двух милях от основной дороги находился небольшой военный пост.

Дежурный сержант пообещал послать нескольких своих людей вместе с мистером Вилбурсом, чтобы они сопровождали фургон в безопасное место. Семейству Вилбурс, увы, предстояло отправиться в ближайший город, и Мисси не могла не расплакаться при виде их расстроенных лиц. Обоз тронулся в путь без молодой пары Вилбурс.

Это происшествие напомнило всем о необходимости вести себя осмотрительно. Тем не менее несчастья случались. Мальчик из семьи Пейдж получил сильный ожог, играя возле костра. Кузнеца обоза, мистера Вайсса, лягнула лошадь, когда он пытался поставить подкову, но, к счастью, все обошлось малой кровью. Миссис Крейн, поднимаясь в горку в своих модных ботиночках, подвихнула ногу и была вынуждена теперь сидеть в фургоне. Несколько детей очень сильно покусали москиты. Случались и простуды, укладывавшие то одного, то другого ребенка в постель. Но в конце концов все так или иначе устраивалось.

По мере продвижения на Запад вид местности понемногу менялся. Мисси пыталась определить, чем же проплывающие перед ее глазами пейзажи отличны от привычной с детства картины. Деревья небольшие. Они решительно не походят на те, что растут в родных краях. Карабкающийся вверх по склонам холмов невысокий кустарник и вовсе незнаком. Но в чем бы ни была разница, догадалась Мисси, главное — что она все дальше и дальше уезжает от родного дома и тех, кого любит. Сердце щемило от незнакомого чувства одиночества. Не раз Мисси приходилось прикусывать губу, чтобы сдержать подступающие слезы. «Нужно больше молиться», — решила она. И теперь, шла ли молодая женщина вместе со всеми по дороге или была занята домашними делами, она повторяла и повторяла святые слова пророка Исаии. Чтобы отвлечься от печальных мыслей, Мисси старалась загрузить себя работой по дому. Пусть руки и голова будут заняты полезным делом.

Мисси часто ходила навещать Бекки и в один из визитов, сдержав свое обещание, познакомила будущую мать с акушеркой. Миссис Козенски, как и следовало ожидать, не одобрила совет больше двигаться, который дал муж Бекки, а, напротив, убеждала молодую женщину быть осторожной и не усердствовать в работе по хозяйству. Строгости и ограничения, наложенные миссис Козенски, огорчали Бекки, но она послушно выполняла все предписания, и ей стало лучше.

Часто Мисси, отправляясь к подруге, брала с собой малышку Мэгги; миссис Коллинз получала возможность немного отдохнуть, а молодые женщины рады были заняться маленьким ребенком.

Сколько бы ни старалась Мисси пребывать мыслями в грядущих делах, воспоминания о

доме не оставляли ее. «Чем в эту минуту заняты родители? Сегодня у мамы стирка, и она сейчас, наверное, развешивает белье на солнце, такое белое, сверкающее чистотой. Папа, как всегда, отправился в город. Он ведь ездит в город раз в неделю. А в воскресенье всей семьей они усядутся в экипаж и поедут в маленькую деревянную церковь. Там будут и все соседи, которых я знаю с детства. Пастор Джой прочтет проповедь и закончит ее словами „Аминь“, подтверждая истину Писания». Мисси закрывает глаза и видит улыбку любимой сестры Клей, которая с гордостью и любовью смотрит на мужа, читающего молитву с проповеднической кафедры.

Так проходил день за днем — Мисси окрепла и уверенно шла вместе со всеми, но душа ее рвалась домой, и в мыслях молодая женщина продолжала жить повседневной жизнью своих родных, которых она оставила надолго, а может, навсегда.

Как-то, готовя ужин, Мисси с удивлением подумала: «А ведь мы в пути почти месяц». Да это целая вечность! А с другой стороны — не так уж и много. Почему время не может заглушить ее глубокую тоску по дому и чувство одиночества? Время должно лечить раны и снимать груз одиночества. Сколько еще должна она терпеть?

Тело Мисси с каждым днем утомлялось все меньше и меньше, а душа страдала все больше и больше. Почувствовать бы ласковое объятие мамы или руку отца на своем плече. Посмотреть бы, как тузят друг друга Клэр и Арни. Младшая сестренка Элли, наверное, растет не по дням, а по часам. А как хочется обнять этого милого малыша Люка! Боже, узнает ли она его, когда увидит? И наступит ли вообще этот миг? «О Господи, — снова и снова молилась Мисси, — дай мне силы вынести все это».

Мисси очень старалась, чтобы муж не заметил ее душевных страданий, однако часто ловила на себе обеспокоенный взгляд Вилли. Ему не нравилась постоянная усталость жены. Здорова ли она? Вилли просил ее чаще отдыхать, сытнее есть.

По большому счету Мисси не становилось лучше. Кроме сильной тоски по дому ее мучили приступы тошноты и слабости, которые она всячески скрывала от Вилли. «Еще не пришло время сказать ему», — твердила себе молодая женщина. И с горечью отмечала, что между ними появилось какое-то напряжение.

Похожие один на другой, тянулись дни. В фургончике Ла Хэй всегда вставали рано и с завидным постоянством включались в однообразный круг забот. Мисси готовила завтрак для Вилли и Генри. Вилли и Генри поили лошадей и проверяли упряжь. После завтрака паковали хозяйственную утварь и отправлялись в путь. В полдень обоз делал короткую остановку, и Мисси снова готовила еду. Вечером, когда обоз останавливался на ночлег, они, как и все в лагере, разжигали костер, на котором варили пищу и грели воду для мытья посуды и стирки.

В один прекрасный день Мисси обнаружила, что запасов свежих продуктов осталось мало, и пришлось перейти на домашние консервы. Однообразное меню быстро надоело. «Наверное, Вилли и Генри эта еда кажется такой же невкусной, как и мне», — вздыхала молодая женщина. Если бы сидеть сейчас за одним столом с мамой! За столом, на котором лежат овощи, только-только собранные с грядки, и свежее испеченный хлеб. Мисси встряхнула головой, отгоняя воспоминания. Нужно заставлять себя думать о будущем.

Как и прежде, Мисси каждый день проходила какое-то расстояние пешком. Длительность ее прогулки зависела от того, хорошая ли дорога в этом месте или нет, и насколько сильно печет солнце. Бекки Клей тоже старалась идти со всеми, но быстро уставала. Миссис Коллинз провела с ее мужем разъяснительную беседу, растолковав, что не

все женщины такие крепкие, как его мать, и Джон теперь следил за женой и не позволял ей переутомляться. Как ни радостно было для Бекки общение с приятельницами, идти продолжительное время она боялась.

Для переселенцев начался, наверное, самый приятный период в общении: они все больше узнавали друг друга и с удовольствием подмечали особенности характеров своих попутчиков. Случались и встречи, оказавшиеся большой жизненной удачей. Миссис Стэндрд и миссис Шмидт, к примеру, сразу подружились и просто-таки наслаждались своими беседами; в будущем они надеялись соседствовать.

Близкими подругами стали Кэти Вайсс и Тилли Крейн. Кэти много времени проводила и в обществе Эн, старшей из пяти дочерей миссис Стэндрд. Но дружбы втроем не получилось: у Эн и Тилли не было ничего общего. Нужно сказать, что к Кэти с большим радушием отнеслась миссис Стэндрд и с удовольствием приняла ее в свой семейный круг, прибавив к восьмерым недавно приобретенным детям еще одно юное создание. Похоже, впрочем, что миссис Стэндрд была рада распахнуть двери своего дома едва ли не перед каждым.

В плену ее гостеприимства оказался и Генри, тепло принятый в компании, собиравшейся у костра миссис Стэндрд. Это обстоятельство очень занимало Мисси, которая все гадала, что влечет Генри в общество миссис Стэндрд — доброта этой женщины или симпатия к одной из ее молоденьких дочерей. У Генри мать умерла, когда он был ребенком, и несомненно, что тоска по недополученной в детстве материнской любви и заботе вполне могла притягивать молодого человека к костру миссис Стэндрд.

Сколь быстро рождалась дружба — столь же быстро появлялись и трения.

Непреклонная и независимая миссис Торн не стремилась к общению с кем-либо, ни разу никто не был приглашен к ее костру на дружескую беседу за чашечкой кофе.

Большинство путников старались избегать миссис Пейдж, но она имела обыкновение появляться ниоткуда и самым неожиданным образом. Потому практически невозможно было совместить две вожделенные цели: уйти от разговоров с миссис Пейдж и остаться вежливым. Похоже, она не выпустила бы из своих объятий даже кактус, будь у него уши. И уж разумеется, миссис Пейдж не считала нужным отдавать предпочтение кому-либо одному, если можно было равно оделить всех.

Мисси не могла вспомнить, с чего это все началось, но миссис Пейдж и миссис Тутл находились между собой в состоянии глубокой вражды. Миссис Тутл была вдовой и ехала на Запад со своим братом. В отличие от миссис Пейдж говорила она мало, но если открывала рот, то изрекала замечания исключительно малоприятные и даже резкие. Избегали ее не менее старательно, чем миссис Пейдж, по причине, правда, уже иной. Эта дама обладала еще одной несносной чертой: даром что она была неразговорчива, зато обожала нюансировать. Стоило миссис Тутл сесть на своего любимого конька, как чувство меры становилось ей недоступно. И что удивительно, все ее уточнения неизбежно сводились к разъяснению причины, по которой она едет на Запад.

Миссис Пейдж, в свою очередь, очень любила завести разговор о том, будто в местечке, куда они направляются, есть один завидный жених, который так жаждет найти себе достойную невесту, что даже рассылает письма с предложениями по почте. Затевала миссис Пейдж этот рассказ всегда с единственной целью — иметь возможность мимоходом заметить: «Конечно, стоит ему взглянуть на каменное лицо миссис Тутл, и он предпочтет остаться одиноким».

Воевать друг с другом эти дамы продолжали и с помощью записочек, которые отправляли с посыльными.

«Если ты, Джесси Тутл, так и будешь ходить со злобной гримасой на своей носатой физиономии, не видать тебе жениха как своих ушей».

«Миссис Пейдж, — Джесси Тутл не позволяла себе называть супостата просто Элис, — снять маску с твоей мордуленции еще можно. А вот заткнуть тебе рот уж точно никто не сумеет. Даже замок на него повесь — проку не будет».

Разумеется, посыльные эти записочки никогда не передавали, и до адресатов письменные перлы не доходили. Зато устных хватало с избытком. Для окружающих яростная перепалка двух дам была, само собой, приятным развлечением.

Время от времени все взрослое население обоза сходилось в одном месте. На этих сборищах переселенцы обменивались свежими новостями и обсуждали текущие события; умельцы, ремонтирующие фургоны, объясняли, как справляться с неполадками. Это были полезные встречи, но кроме того, они приносили кое-какое разнообразие в унылое течение походной жизни.

Мистер Блейк был доволен тем, как идут дела — переселенцы укладываются в срок. «Впереди, — говорил он, — встреча с Большой рекой, как называют ее местные индейцы. Нам надо готовиться переходить ее в брод. Если мы и дальше будем двигаться с той же скоростью, как сейчас, обоз подойдет к реке дня через четыре. Переправа в общем несложная, но вот если начнутся дожди и уровень воды в реке поднимется, тогда... Тогда дело будет хуже. Так что хорошо бы погода продержалась, яркое солнце на ясном небе — это лучший вариант. А после перехода Большой реки препятствий уже не будет».

Оптимистичное сообщение мистера Блейка чрезвычайно огорчило Мисси. По очень простой причине: в глубине души ей хотелось, чтобы брод через реку оказался невозможен, и тогда Вилли вынужден был бы развернуться и отправиться домой.

Между прочим, Мисси заметила, что в отличие от мужчин не все женщины выражали радость по поводу предстоящего перехода реки в брод. Бекки, Сисси Коллинз, Тилли и еще некоторые дамы встретили эту новость молчанием.

Мисси шла к своему фургону притихшая и печальная. Вилли же, взбудораженный всем услышанным, не сразу это заметил.

— Только подумай, — говорил он с жаром, — через четыре дня мы перейдем Большую реку и будем почти у цели.

Молодая женщина попыталась выдавить из себя улыбку.

— Ты все еще волнуешься за Бекки? — Вилли вопросительно заглянул в лицо жены, пытаясь найти разумное объяснение ее молчаливой сдержанности.

— Волнуюсь, — кивнула Мисси. Такой ответ был до какой-то степени правдив и, главное, скрывал истину.

— Мисси, я давно замечаю, с тобой что-то неладно. Ты плохо себя чувствуешь?

Неподдельная тревога, прозвучавшая в вопросе мужа, испугала Мисси. Она должна наконец все сказать Вилли и успокоить его сердце. Но момент сейчас неподходящий — сбоку, впереди, сзади, поднимая ногами пыль, спешили к своим фургонам их соседи. Затеять разговор на людях Мисси не хотела и решила отложить его до вечера. Она поговорит с мужем, когда они будут сидеть у костра или когда пойдут спать и останутся одни в фургоне. Но...

— Я все время хочу сказать тебе кое-что очень важное, но никак не могу улучшить

момент, — вдруг тихо проговорила молодая женщина и, глубоко вздохнув, решила: — У нас тоже будет ребенок.

Вилли остановился. Взяв жену за руку выше локтя, он повернул ее к себе.

— Ты шутишь?

— Нет, Вилли, это правда.

— Ты абсолютно уверена?

— Да.

— У нас будет ребенок. — Вилли, кажется, с трудом понимал очень простые слова, которые ему сказала жена. — Ребенок родится в фургоне...

Затаив дыхание, Мисси смотрела на мужа: что если он решит развернуться и возвратиться домой? Но она быстро взяла себя в руки. Ради чего тогда Вилли пустился в путь?

— Нет, не бойся, Вилли. Мы будем на месте много раньше.

— Ты уверена?

— Конечно, дорогой. Скажи, сколько нам еще ехать?

Но Вилли уже не слышал жену. Из его груди вырвался радостный крик, и, приподняв Мисси, он крепко прижал ее к себе.

— Тише, Вилли, тише, кругом люди.

«Как же я не права была, так долго скрывая все от Вилли, — ужаснулась Мисси. И тотчас вздохнула с облегчением: — Он рад!» Ей хотелось плакать. Сильные руки мужа обнимали Мисси, и волна любви и нежности накатила на нее. Она пойдет со своим Вилли хоть на край земли.

Они смеялись и плакали. Вилли целовал ее волосы, лицо, шею, прижимался щекой к шелковистым локонам. Соседи быстро проходили мимо, стараясь не помешать им.

— Теперь я понимаю, почему все последнее время ты была сама не своя. — От неожиданности и избытка чувств, нахлынувших на него, мысли Вилли лихорадочно металась. — Я достану свежее мясо, Мисси, тебе нужна диета и отдых. И нельзя переутомляться, дорогая. О, Мисси, я так боялся, что ты передумала и уже не хочешь ехать со мной... Или больше не любишь меня. Или, может, заболела. Я все передумал за это время.

В голосе мужа Мисси услышала такую теплоту и нежность, что у нее защемило сердце. Как же она не догадалась, что ее равнодушие ко всему, подавленное настроение и постоянная тоска по дому причиняли Вилли душевную боль. Больше она никогда не станет отдаляться от него.

— Вилли, ты прости меня, — прошептала Мисси. — Мне и в голову не приходило, что ты мучаешься. Я виновата перед тобой.

— Тебе не в чем себя корить. Просто мне стало сейчас очень легко, вот и все. Если бы ты еще чувствовала себя получше. Но мы начнем больше заботиться о тебе — у нас есть хороший повод. Мы поговорим с миссис Козенски. Ты будешь чаще отдыхать. Вот увидишь, все будет хорошо.

— Вилли, еще кое-что не дает мне покоя. Я очень тоскую по дому и родителям... — Ком подкатил ей к горлу и не дал договорить. Мисси разрыдалась.

Вилли снова привлек жену к себе, стал тихонько стирать с ее щек слезы.

— Ну почему же ты мне раньше не говорила об этом? Наверное, я бы не смог рассеять твою печаль, но я бы разделил ее. Ведь я тоже скучаю по родным. — Вилли ласково гладил лицо жены и нежно целовал. — Я люблю тебя, Мисси.

Почему она была такой глупой? Почему давно не поделилась с Вилли своими переживаниями? Разве могла она заподозрить, что муж не поймет ее или проявит равнодушие? Мисси крепко обняла Вилли и плакала у него на плече до тех пор, пока слезы не иссякли. Облегчение приходит, когда выплачешь всю душевную боль, откроешь ее близкому человеку. Теперь как ни в чем не бывало Мисси смогла поднять на мужа сияющий взгляд и улыбнуться.

Вилли поцеловал жену в носик и снова прижал к себе.

— Ой, — неожиданно спохватился он, — да мы совсем забыли уложить эту маленькую маму в постель. И больше по вечерам не засиживаться, миссис, и пешком много не ходить. Пожалуйста.

— Ну что ты, дорогой, — протестовала Мисси, — идти гораздо лучше, чем трястись в старом фургоне.

— Ах, вот как!

— Ну да. Наш фургон совсем не похож на кабриолет, ты ведь знаешь.

Взяв жену под руку, Вилли повел ее к фургону.

— Смотри под ноги, — то и дело приговаривал он, — будь осторожна.

— Ну что ты, Вилли, со мной, как с маленькой, — смеялась Мисси, а сама думала: «Совсем не плохо, что он так усердствует. Я собираюсь иметь много детей». Молодая женщина улыбнулась своим мыслям и нырнула в открытую дверь фургона.

Глава седьмая. Дождь

На следующее утро Вилли встал, как всегда, рано. Мисси проснулась вместе с ним, но продолжала лежать в постели и наблюдала за мужем. «Он все еще находится под впечатлением от вчерашнего разговора», — заметила молодая женщина.

Сквозь неплотно сомкнутые ресницы она смотрела, как Вилли собирается. Надел серую шерстяную рубашку, застегнул ее на все пуговицы, от пояса до шеи, ловко заправил в хлопчатобумажные брюки. Почувствовав, что Мисси наблюдает за ним, Вилли взглянул на жену и радостно улыбнулся. Она открыла глаза.

— Поспи еще немного, дорогая.

Мисси сонно улыбнулась и, потягиваясь, то ли проговорила свое раздумье вслух, то ли спросила мнение мужа:

— Если день жаркий, мне, наверное, лучше сменить юбку на тонкую, из хлопка, а?

— Лучше, конечно, — согласился Вилли.

Он сейчас справлялся с подтяжками. У двери натянул на ноги высокие, из телячьей кожи сапоги и отправился готовить упряжку к дороге. Вилли шел своим упругим шагом, в приподнятом настроении. Его привычное посвистывание было особенно беспечным. «Вилли счастлив, что у нас будет ребенок», — услышав, как весело он насвистывает, Мисси расплылась в улыбке.

Через четыре дня они будут у Большой реки. Для Мисси это означало, что через четыре дня путь назад, к родному дому будет отрезан. «Я не должна расстраивать мужа», — попыталась она прогнать меланхолию. Стараясь отвлечься, Мисси занялась домашней работой. Ей вспомнилась Бекки, и захотелось поскорее открыть свой секрет подруге. Мисси представила, как удивится и обрадуется Бекки и как они станут обсуждать общие для них обеих проблемы.

В это утро Вилли чаще обычного останавливал упряжку — чтобы Мисси спустилась из фургона и прошла пешком или, наоборот, чтобы посадить ее в фургон, когда она достаточно прогулялась. Шла ли Мисси по дороге возле фургона или сидела на скамье рядом с Вилли, они не переставали перебрасываться веселыми репликами и улыбаться друг другу. Мисси чувствовала себя сегодня так хорошо, что могла бы пройти много больше, но не решалась противиться воле мужа.

В полдень на горизонте появились темные грозовые тучи, которые гнал порывистый ветер. Из всех фургонов выглядывали встревоженные путники и смотрели в сторону, откуда шли тучи. Было ясно, что грозы не миновать, и оставалось лишь надеяться, что она не продлится долго. Животные, чувствуя приближение грозы, вели себя нервно, лошади фыркали и брыкались.

Потихоньку начал накрапывать дождь. Женщины и дети спрятались в фургоны, а мужчины, накинув плащи, продолжали править лошадьми. Но зловещие темные тучи все приближались и скоро нависли над обозом. Хлынул ливень.

Лошади выбивались из сил, вытаскивая колеса тяжелых фургонов, которые вязли в размокшей дорожной колее. Во многих упряжках счастливые обладатели дополнительных лошадей или волов уже использовали свой резерв. За продвижением фургонов внимательно следили проводники, разъезжавшие вдоль всего обоза. И неприятное происшествие не заставило себя ждать. Когда спускались по крутому скользкому склону, один из идущих

впереди фургонов ударился колесом о большой камень. Деревянные спицы колеса с треском разлетелись, фургон резко накренился и повалился на бок, но, к счастью, не перевернулся. Насмерть перепуганные лошади чуть было не понесли, и хозяину фургона мистеру Колли удалось сдержать их с большим трудом. Пришлось всем следовавшим сзади упряжкам объезжать поврежденный фургон по скользкому каменистому склону. Когда последняя упряжка благополучно спустилась с холма, мистер Блейк со вздохом облегчения объявил привал. За эти несколько дней обоз прошел больше, чем он рассчитывал, и потому нет необходимости торопиться. Большая река подождет.

Фургонам, уже основательно промокшим, вновь была дана команда выстраиваться в круг. Измученных лошадей выпрягли и отпустили пастись. Как только круг был замкнут, несколько мужчин отправились помогать попавшей в беду семье мистера Колли. Под проливным дождем старались они приподнять завалившийся набок фургон, подсовывая под него камни и куски бревен. Но сдвинуться с места фургон не мог — надо было чинить колесо. Мистеру Колли и его семье предстояло провести ночь в отдалении от обоза.

Не став дожидаться, пока вернутся Вилли и Генри, Мисси, плотно закутавшись, пошла поискать дров для костра. Вблизи фургонов с той же целью бродили другие женщины и дети, но с сухими дровами дело, увы, было худо. Дождь похозяйничал вволю. Все издали казавшееся Мисси подходящим для костра на поверку было скользким и мокрым.

— Тому, кто впереди всех идет за дровами, имя бревно, — послышался рядом знакомый голос. Мисси невольно улыбнулась: «Ну, когда есть две воительницы, война не прекращается».

Только предусмотрительной миссис Шмидт не было нужды принимать участие в унылых поисках — под сиденьем фургона у нее был внушительный запас сухих дровишек. Мисси поражалась сама себе: почему ей не пришло в голову запасти дров? Так ведь просто. Наконец она набрала более или менее сухих дровишек, которых должно хватить, чтобы разогреть еду, и, с трудом вытаскивая ноги из грязи, пошла обратно к фургону.

Дрова ни за что не хотели разгораться. А когда Мисси все-таки удалось разжечь костер, пришлось непрерывно шевелить их, поддерживая пламя, которое все время норовило угаснуть. Огня хватило лишь на то, чтобы разогреть тушеное мясо. Кофе так и не захотел закипеть. Но продрогшим путникам и не очень горячий кофе пришелся по вкусу.

Без особого энтузиазма Мисси вымыла посуду после ужина, и они сразу забрались в свой дом на колесах. Наконец-то можно было снять мокрую одежду и надеть что-нибудь сухое и теплое. Ложиться спать не хотелось, хотя за этот напряженный день они порядком устали. Вилли зажег керосиновую лампу и устроился рядом, собираясь почитать журнал, а Мисси достала вязанье. Но руки у нее были холодные, и получалось плохо. Отложив вязанье, она натянула на себя одеяло, чтобы согреться. Вилли оторвался от журнала. Его снова охватило беспокойство.

— Замерзла? Еще не хватало, чтобы ты простудилась. Давай-ка я тебе помогу. — Вилли тщательно подоткнул жене одеяло. — Я схожу к кострищу, поищу горячий камень. Положим тебе в ноги.

— Пожалуйста, Вилли, не выходи, там дождь, — умоляла Мисси. — Мне уже не холодно. Я надену твои шерстяные носки, и ноги сейчас согреются. — Она быстро натянула носки.

Засыпать еще рано, но вылезти из постели не позволит Вилли, поэтому Мисси уютно свернулась калачиком под одеялом, постепенно озноб начал проходить, и томная дремота

окутала молодую женщину.

Вилли прочитал свой журнал и взялся за книгу «Путешествие пилигрима» 3. Это был основательный том в кожаном переплете, подарок учеников Мисси.

— Будь добр, почитай вслух, — сонно пробормотала жена.

Вилли начал читать, его голос и события знакомого повествования убаюкивали Мисси. Ощущение счастья не оставляло молодую женщину, и ее сердцу сладостно было знать: «Все будет хорошо».

Так незаметно прошел вечер.

Дождь меж тем не переставал. Капли мерно падали и падали на парусиновую крышу. Перед сном Вилли тщательно проверил, нет ли где щелей и чтобы в их маленьком убежище ниоткуда не дуло, лишь после лег в постель. Едва его голова коснулась подушки, как Мисси услышала равномерное сопение мужа. «До чего же он легко засыпает, мне бы так», — вздохнула молодая женщина.

Мисси лежала и слушала однообразный шум дождя. И снова ее мысли очутились в родном доме. Вот она, свернувшись под лоскутным одеялом, сделанным руками мамы, лежит в кровати и слушает, как дождь колотит в окошко. Звук дождя ей всегда нравился. Но сегодня дождь был некстати. Мисси зябко поежилась и придвинулась поближе к мужу. Она благодарна ему за душевную чуткость и теплоту. На него можно положиться, с ним можно быть уверенной в завтрашнем дне.

Когда Мисси утром проснулась, дождь все еще шел. Везде стояли лужи, с парусиновых крыш фургонов стекали струйки воды, в воздухе было сыро. Мисси, размышляя, как быть с костром, собиралась выбраться из фургона, но оказалось, что Вилли уже развел костер и приготовил кофе и блинчики. Несмотря на шумный протест Мисси, он охотно подал завтрак в фургон.

— Нет смысла нам обоим мокнуть и простужаться, — резонно заметил Вилли. — Знаешь, мистер Блейк пока не решил, двигаться нам вперед или остаться здесь еще на одну ночь.

Все знали: мистер Блейк боится, что из-за дождей уровень воды в Большой реке поднимется и тогда переход через нее станет невозможным. Поэтому никто не удивился, когда Глава обоза все-таки велел упаковывать вещи и трогаться в путь — несмотря на непролазную грязь.

Вилли, уже насквозь промокший, забрался на скамью и понукал упирающихся лошадей. Фургоны выстраивались в колонну.

— Усядься там поудобнее, Мисси, и не показывай на улицу носа, — попросил Вилли жену.

Обоз продвигался с трудом. Фургоны увязали в глубокой грязи, колеса то скользили, то застревали в вязкой жиже, и приходилось время от времени счищать с них прилипшие комья грязи. Уже через несколько часов выдохлись и возницы и лошади. В одной из упряжек в конец изможденная лошадь упала, ее поднимали долго, с большим усилием, и тут уже мистер Блейк объявил привал: в таких условиях ехать невозможно.

Заскрипев, фургон неожиданно остановился, и Мисси сжалась под одеялом, не зная, пугаться ей или радоваться.

— Приехали! — сунул голову в фургон Вилли. — Будем ночевать здесь.

Дождь немного поутих. Плотнo укутавшись, Мисси вновь отправилась на поиски дров и скоро уже сидела над кучкой мокрых деревяшек, которые ни за что не хотели загораться.

Слезы медленно катились по щекам, Мисси едва сдерживала рыдание, но за спиной у нее вырос Вилли и сам взялся за дело. Для начала он велел жене переодеться во все сухое.

Возле фургона миссис Шмидт костер пылал так жарко и весело, словно собрал языки пламени со всего лагеря. Здесь Вилли и отважился попытаться счастья.

— Рад приветствовать вас, миссис Шмидт, — сказал он с легким поклоном. — Вы несомненно самая запасливая дама в нашем лагере, и потому я рискну спросить: не найдется ли у вас немного горячей воды?

Польщенная просьбой, миссис Шмидт расплылась в улыбке и не без некоторого самодовольства поделилась кипятком.

Чай был заварен. Устроившись в фургоне, Мисси, Вилли и Генри с наслаждением пили горячий бодрящий чай с печеньем.

Меж тем дождь не унимался. Мисси ничего не оставалось, как снова взяться за вязанье, а Вилли ремонтировал сбрую. Закончив починку, он от делать нечего принялся за журнал; еще один номер вскоре был прочитан. Тогда Вилли достал большой том Джона Буньяна и начал было читать, однако вспомнив, что нужно проверить лошадей и коров, снова выскочил под дождь. После ухода мужа Мисси заскучала. День тянулся медленно и нудно. Она уже собиралась выбраться наружу, когда услышала голос Вилли, и через минуту он сам стоял в дверях с малышкой Мэгги на руках.

— Фургон Коллинзов протекает, — принес новость Вилли. — Там нет сухого места, негде уложить детей спать. Держи Мэгги, а я сейчас схожу за мальчиком.

Вернулся Вилли скоро, на этот раз на руках у него был Джо, завернутый в какие-то шерстяные тряпки. Мисси занималась Мэгги, а Вилли принялся развлекать мальчика — они вместе строили домик из дощечек, пока не надоело.

— Дай-ка я почитаю тебе «Путешествие пилигрима», — решил как лучше Вилли.

Малыш Джо вряд ли мог понять, о чем рассказывается в книге, но вслушивался он старательно. А Мисси в это время нянчила малышку, укачивала ее, убаюкивала, и вскоре ребенок сладко заснул. Тогда втроем они взялись строить домик из камешков.

Дом не был достроен — Сисси Коллинз пришла проведать деток и покормить малышку. Оставив женщин одних, Вилли отправился прогуляться по лагерю, посмотреть, не нужна ли кому-нибудь еще его рука помощи.

Вечером молодая семья допила теперь уже холодный чай с печеньем. Вилли перебрался в фургон к Генри, а Сисси со своими малышами осталась у Мисси.

«Когда же этот дождь наконец прекратится. Неужели и завтра он будет лить?» — думала Мисси, засыпая под шум дождя.

И верно, на завтра все было то же самое. Временами, правда, дождь ослабевал и чуть моросил, но затем принимался поливать с новой силой. В один из редких перерывов, когда дождь затих, Мисси набросила шаль на плечи и вышла на воздух. Ей уже опостылело сидеть в четырех стенах своего фургона. Но пойти-то в общем было некуда, везде вода. В разлившемся вокруг фургонов озере виднелись лишь отдельные островки сухих клочков земли. Мисси постояла, подумала — и, была не была, пошлепала по лужам.

В лагере меж тем четко обозначились две проблемы — дрова и протекающие крыши. Потек не только фургон Коллинзов, но и другие домики на колесах. Людям приходилось тесниться и устраиваться по две семьи в одном фургоне.

А дрова закончились даже у миссис Шмидт. Мужчины отправлялись на поиски дров далеко от лагеря и в разных направлениях, но эти попытки результата не принесли. В конце

концов было решено натянуть тент и разводить под ним один костер для всех. Три или четыре хозяйки, когда подходила их очередь, одновременно готовили горячую пищу для своих семей.

Но вот что дождь не сумел загасить, так это вражду двух воительниц, которая имела вполне положительное воздействие на окружающих. Возмущенные вопли миссис Пейдж и находчивое парирование миссис Тутл часто служили единственным развлечением для путников. Если бы не эти веселящие всех баталии, можно было, казалось, сойти с ума от унылого дождливого однообразия.

На пятый день небо понемногу прояснилось, и солнечные лучи пробились к промокшему несчастному обозу.

Люди сразу высыпали из фургонов и начали развешивать одежду и одеяла на просушку. Кругом, куда ни посмотри, стояли лужи. Да, не один день уйдет на то, чтобы вода испарилась, и еще больше времени потребуется, чтобы просохла земля. Лишь тогда можно будет двигаться дальше.

Спускаясь по ступенькам фургона и созерцая разлившуюся вокруг воду, Мисси ахнула: «Я совсем как Ной. Везде эта вода. А как хорошо было, когда под копытами лошадей поднималась пыль и люди шли по сухой дороге. Скорее бы снова в путь!»

Мистеру Блейку, конечно, тоже очень хотелось тронуться с места, но его многолетний опыт подсказывал, что нет смысла ехать по грязи. «Все равно Большая река от дождей поднялась и перейти ее сейчас невозможно. Придется подождать, — объявил он и многозначительно добавил: — Отъезд задерживается, но этим решением мы снимаем сразу несколько проблем. Тише едешь — дальше будешь».

«Что имел в виду мистер Блейк? — удивлялась Мисси. — И когда мы теперь прибудем на место?» Но что бы ни было, отныне первой своей обязанностью молодая женщина считала поиск дров. Затем их нужно высушивать на солнце. Обстоятельства больше не застанут ее врасплох.

Глава восьмая. Большая река

Шесть дней стояли фургоны без движения. Мистер Блейк, опасаясь нежелательных сюрпризов, которые могла преподнести Большая река, готов был еще дольше продержаться обоз на отдыхе, но в лагере стало как-то беспокойно. Люди с растущим нетерпением рвались вперед, в дорогу. «Что ж, земля в пределах видимости везде высохла, и путь можно продолжить, — решил Глава обоза. — От безделья и нервного ожидания может начаться недовольство среди людей». Короче, на седьмой день мистер Блейк велел собираться в путь.

Время вынужденного привала не прошло даром. Упряжная сбруя починена, расшатавшиеся части фургонов подправлены и укреплены, парусиновое покрытие заштопано и даже пропитано маслом в тех местах, где безжалостному дождю удавалось проникать внутрь. За время отдыха переселенцы перестирали и отремонтировали одежду, проветрили и высушили одеяла. Тщательно отмылись сами от дорожной пыли и липкого пота знойных дней. Накануне отъезда компания мужчин отправилась на охоту и вернулась с хорошей добычей, два оленя — это обед для всего лагеря. Свежее мясо отлично подкрепит силы и привнесет желанное разнообразие в надоевшую уже пищу, приготовленную из консервов и сушеных продуктов.

В этот последний вечер перед дорогой в лагере стоял дразнящий запах жарящегося мяса, да и десерт обещал быть лакомым. Пока мужчины были на охоте, женщины тоже не сидели сложа руки. Неподалеку от лагеря они нашли небольшую ягодную полянку и быстро ощипали ягоды. Ужин с такими деликатесами вполне мог сойти за прощальный банкет. Все отдохнули, подкрепились и жаждали отправиться в путь.

За три дня обоз добрался до Большой реки. То, что они увидели, отвечало, увы, опасениям мистера Блейка. Река разлилась, течение ее стало бурным и стремительным, даже неопытному путешественнику было очевидно, что водовороты на ней опасны, — река не позволит перейти ее вброд. Снова мистер Блейк собрал людей, снова разъяснял и убеждал: нужно становиться лагерем на берегу и ждать, пока разбушевавшийся поток не утихомирится. Нерадостная эта картина принесла всем жестокое разочарование, однако даже самые нетерпеливые должны были признать правоту мистера Блейка.

Итак, снова разбит лагерь, снова нужно искать занятия, чтобы не одолела тоска и скука однообразных вялых дней. Занятия нашлись. Мужчины стали регулярно ходить на охоту, женщины и дети постарше собирали ягоды. Вместе с попугайцами, у которых не было маленьких детей, Мисси часто отправлялась на поиски дров. Теперь-то она знала цену сухим поленьям и собирала дрова не на один день, но любила сделать запас. Она складывала найденные деревяшки в специально обустроенное место под фургоном. «Уж если пойдет дождь, не одна миссис Шмидт сможет похвалиться сухими дровами», — с гордостью думала Мисси.

Как успела она заметить, в лагере стали догадываться, что жена Вилли находится в интересном положении. Никто ей, конечно, ничего не говорил, но будущая мама часто ловила на себе добрые, по-матерински заботливые взгляды пожилых дам. По расчетам Мисси, ребенок должен родиться где-то месяцев через пять. «Это еще очень нескоро. Не стоит раньше времени волноваться», — успокаивала себя Мисси.

Со дня на день матерью готовилась стать Бекки, общества которой Мисси постоянно искала. Все женщины в лагере добросердечно старались облегчить миссис Клей хозяйские

заботы. Одна принесет сухих дров в запас, другая прямо сейчас добавит своих поленьев в костер Бекки. Если кто-то шел за водой к ручью и одна рука оказывалась свободной — подхватит пустое ведро молодой женщины.

Задержка в продвижении обоза волновала Мисси. Она переживала за Бекки и вместе с ней надеялась, что, несмотря ни на что, удастся преодолеть препятствие и обоз прибудет в Тетфорд вовремя. Подруги рассчитывали, что там есть врач. Каждый день Мисси с надеждой молилась, чтобы свершилось чудо и вода в реке опустилась. Был момент, когда, казалось, уровень воды упал, но тут же, вероятно из-за прошедших где-то в верховье дождей, река снова переполнилась. Вопрос о переправе снова был снят.

На пятнадцатый день ожидания на берегу Большой реки лагерь был взбудоражен неожиданной вестью: на подходе еще один обоз. Вскоре он появился недалеко от стоянки мистера Блейка — вниз по склону холма медленно покатались фургоны. Многие пошли навстречу обозу, от вновь прибывших с нетерпением ждали новостей. Вилли и Мисси не без сожаления узнали, что этот обоз идет из мест, которые находятся значительно южнее их родного края, — пришлось удовлетвориться самыми общими новостями.

Второй обоз, несколько меньших размеров, расположился неподалеку. Его Глава оказался не таким благоразумным, как мистер Блейк. Пробыв на берегу два дня, он объявил, что вода достаточно опустилась и его фургоны могут переправляться. Мистер Блейк пытался отговорить самонадеянного человека, но тот лишь посмеялся и обозвал мистера Блейка трусом.

— Мне приходилось переправлять фургоны и не через такую воду, — хвастливо заявил смельчак.

Он велел первой упряжке переходить реку.

Мужчины, женщины, дети — все высыпали на берег и не отрываясь наблюдали за переправой. В толпе стоял недовольный гул, на все лады ругали мистера Блейка. «Мы просидели здесь столько дней, когда могли бы уйти уже далеко», — роптали люди.

Сам мистер Блейк предпочел не смотреть на происходящее. За словом в карман он не полез, сказал что есть об этой переправе, развернулся и размашистым шагом пошел прочь.

Поначалу казалось, будто все идет хорошо. Но в какой-то момент фургон подхватило течением и, к ужасу следивших за ним с берега, вынесло на середину реки. Фургон то кружило, точно он попал в бурный водоворот, то подкидывало вверх. Лошади оказались по холку в воде. Пытаясь выбраться, они бились в водовороте и старались плыть к берегу, но течение было слишком сильным, и бедные животные не могли справиться. Возница попал в безысходное положение. Ему уже ничего не оставалось, как броситься в мрачную стремнину и попытаться вплавь вернуться на берег. Фургон то нырял вниз под воду, то его снова подбрасывало вверх. Обезумевшие лошади ржали, силясь вырваться из пучины. Наконец заштопанный ветхий фургон с жалобным скрежетом накренился и повалился набок. Течение, подхватив затонувшую упряжку, понесло ее вниз по реке, и через несколько минут она исчезла за поворотом.

Возница меж тем бился с водной пучиной, всеми силами стараясь держаться на плаву. В какой-то момент ему удалось ухватиться за проплывающий мимо кусок дерева — и вздох облегчения пронесся по толпе на берегу. Но в следующий миг ужас страха за несчастного человека снова охватил наблюдателей. Бревно неожиданно наткнулось на какое-то препятствие под водой, и его отбросило на середину реки. Не сумев удержать в руках скользкое бревно, тонущий мужчина остался один на один с течением.

Стоявшие на берегу люди предпринимали попытки помочь несчастному. То один, то другой отважный всадник старался направить лошадь как можно ближе к тонущему и бросить ему веревку. Все напрасно. С ужасом смотрели люди, как мутный поток бурлящей реки уносит лохматую голову за поворот. Какая-то молоденькая женщина, всплеснув руками, упала в обморок.

— Бедняжка. Это, должно быть, ее муж, — задыхаясь от волнения, прошептала Мисси. Она закрыла лицо руками и зарыдала.

Мужчину вытащили из реки в полумиле ниже по течению. Попытки оживить его оказались безуспешными. Упряжка лошадей с фургоном бесследно исчезла.

На другой день люди из двух обозов собрались вместе, чтобы похоронить погибшего мужчину. Вырыли могилу, отслужили молебен. Несчастную рыдающую вдову уводили под руки от могильного холмика, ставшего последним домом для ее молодого мужа. Горе и чувство непоправимой утраты испытывали все переселенцы, и попутчики и те, кто только однажды на переправе видел этого несчастного человека.

После случившегося авторитет мистера Блейка вырос на глазах, а проходя мимо главы второго обоза, люди не могли скрыть неприязни к этому самонадеянному человеку.

В обозе мистера Блейка единогласно и твердо решили: ждать. Если понадобится, они будут ждать целое лето, но лошади с фургонами ни за что не войдут в этот яростный, несущий гибель поток.

Прошла неделя упорного ожидания. Однажды, когда в лагере завтракали, кто-то из путников заметил на небольшом холме на противоположной стороне реки нескольких индейских воинов с раскрашенными лицами и колышущимися на ветру перьями. Их полуобнаженные тела лоснились в лучах утреннего солнца. Сидя верхом на мустангах, индейцы молча рассматривали лагерь, окруженный цепью фургонов. Затем по сигналу вождя мгновенно тронулись с места и исчезли за холмом. Мисси содрогнулась от мысли, что стало бы с лагерем, не будь между ними неприступной бурной реки. Наверное, это исполнение стиха Писания, который отметил Кларк, давая детям Библию в дорогу: «Я помогаю тебе» 4.

Еще одна неделя терпеливого ожидания осталась позади, и вот наконец река отступила. Прежде чем разрешить хоть одному копыту лошади или колесу фургона войти в воду, мистер Блейк, ежедневно следивший за уровнем воды, сам перешел реку на своем чалом жеребце.

Переправа заняла целый день. Чтобы протащить вброд иной фургон, требовалась не одна упряжка. Рядом с женщинами и детьми обязательно ехали верхом мужчины — на случай непредвиденной опасности. По настоянию мистера Блейка каждую упряжку сопровождали всадники, которые веревками контролировали направление движения, и один за другим фугоны шли точно по броду. «Если бы Глава малого обоза отличался предусмотрительностью мистера Блейка, не случилось бы той трагической смерти! — Мисси не могла избавиться от тяжелых воспоминаний. — И то сказать, мистер Блейк очень опытный вожатый. Еще одно Божье провидение».

Сразу после переправы все путники собрались вместе на западном берегу реки, и Вилли совершил благодарственную молитву Богу за спасение каждого.

Уставшим людям и лошадям нужен был отдых, потому в этот день решили устроить привал, чтобы завтра с новыми силами отправиться в путь. Больше чем на месяц задержала обоз коварная река.

«Бекки, Бекки! — тревожилась за подругу Мисси. — Успеем ли мы добраться вовремя?»

Дорога до Тетфорда дальняя. Конечно, у нас есть миссис Козенски, но...»

Ранним утром следующего дня в лагере царило приподнятое настроение; все были заняты сборами в дорогу и ждали последней команды. Даже лошади нетерпеливо били копытами. С удивлением Мисси отметила, что творится у нее в душе. Пока обоз медленно, но неуклонно приближался к Большой реке, молодая женщина панически боялась переправы, полагая, что она станет точкой, от которой возврат к родному дому будет невозможен. Теперь река осталась позади, а Мисси чувствовала не грусть и тоску, но лишь необычайный прилив сил. Казалось, знай она дорогу — преодолет ее самостоятельно.

Наконец фургоны были выстроены в колонну, и прозвучала команда трогаться в путь. Скрип лошадиной сбруи и скрежет колес сейчас звучали для Мисси как музыка. Снова в дорогу! «Мы перешли Большую реку, и дальше сложных препятствий не будет, — говорила себе Мисси. — К прошлому уже возврата нет — только вперед!»

Мисси чувствовала: Вилли тоже во взбудораженном состоянии. С трудом ему удавалось не гнать лошадей — тянущимся друг за другом фургонам было запрещено менять скорость движения, установленную главой обоза.

День прошел без особых приключений. Путники быстро вошли в ритм ежедневных забот, и только ноющие мышцы напоминали, что они слишком долго бездельничали. Придется снова привыкать к дороге. Ради разнообразия Мисси то ехала в фургоне, то шла по дороге. Когда Мисси шла, она непременно подбирала попадающиеся на глаза деревяшки, а потом складывала их под сиденье фургона. К концу дня все вымотались и устали, но это была приятная усталость — «трудовая».

По мере продвижения на запад ландшафт понемногу менялся. Деревья встречались реже, да и то всё небольшие. Соответственно, и дров попадалось все меньше; женщины, отчаявшись, собирали в ведра буйволиные лепешки, которые хоть как-то могли гореть. Но Мисси их аромату предпочитала запах горящей древесины и потому продолжала искать дрова. Кроме того, от тяжелых ведер, наполненных лепешками, болели руки и спина.

Порой в глубине пейзажа видны были стада буйволов и оленей. Дважды к дороге выходили индейцы, и оба раза сердца путников замирали, но индейцы не тронули кочующий обоз.

Отряд мистера Блейка пополнился еще одним переселенцем — вдова утонувшего возницы миссис Эмори попросила принять ее в обоз. Мистер Блейк не осмелился отказать несчастной женщине. За местом для попугачицы дело не стало — Кэти Вайсс сразу пригласила ее в свой фургон, а отец Кэти перешел в фургон к Генри.

Бедная женщина потеряла в дороге все: мужа, дом, вещи — и пришла в обоз мистера Блейка ни с чем. Тотчас ее новые добросердечные попугачицы принялись хлопотать. Охотно порывшись в своих сундуках, они разыскали немало подходящих вещичек, хотя не все идеально подошло по размеру, а кое-что, по чести говоря, давно вышло из моды. Но в общем молодую женщину вполне прилично приодели — во всяком случае, на отрезок пути до Тетфорда, — за что миссис Эмори была чрезвычайно благодарна.

В свою очередь, миссис Эмори оказалась весьма ценным приобретением для общества. Даже пребывая в глубоком горе, эта женщина умела заметить тех, кто нуждается в помощи, и своим добрым отношением ко всем в отряде снискала общую любовь.

Итак, жизнь шла как должно: каждый день приближал переселенцев к заветной цели. Их вечерние разговоры у костра были полны пылких надежд на будущее, планов и мечтаний. Новая земля, хотелось верить, сулит счастливую жизнь. Она примет любого с

распростертыми объятиями — лишь бы сердце у него было горячим, мускулы крепкими, энергия неутомимой. Лишь бы он с радостью трудился на ее ниве.

Глава девятая. Город

Мистер Блейк не питал симпатии к городам. Он проводил обоз мимо любого города или городка, и не имело значения, сколь крупное сокровище лежит на пути, Глава обоза обходил его стороной. Если же встречи по тем или иным причинам было не избежать, мистер Блейк давал обозу команду идти в обход, а сам ехал в город или посылал кого-то из своих помощников, чтобы закупить все необходимое по списку, составленному заранее каждой семьей.

Глава обоза любил повторять, что его задача — доставить людей и фургоны в целости и сохранности в Тетфорд, и он эту задачу выполнит.

— Для переселенцев город — самый страшный враг, — ворчал мистер Блейк. — Во всех своих походах на Запад я не потерял ни одного человека ни в огне прерий, ни в бушующей реке, ни от руки индейца. Однако, — неохотно добавлял он, — многих недосчитались именно в городах. А я не хочу портить свою репутацию, и в город мы заходить не будем.

Каково же было удивление переселенцев, когда в один прекрасный день глава обоза вдруг объявил:

— Завтра мы подойдем к Липтону. Не ахти какой городишко, но мы остановимся там на целый день. Лагерь разобьем поближе к городу, желающие смогут пешком прогуляться. И чтобы никаких мне упряжек с фургонами, никаких лошадей в городе. В Липтоне, кстати, есть служба доставки — это для тех, кто двумя руками на двух ногах всего накупленного не унесет. Понять, впрочем, можно: у них богатые торговые ряды, там вы найдете все, что душе угодно. — Он оглядел собравшихся и продолжал: — В среду утром отправляемся дальше. Полагаю, все соберутся вовремя.

Может быть, мистер Блейк хотел сказать еще что-то, но его прервал восторженный гул. Наконец-то увидеть город! Не проехать мимо, а — представить себе невозможно! — побродить по улицам, зайти в магазины, постричься у парикмахера, попробовать местных деликатесов...

На мистера Блейка со всех сторон посыпались вопросы: «Большой ли город? Есть ли там кузнец? А парикмахер? А мясник? А может, и доктор есть?» Вопрошающих было много, а он один, и потому мистер Блейк посчитал разумным поскорее ретироваться.

По дороге к фургону Мисси, пребывавшая в приподнятом настроении, обдумывала, что нужно будет купить, много ли придется потратить; деньги-то легко не давались и экономили они с Вилли старательно.

В этот вечер долго сидели у костра, спать не хотелось. Мисси отыскала в сундуке свое любимое голубое платье. Ах, как оно сильно помялось! Молодая женщина хорошенько встряхнула его и аккуратно повесила на плечики, расправив складки и морщинки. К утру разглядятся.

В лагере все усиленно готовились к завтрашнему выходу в город. Женщины штопали и чистили уже несколько изношенную одежду мужей. В семьях составляли списки необходимых покупок, что-то в них то и дело меняли, добавляли, но многое — с большой неохотой — приходилось и вычеркивать.

Общее возбуждение, кажется, передалось даже собакам; весь вечер они весело носились по лагерю, тявкали и визжали.

На следующее утро все, включая неторопливую миссис Стэндрд, были готовы с

первыми лучами солнца: чем раньше они выедут, тем быстрее доберутся до города и тем большим временем будут располагать.

К вящему восторгу путников, до Липтона и в самом деле оказалось рукой подать, всего-то несколько миль от их вчерашней стоянки. С вершины первого же по ходу обоза холма во всей красе открылся предмет их мечтаний. Люди радовались, как дети; один мистер Блейк по обыкновению сохранял непроницаемое лицо.

Быстро было найдено подходящее место для стоянки, и фургоны, как всегда, выстроились в круг. Мужчины сразу же принялись обихаживать животных, женщины хлопотали у костра, подогревая воду для банных процедур. А когда все были готовы, солнце уже высоко стояло в голубом безоблачном небе, обещая необычайно жаркий день.

В город шли небольшими группами. Генри присоединился к компании молодых людей. Коллинзы отправились все вместе; Сисси несла на руках маленькую дочь, а Том усадил сынишку на плечи. Миссис Торн вышагивала, как всегда, широко, пружинисто. Ее муж объявил, что он не из тех дураков, которые тратят время попусту, и остался в лагере: лучше он отремонтирует сбрую. Миссис Пейдж, отпустив очередную колкость в адрес Джесси Тутл, ринулась вперед, не дожидаясь ответной реплики. В одиночку спешила по дороге Тилли Крейн. Сейчас ей было не до мужа, она сгорала от нетерпения: наконец-то Тилли сможет сделать себе прическу! Миссис Шмидт, бросив охапку дров под фургон и сняв передник, присоединилась к ждущим ее домочадцам, и всей семьей они отправились в город, обогнав по дороге ползущую как букашка миссис Козенски.

Мисси и Вилли пошли вместе с Джоном и Бекки, конечно неспешно.

Возле фургона мистера Вайсса они повстречали миссис Эмори, которая как раз застегивала парусиновую дверь и тоже собиралась в город. Ее печальное лицо засветилось улыбкой при виде двух молодых пар. Не говоря ни слова, Вилли подошел к вдове и взял ее под руку.

— Торопитесь в город? — спросила миссис Эмори, приветливо глядя на Мисси.

— Ой, кажется, целую вечность не ходила по мощеным тротуарам и не заглядывала в магазины!

Миссис Эмори промолчала и только улыбнулась.

«Она очень привлекательная женщина, улыбка ей к лицу, — отметила Мисси. — И такая молодая. Наверняка она не старше меня. Что бы я делала, случись такое с Вилли? Как бы мне удалось вернуться домой? Или пришлось бы бедствовать где-нибудь здесь, на Западе? — От этих мыслей Мисси стало нехорошо. — Господи, я бы не вынесла таких испытаний».

Мисси вспомнила свою мать и о том, что ей пришлось пережить за долгие годы. К глазам молодой женщины подступили слезы, которые она поспешила смахнуть, пока никто не заметил.

— Вы пойдете за покупками? — спросила Мисси новую попугчицу.

— Наверное, нет, — покачала головой миссис Эмори и сразу как-то погрустнела.

«Ей не с чем идти в магазин», — догадалась Мисси.

Помолчали. Молодая женщина как будто не могла решить: рассказывать о своих планах на сегодняшний день или нет? Однако произнесла тихим голосом:

— Я хочу поискать церковь. Мне нужно помолиться.

Вилли с сочувствием погладил бедняжку по руке. Опустив голову, миссис Эмори отвернулась, по щекам ее текли слезы.

Устремив на Вилли взгляд, полный признательности за его душевный порыв, Мисси испытывала к мужу прилив нежности. Вилли так похож на ее отца. Как и Кларк, он способен на глубокое сопереживание страждущему. И молодую женщину захлестнула, смешавшись в одну волну, тоска по отцу и любовь к мужу.

Все впятером они неторопливо шли по дороге и уже очень скоро стали спускаться к городу.

— Вилли, мы должны поддержать миссис Эмори. Она такая милая и как настрадалась, а ведь еще совсем молодая. По-моему, я не встречала более несчастное создание, — вполголоса говорила Мисси мужу.

— Твои родители тоже прошли через многие страдания, — тихо напомнил Вилли, погладив жену по руке.

Правда, ее родителям выпала далеко не безоблачная жизнь, но ребенком Мисси не замечала, как тяжело им приходится. Она помнила мать и отца только смеющимися, и они всегда любили друг друга. Сможет ли миссис Эмори снова смеяться? И сможет ли полюбить снова? Мисси молилась, чтобы в Липтоне была хоть небольшая церковь, где бы несчастной женщине довелось пообщаться с Богом.

Город был небольшой, как и большинство тех, которые остались позади, но для не избалованных светской жизнью путников он оказался достаточным источником сильных и свежих впечатлений. С удовольствием ноги, уже отвыкшие от мощеных тротуаров, ступали по деревянному настилу, пусть и не все в нем было идеально, что-то сломано, что-то выбито. А все равно приятно, особенно для Бекки. Нужно лишь не зевать, чтобы не споткнуться.

Осмотрев город, дружная компания решила разделиться: женщины пошли на поиски пряжи, ниток для вязанья, утвари и «роскоши», мужчины отправились на извозчий двор за более прозаичными, но столь же нужными в хозяйстве вещами — подковами, уздечками, седлами.

Бекки и Мисси ходили по магазинам в поисках мягкой шерстяной пряжи и тонкой ткани для детского приданого. Вместе легче решить, что, из чего и как делать. Бекки вообще-то все необходимое приготовила еще дома, но вдруг ей здесь что-нибудь приглянется? А Мисси предполагала основное приданое для малыша собрать, когда они с Вилли приедут на новое место и обзаведутся домом. Сейчас же так забавно бродить по торговым лавкам и выбирать что-то для шитья или вязанья. Найти увлекательное занятие в долгой дороге — большое дело.

В Липтоне отыскалась даже какая-никакая гостиница, а при ней ресторан, и Вилли с Джоном пригласили своих жен на обед. Представить только — пища без привкуса дыма от костра, свежее мясо и хлеб (может быть, даже свежееиспеченный), ароматный чай. И овощи, настоящие овощи! Как давно они не пробовали свежих овощей.

Мужчины, с расторопностью сделав необходимые покупки, к середине дня освободились и были готовы сопровождать своих дам в ресторан.

Обеденный зал ресторана был переполнен, и молодым людям пришлось ждать. Когда, уставшие, уселись они за освободившийся столик, то и здесь потеряли немало времени — тщательно, взвешенно, испытывая терпение официанта, обсуждали молодые люди меню. Наконец заказ был сделан и принесен. Ну до чего же вкусна еда без привкуса дыма! Хлеб оказался не особенно свежим, но это был хлеб. Мясо тоже оставляло желать лучшего, а овощи перепарены. И тем не менее, это был, казалось, самый вкусный обед в их жизни. На десерт молодые люди заказали пирог (очень, кстати, удачный) и с наслаждением пили

ароматный, хорошо заваренный чай.

После ресторана снова отправились за покупками. Нелегкое это дело — купить мало, когда нужно многое, да ты еще и в магазине сто лет не был. Список покупок неоднократно пересматривался, перетряхивался, урезался — пока не купили самое необходимое. Главное — запаслись в дорогу едой и свежими овощами. Мисси попалась на глаза мягкая фланель и хлопковая ткань очень красивой расцветки, и она не удержалась от покупки. А поразмыслив, сочла разумным купить еще шерсти для теплых носков.

Сбившись с ног, молодые люди отправились назад в лагерь. Наиболее ценные приобретения несли на своих двоих, а вечером служба доставки привезет остальное. День получился утомительным, но время, проведенное в цивилизованных условиях, взбодрило душу.

Мисси и Вилли расстались с четой Клей возле их фургона. Во время прогулки по городу Мисси не раз предлагала подруге отдохнуть, посидеть — слишком много впечатлений за день, слишком много пройдено пешком. Теперь Бекки выглядела очень усталой. Понимая, что молодой женщине трудно будет сегодня заниматься ужином, Мисси пригласила их к себе, и приглашение было с радостью принято.

Вот они уже дома, у своего фургона. Мисси, убрав покупки, сразу занялась костром. Переодевшись во все рабочее, Вилли отправился проверить лошадей и коров. Дорогой он по обыкновению весело насвистывал. День прошел удачно. И Мисси, довольная проведенным временем, тихонько напевала, готовя ужин.

Глава десятая. Маленькие неприятности и большая беда

Город, как и предполагал мистер Блейк, принес некоторые неприятности и даже потери.

Тилли Крейн кроме парикмахерской нашла в Липтоне и работу в магазине. Она категорически отказывалась ехать дальше в это «Богом забытое место», где непрестанно дует ветер, печет солнце и льют дожди. Джейсон, муж миссис Крейн, упрашивал жену, уговаривал, но она оставалась непреклонной, и ничто не могло изменить ее твердого решения. Сломленный муж пришел в конце концов к мистеру Блейку и сообщил, что их семейный фургон выходит из обоза — они остаются в городе. «Без жены я не поеду, — сказал Джейсон. — Попытаюсь устроиться на работу в Липтоне. Для человека, который хочет работать, наверняка что-нибудь да найдется».

Неприятности были не только в семье Крейн. Проблемы возникли и у тех, кто не посещал город, кому пришлось не разгибая спины ремонтировать вышедшие из строя части фургонов и упряжи. Миссис Козенски вынуждена была лечить «прихворнувшего» мужа испытанными методами — ведро холодной воды на голову и несколько чашек горячего кофе вовнутрь. К утру, несмотря на то, что у больного был немного затуманенный взор и раздражительное настроение, семья могла благополучно ехать дальше.

У Джесси Тутл возницей упряжки вообще-то был ее брат, но сегодня Джесси пришлось затолкнуть его в фургон и запрягать лошадей самостоятельно.

Но больше всего хлопот выпало на долю миссис Торн. Ее муж вообще не появился в лагере. Бедная женщина, прождав заблудшего мужа до утра, отправилась в город на поиски. Спустя два часа, не добившись никакого результата, миссис Торн вынуждена была вернуться в лагерь. С непроницаемым лицом и стиснутыми губами она направилась к своему фургону. Тут уже настала очередь мистера Блейка. Вероятно, он лучше знал, где вести поиски, ибо через час глава обоза привез на городском фургоне совсем пьяненького мистера Торна. Несчастной женщине ничего не оставалось, как легким кивком поблагодарить возницу прибывшего фургона за хлопоты и «доставку» и самой взять в руки вожжи.

После трехчасовой задержки обоз наконец тронулся с места. К тому времени солнце уже стояло высоко. Детям было жарко, и они капризничали; взрослые были раздражены пустой тратой времени и нервничали.

Миссис Торн немногословно извинилась перед соседями. Щелкнув кнутом, она прикрикнула на лошадей и, умело маневрируя, поставила фургон на положенное ему в обозе место. Не без удовольствия Мисси наблюдала за ловкими движениями отважной и решительной соседки, сидевшей на скамье фургона с угрюмым лицом и немигающим взглядом.

Говорили, будто миссис Торн знала, что ее муж не останется в лагере чинить сбрую, как знала и чем он займется, попав в город. Многократно ситуация повторялась в прошлом и, вне всякого сомнения, переключает в будущее. Но Мисси была уверена: стойкая миссис Торн справится и с этими неприятностями, ничто не сокрушит несгибаемую женщину.

Восхищенным взглядом проводила Мисси упряжку миссис Торн. Как эта железная дама вошла в роль возничего! Руки ее, держащие вожжи, не дрогнут, глаза не мигая глядят на ослепительно яркое полуденное солнце. «Такая женщина, естественно, не может не

смотреть на мир свысока», — согласилась Мисси. Однако уже в следующий миг у нее перехватило дыхание. Сначала Мисси решила, что ей показалось. Но нет, сущая правда: по смуглому грубоватому лицу миссис Торн ручьем текли слезы. «Бедняжка, как она страдает! И никто даже не подозревает. Боже, прости меня. Прости, что я не замечала раньше ее стиснутых от боли и мучений губ. Укажи мне путь, как помочь этой несчастной женщине. Боже, прояви к ней доброту и любовь. Она нуждается в тебе, Господи».

После этого случая Мисси старалась при всякой возможности поприветствовать миссис Торн улыбкой, оказать ей какой-то знак внимания, и несчастная женщина потихоньку оттаяла.

Прошло четыре дня после отъезда из Липтона. Понемногу жизнь в обозе вошла в привычную колею. Мужчины, как следует вздохнувшие от дорожной тоски в тавернах города, теперь приходили в себя и, окончательно протрезвев, с не меньшим рвением взялись за неотложные хозяйские дела. Был лишь один человек, которого не без оснований подозревали в нарушении сухого закона, — брат миссис Тутл Дж. М. Дулей; как-то ему удавалось прятать виски в фургоне. Между братом и сестрой по этому поводу беспрестанно происходили яростные стычки. Ну и конечно, в неприятности, обрушившиеся на Джесси Тутл, считала своим долгом вмешиваться миссис Пейдж. Так что военные действия развернулись на новом направлении.

Весь обоз от души потешался над смехотворностью перебранок, но в дело вмешался мистер Блейк, который решил положить конец этому безобразию. Пьянство брата миссис Тутл открылось, и он получил по первое число, а фургон миссис Пейдж глава обоза велел переместить в конец колонны, подальше от Джесси Тутл. Казалось, все уладилось.

Вечером четвертого дня обоз, как всегда, остановился на ночлег. Мисси заканчивала мыть посуду после ужина, когда неожиданно прибежала Нел, дочь миссис Козенски, и передала просьбу матери спешно прийти к Бекки Клей.

— У миссис Клей днем начались сильные схватки, и она хочет видеть вас.

Все перевернулось внутри у Мисси. Она целый день не видела подругу, не выходявшую из фургона на воздух, и скучала по ней. «Наверное, Бекки, устала, — решила Мисси. — Ей сегодня не хочется идти пешком». А дело обернулось иначе. Молодая женщина попросила Генри передать мужу, где она будет, и, схватив шаль, бросилась к фургону семьи Клей. Она шла быстро, но старалась не бежать, чтобы в лагере не начали беспокоиться.

Уже подходя к фургону, Мисси услышала слабые стоны Бекки. Миссис Козенски как раз спускалась по ступенькам и, не позволив молодой женщине войти внутрь, отвела ее в сторону. Лицо акушерки было тревожно.

— Плохи дела, мэм, совсем плохи, — сказала миссис Козенски срывающимся голосом. — Я... принимала роды не раз, много младенцев... Но это преждевременные роды, ребенок маленький, и потом, неправильное положение... — Она безнадежно покачала головой, по щекам ее текли слезы. — Совсем плохо, ей нужен доктор.

— Можно я пойду к ней? — с мольбой в голосе спросила Мисси.

— Иди, милая.

Поднявшись по ступенькам, молодая женщина тихонько вошла в фургон. Бекки лежала на кровати вся в поту, влажная и горячая, лицо ее было бледным как полотно, длинные волосы разметались по плечам. Подойдя к подруге, Мисси взяла ее за руку и стала гладить по волосам. Мисси старалась говорить ровно и спокойно, не очень отдавая себе отчет — о чем, но ее нежный голос, казалось, убаюкивающе подействовал на измученную болью и

страданиями женщину.

Мисси оставалась с Бекки почти всю ночь. Положение бедняжки не улучшалось, порой она впадала в беспокойный сон, но скоро просыпалась от боли. Джон и Вилли тоже ни на шаг не отходили от фургона, молча сидели они у костра. Но после долгих часов бдения обеспокоенный Вилли попросил миссис Козенски отправить его жену спать, иначе она сама будет в опасности, и акушерка тотчас сменила Мисси.

Наутро супруги Ла Хэй с трудом поднялись — они почти не спали, — а нужно было собираться в дорогу. Мисси сразу послала мужа узнать, как дела у Бекки, и тот вернулся с нерадостной вестью: ничего не изменилось. Машинально, точно пребывая в полусне, Мисси готовила завтрак, мыла после завтрака посуду, а на сердце у нее лежала тяжесть.

Верховой, один из помощников главы обоза, появился возле их фургона, уже когда посуда была уложена и лошади накормлены. Он ехал вдоль всей цепочки фургонов и сообщал каждой семье распоряжение мистера Блейка: «Пока у миссис Клей не родится ребенок, обоз останется на месте». Молодая женщина бросилась обнимать хорошего вестника: ей страшно было подумать, что Бекки в таком состоянии придется трястись в фургоне по ухабистой дороге. У Мисси отлегло от сердца.

Накануне вечером мистер Блейк отправил посыльного в Липтон с поручением найти врача и привезти его к роженице. В лагере молились все — кто знал молитвы и кто не знал их. Все обращались к Богу и просили: «Господи! Пусть доктор найдется и прибудет вовремя».

Чтобы хоть как-то отвлечься от тягостных мыслей о страданиях бедной роженицы и не имея никакой возможности облегчить ее положение, люди в ожидании врача занялись домашними делами. Женщины стирали одежду и наводили порядок в своих дорожных домиках. Мужчины в очередной раз проверяли, все ли в порядке с упряжкой, сбруей и колесами фургонов.

Вечером сидели у костра, коротая время за разговорами о том, о сем. Время тянулось медленно, и нервы у всех были на пределе; происходившее в фургоне семьи Клей болью отзывалось в сердце каждого. Ближе к ночи, не зная, чем помочь бедняжке Бекки, и надеясь, что утром всех порадует хорошая весть о рождении младенца, люди начали гасить костры и укладываться спать.

Утро не принесло перемен. Ребенок не родился.

Начался еще один долгий день. Все хозяйственные дела были переделаны, все настирано, починено, и люди не знали, чем занять себя в эти часы томительного и тревожного ожидания. Врача до сих пор не было. И хотя все понимали: прошло более чем достаточно времени, чтобы добраться сюда из Липтона, — надежда не умирала. Наконец посыльный вернулся — весь в пыли, усталый, подавленный. Он принес нерадостную весть: врача в городе нет.

Мисси, Вилли и другие соседи в ожидании стояли у фургона четы Клей, но плача новорожденного так никто и не услышал. Была почти половина второго, когда миссис Козенски вышла из фургона. По пухлым щекам акушерки текли слезы.

— Ребенок умер, — тихо сказала она. — Ничего не удалось сделать.

— Бедная Бекки! — зарыдала Мисси. — Она не перенесет этого.

— Не перенесла, — еще горше заплакала акушерка. — Молодая мама не справилась, она тоже скончалась.

В первый момент Мисси не могла ни осознать сказанное миссис Козенски, ни поверить

в этот кошмар. Но чем отчаяннее она впивалась глазами в старую акушерку, тем очевиднее ей становилось: это правда. Из глубины крытого фургона слышались приглушенные рыдания мужа.

— О, Боже, — закрыв лицо руками, прошептала Мисси. У нее подкосились ноги, но стоявший рядом Вилли успел подхватить жену и прижал ее к себе. Мисси громко рыдала на плече у мужа. Дав ей выплакаться, Вилли долгим взглядом посмотрел в глаза жене, точно сам хотел найти ответ на вопрос, который собирался задать.

— Я должен пойти к Джону, — тихо сказал он. — Ты дойдешь сама до фургона?

Мисси кивнула. Но тотчас к ним подошел Генри и, взяв молодую женщину под руку, бережно повел ее к дому, обходя попадавшие на дороге рытвины и ухабы. Генри помог ей подняться по лестнице в фургон и предупредительно придержал полотно двери, чтобы Мисси не споткнулась на пороге.

Молодая женщина лежала в духоте фургона и чувствовала, как смятение и страх одолевают ее.

Заупокойную службу провели на следующее утро. Юная мать и младенец лежали рядом на одеяле, за край которого держался Джон. Казалось, он не понимает, что происходит. Потрясение и горе затуманили его голову, отрешенный взор едва ли участвовал в происходящем.

После заупокойной службы стали собираться в дорогу, и мужчины молча выстраивали фургоны, соблюдая уже установленный порядок. Боясь за друга, Вилли предложил Джону перебраться к ним, но тот решительно отказался и предпочел одиночество. Обоз тронулся.

Мисси очень скоро попросила мужа остановить лошадей и сказала, что пойдет пешком. Отвернувшись от густых клубов пыли, вздымавшихся из-под колес, она стояла на обочине и ждала, пока обоз проедет. Когда последний фургон прогремел мимо нее, Мисси оглянулась на оставшуюся в прошлом часть пути. Внизу, в лощине еще видны были следы недавнего лагеря: вытопанная зелень, пепел костров, полосы примятой колесами травы. И маленький холмик свежей земли — там, где они оставили дорогу Бекки и ее ребенка, которые теперь навсегда вместе. Этот одинокий холмик, может быть, особенно пронзительно заставил Мисси почувствовать боль разлуки, и она в отчаянном порыве бросилась бежать назад, но через несколько шагов остановилась, скованная мгновенной простой мыслью: в этом мире Бекки больше нет. «Прощай, милая Бекки, прощай, Ребекка Клей. Ты была хорошей подругой. Пусть тебе и твоему ребенку будут радость и упоение в Божьем доме».

Слезы ручьем текли по лицу молодой женщины. Она уже повернулась было идти вслед за обозом — и в этот момент увидела, как из зарослей кустарника в лощине появился одинокий всадник и остановился у могильного холмика. Мисси узнала мистера Блейка. Он спешился и подошел к могиле. Сняв шляпу, мистер Блейк долго стоял со склоненной головой, затем положил небольшой букет степных цветов на свежий холмик — и поехал догонять обоз. Слезы пуце хлынули из глаз Мисси. «Это благородный человек», — грустно улыбалась своим мыслям молодая женщина.

Значительно позже Мисси узнала, что много лет назад мистер Блейк стоял у такого же могильного холмика, в котором лежали его жена и ребенок. И тогда тоже он вынужден был оставить их одиноко покоиться в прерии, в стороне от обозного пути.

Глава одиннадцатая. Трудное решение

Путь до Тетфорда становился все короче, и это поднимало настроение. Но дни по-прежнему тянулись медленно. Чтобы скрасить дорожную скуку, Мисси старалась не сидеть без дела и хоть чем-нибудь занимать себя. Прежде всего она решила более ответственно относиться к своим обязанностям, в частности по отношению к попутчикам, много времени молодая женщина по-прежнему уделяла миссис Коллинз и ее деткам. Оба малыша миссис Коллинз в суровых походных условиях росли крепкими и здоровыми, но, конечно, требовали немало внимания.

В разговорах Мисси и Вилли все еще старались обходить смерть Бекки. Мисси часто плакала. Если Вилли оказывался рядом, он нежно прижимал жену к себе, гладил по волосам и старался найти слова, которые бы укрепили ее дух. Оба они понимали, что когда-нибудь им придется коснуться этой темы. И скорее всего, лишь тогда их душевная рана начнет затягиваться.

Вилли в вечерних молитвах всегда упоминал имя Джона. Мисси же, сопереживая потерю Джона, связывала смерть подруги с неумным поведением ее мужа, и это отдаляло их друг от друга. Она то испытывала к Джону глубокое сострадание, то не могла справиться с приступами раздражения на его счет.

Как-то вечером, когда все дела были сделаны и молодая семья отдыхала у себя в фургоне, Вилли осторожно завел разговор на тему, которой они по молчаливому согласию избегали.

— Ты понемногу свыкаешься с мыслью, что Бекки нет с нами? — Вилли ласково обнял жену и посмотрел на нее преданным любящим взглядом.

— С трудом. — Мисси едва сдерживала подступавшие слезы.

— Время не всегда лечит, — вздохнул Вилли. — Джону, по-моему, становится все тяжелее переносить утрату. Сразу после смерти Бекки он был в шоке и вряд ли вполне понимал, что произошло. А теперь, когда он с каждым днем все отчетливее сознает, что Бекки не вернуть, что ее больше никогда не будет рядом, Джон страдает отчаянно.

Мисси молчала, обдумывая слова мужа. Но затаенная обида на Джона снова всколыхнулась в ней.

— Джон был слишком самоуверен и категоричен. Все должно идти как у его мамы! Но Бекки не такая, как его мать, и он обязан был относиться к жене и будущему ребенку более чутко и ответственно. — Мисси уже не могла сдержать слез и разрыдалась на груди у мужа.

— Конечно, ты права, я тоже так думаю, — спокойно сказал Вилли, — но мы, пожалуй, не совсем справедливы к Джону. Да, он вел себя самонадеянно, но знаешь, иногда мне кажется, что его самонадеянность — это маска, которую он надевал с одной целью: чтобы все шло, как надо. В чем я уверен, Мисси, так это в том, что Джон любил Бекки, очень любил и очень-очень хотел этого ребенка. И вот сейчас у него нет ни сына, ни жены... Джон искренне страдает, Мисси. Наверное, мы все чересчур легкомысленно относимся к тем, кого любим. Пока гром не грянет.

Мисси понемногу успокоилась и только время от времени тихонько всхлипывала. «Конечно, Вилли прав, — размышляла она. — Джон любил Бекки и хотел сына. Не вина Джона, что все так случилось. Если бы не долгая задержка на Большой реке, мы бы успели добраться до Тетфорда и обратились к доктору вовремя. — Мисси стало жалко Джона. —

Несчастный! Как он настрадался! Я должна буду молиться за него».

— Мисси... — прервал размышления жены Вилли. — Я вот все думаю: есть ли в Тетфорде доктор?

Молодая женщина повернулась к мужу, но в темноте фургона не могла различить выражение его лица.

— Конечно. Тетфорд достаточно большой город.

— Я хочу, чтобы ты показала доктору.

— Но ребенок должен родиться еще через три месяца.

— Знаю.

Мисси задумалась.

— Ко времени родов мы можем вернуться в Тетфорд. Далеко наше ранчо от города?

— Хорошая неделя пути.

— Неделя? Ну что ж, мы выедем пораньше.

— Мисси, я не о том, — осторожно сказал Вилли голосом тихим, но твердым.

— А в чем дело?

Вилли запнулся на мгновение, но продолжал так же твердо:

— Пока ребенок не родится, тебе нужно быть в Тетфорде.

— Вилли, ты ведь торопишься быстрее попасть на свое ранчо. Надо ставить загоны для скота, строить дом, управиться со скотиной до зимы.

— Ты права, Мисси, но...

— А когда я смогу ехать с тобой дальше, у тебя вряд ли останется время завершить дела до...

Вилли прервал ее:

— Я буду все делать по плану. Мисси, пойми меня правильно...

— Так вот что! — наконец сообразила Мисси. Она с трудом верила своим ушам.— Ты хочешь оставить меня в городе?

— Это единственный выход. По крайней мере, я другого не вижу.

— Нет! — возмущенно протестовала Мисси.

Вилли нежно обнял жену, но голос его звучал неумолимо:

— Я тоже не хочу этого, Мисси, но другого пути нет. Я не собираюсь, как Джон, испытывать судьбу.

— Так ведь у нас все иначе. Разве ты не видишь? Бекки нездоровилось с самого начала, а я прекрасно себя чувствую.

Рука мужа крепко сжала ее плечо, и Мисси вынуждена была замолчать.

— Тебе может понадобится доктор в любой момент. А там, куда мы едем, нет врача. Нет даже соседки, которая могла бы оказать акушерскую помощь. Тебе никто не поможет там, Мисси. Никто! Как ты не понимаешь? Я не могу взять тебя с собой. Подумай о том, что случилось с Бекки.

У Мисси комок подступил к горлу, но она еще попыталась, и голосок ее звучал жалобно:

— Мы просто вернемся в Тетфорд, когда подойдет срок, Вилли. Я не хочу оставаться в городе без тебя.

— А если преждевременные роды, как у Бекки? Тогда что? Откуда мы знаем, когда тебе придет время рожать? Это может случиться в любой момент. Я каждый вечер, Мисси, молюсь, чтобы следующий день прошел для тебя благополучно, чтобы ничего не стряслось,

пока мы не доедем до Тетфорда. И наконец, дорогая. Представь: я не оставлю тебя в городе и возьму с собой на ранчо, а роды начнутся в пути. Ну, и что тогда делать?

Растерявшись от всех этих доводов, Мисси перестала уговаривать мужа и, положив голову ему на плечо, горько заплакала. Остаться без Вилли на целых три месяца — а может, и больше — в незнакомом городе! Одной ожидать их первенца!..

Выплакавшись, Мисси подняла к мужу лицо, и крупная слеза упала ей на лоб. В глазах Вилли стояли слезы.

— Это будет нелегко, — срывающимся голосом проговорил он. — Очень нелегко. Но мы должны справиться. Вспомни наш стих: «Не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей»!

«Не бойся» — эхом отдавалось в голове Мисси. Но как ей не бояться?

В последний раз обоз раскинул лагерь перед Тетфордом, который оказался на удивление большим городом. Мисси смотрела на открывшуюся взору унылую местность и размышляла, что же здесь может расти. «Эта земля, судя по всему, способна родить чертополох. Кто только решается жить в таком плодородном крае», — Мисси пожалала плечами и отвернулась от ветра. Ветер здесь дул непрерывно.

После долгих недель пути переселенцы досконально изучили друг друга, все были в курсе всего. Джон по-прежнему испытывал опустошенность и глубокое одиночество. Перед ним стоял трудный выбор: ехать, как и планировал, к брату либо искать работу в городе. Без Бекки обетованный край, куда звал его брат, казался Джону пустыней.

Семья миссис Пейдж приняла решение остаться в городе. Так же поступала еще одна семейная пара, которую Мисси знала не очень хорошо. Джесси Тутл собиралась продолжить путь на Запад, и по этому случаю у миссис Пейдж нашлось несколько домашних заготовок для меткого прощального выстрела. Но Джесси не снизошла до ответа на колкости неумейной попутчицы, что явно раздосадовало миссис Пейдж и в очередной раз рассмешило остальных.

Миссис Эмори, понимая, что у нее-то выбор невелик, дальше Тетфорда ехать не собиралась. Благодаря доброму отношению к ней в обозе мистера Блейка молодая вдова добралась до города и ныне сама должна была позаботиться о своей судьбе. За время пути миссис Эмори повзрослела, испытания закалили ее юную душу, она окрепла и поправилась. Хотя миссис Эмори еще продолжала переживать утрату, она сумела понемногу воспрянуть духом и сейчас была готова к новым поворотам судьбы.

Мистер Вайсс и Кэти тоже решили осесть в Тетфорде. В таком большом городе найдется место еще одному мастеру кузнечных дел. Мисси, правда, подозревала, что главная причина такого решения лежит в нежной привязанности мистера Вайсса к молодой вдовушке и что он хочет выждать время. «Миссис Эмори, конечно, едва ли старше его дочери. Но это их дело, — решила Мисси. — А вообще-то мистер Вайсс добрый и симпатичный человек».

Большинство остальных переселенцев собирались отправиться через несколько дней с другими обозами на северо-запад, в прерию. «Если это все еще не прерии, что нас ждет дальше? — спрашивала себя Мисси. — И кому только пришло на ум здесь поселиться». Вслух свое любопытство она высказывать не стала.

Закончив все дела по разворачиванию лагеря и обустройству, Вилли предложил жене пойти посмотреть город. Но свежее воспоминание от посещения Липтона вместе с Бекки и предубеждение к Тетфорду, в котором ей предстояло остаться без Вилли, отбивали у Мисси всякую охоту отправиться на прогулку. Она отказалась и под предлогом, что хочет побыть

одна, ушла в фургон.

«Только бы Вилли передумал! Только бы не остаться одной, без него!» Неужели она, словно в клетке, будет заточена в этом ужасном фургоне на целых три месяца? В этом унылом городе, где солнце безжалостно вонзает свои лучи в лишенную зелени землю, а ветер не утихает ни на миг. Если бы она знала заранее, что муж не возьмет ее с собой строить дом и обосновывать ранчо, она бы, конечно, никуда не поехала, осталась бы лучше с родными, которые любят ее и готовы для нее на все. И зачем нужна была эта длинная утомительная дорога, зачем эти мышечные боли, мозоли, москиты, изнуряющая жара и проливные дожди — чтобы быть брошенной здесь? «Просто нечестно со стороны Вилли, — бушевала Мисси. — И несправедливо». Слезы вновь потекли было из ее глаз, но, измученная переживаниями, она провалилась в глубокий сон.

— Мисси! Мисси! Я нашел квартиру! — Сквозь сон услышала молодая женщина радостный голос мужа. Она приподнялась на кровати и с усилием старалась прийти в себя.

— Квартиру? Для кого? — еще туго соображая, спросила Мисси, когда Вилли появился на пороге.

— Для тебя, дорогая, — удивился он ее вопросу. — Ты будешь жить там, пока не родишь.

Мисси пристально смотрела на мужа. Так, значит, он не собирался бросить ее в этом тесном фургоне на три долгих месяца? Нет, вспомнила Мисси, она решила быть непреклонной и не оставаться здесь ни при каких обстоятельствах. Она намерена ехать. А в глубине души понимала: борьба бессмысленна.

— Комната одна, но вполне приличная. И хозяева симпатичные, они даже разрешили мне пожить у них, пока обоз готовится к отправке.

— Ну что же, это мило с их стороны. И то сказать, где же еще жить мужу, как не со своей женой.

Пропустив мимо ушей этот выпад, Вилли продолжал:

— Представь, какая удача: мистер Тейлорсон заведует центральным магазином в городе, а его жена обучает игре на фортепьяно! Ты могла бы у нее учиться, пока будешь жить в городе.

— Вилли, ну что ты несешь! — с раздражением выпалила Мисси. — Зачем мне учиться игре на фортепьяно? Для чего?

— Ну, хотя бы для того, чтобы скоротать время, — рассудил Вилли.

Он говорил спокойным, мягким голосом, пристально глядя на жену, а Мисси бы рада была сейчас уйти, да уходить некуда: везде любопытные взгляды соседей. Пришлось принять хладнокровный вид. Повернувшись к мужу спиной, она как ни в чем не бывало подравнивала края фитиля в стоявшей на полке керосиновой лампе.

— И самое главное, дорогая, доктор живет по соседству, через три дома, — продолжал Вилли. — Его всегда можно позвать.

— Если, конечно, он в это время не будет накладывать гипс на чью-нибудь сломанную ногу или перевязывать пулевое ранение, — недовольно ворчала Мисси.

— Кроме того, в городе есть две акушерки — это на случай, если врач окажется в отъезде. Я там порасспросил людей.

— Акушерка не помогла Бекки, — не унималась Мисси.

«Какая же я капризная! И несправедлива к мужу. И знаю это. — Мисси тяжело вздохнула: — Вилли делает то, что считает правильным». Смахнув с ресниц набежавшие

слезы, молодая женщина быстро сменила тему разговора:

— Так когда же отправляется обоз?

— Через недельку, а может, и раньше.

— А ты успеешь?

— Хочу успеть. Ты только представь, у меня все идет по плану твоего отца. Я поеду как раз с тем обозом, что везет на ранчо всякую утварь, продовольствие и бревна, из которых буду делать загон для скота, — так что не на перекладных, а прямо до нашего места. Скоро поставим дом и обстроимся.

— И откуда, интересно, в этом городе, где ни деревца, ни кустика, возьмутся бревна?

— Привезут. Здесь многим нужен строительный материал, и поставка леса давно налажена. Бревна можно найти ближе, чем ты думаешь, — те высокие холмы, что обступают город с запада, покрыты лесом.

— Мм.

— Ну, ладно, пойду, как всегда, проверять лошадей и коров. Да, чуть не забыл, — обернулся в дверях Вилли. — Генри просил передать, чтобы его не ждали к ужину.

— А что у него за планы?

— Он ужинает с семьей Вайссов. А что у него за планы — кто знает?

Мисси ухмыльнулась: «Понятно. Значит, это с Кэти Вайсс заигрывает Генри. Вообще-то я подозревала, хотя он всю дорогу маскировался, со всеми любезный, никому не выказывает предпочтения. Ну, что же, это совсем неплохо — Кэти тоже остается в Тетфорде и компания мне обеспечена».

Надо было приниматься готовить ужин. Вот когда Мисси пожалела, что не пошла в город. Провалилась в постели, плача и дуюсь на мужа за его, как ей казалось, несправедливость. Сейчас могла бы приготовить что-нибудь вкусное из свежих продуктов, а так придется есть консервы.

«Как все надоело! Надоела эта однообразная еда! Надоел тесный душный фургон! Даже соседи, да, надоели! Завтра надо непременно пойти в город. Пусть Вилли познакомит меня с Тейлорсонами. Разве их вина, что мне придется торчать в этом паршивом городишке, пока не родится ребенок? Нет, не их», — окончательно смирилась со всем Мисси.

Глава двенадцатая Семья Тейлорсон

Наутро Мисси проснулась свежая и отдохнувшая и готова была идти в Тетфорд. Она решила, что из посещения города сделает для себя маленький праздник. Мисси помылась и надела свое любимое платье, сшитое из веселенького ситца; оно необыкновенно шло ей. Свободный покрой платья сослужил молодой женщине в ее теперешнем положении хорошую службу, хотя не без вздоха должна была Мисси забыть, как эффектно подчеркивал ее талию завязанный на спине пояс. Свободные рубашки и широкие юбки не случайно оказались в гардеробе: они с мамой предусмотрели, что наступят времена, когда Мисси понадобится и такая одежда, простая и удобная. Но к незамысловатым, темной расцветки юбкам Мисси накупила кокетливых передников, которые надевала поверх юбок. Молодая женщина сегодня особенно старательно уложила локоны и начала готовить завтрак для мужчин.

Первым появился Генри. Он сразу оценил, что хозяйка принарядилась.

— А к этому платьицу лучше бы подошли твои походные башмаки, — пошутил молодой человек.

Мисси взглянула на свои изящные, аккуратно зашнурованные черные ботиночки и улыбнулась.

— У меня, может, больше не будет случая надеть их, — оправдывалась будущая мама.

— Неужели? А что же твое образование — останется пустой тратой времени?

— Кажется, мне больше не понадобится мой диплом, — отвечала Мисси не без сожаления. Она с грустью вспомнила школу и милых неугомонных детей, своих учеников.

— Уверен, — поспешил сказать Генри, — что понадобится очень скоро.

Мисси глянула на свою располневшую фигуру, и ее щеки зарумянились.

— Ты еще не посмотрела город? — быстро нашелся молодой человек и сменил тему разговора.

— Нет. Вилли уже ходил на разведку, а мне вчера никуда не хотелось. Но я сегодня собираюсь.

— Понятно, — кивнул Генри. — Город большой, но, по правде говоря, скучноватый.

— Не знаешь, почему он так называется?

— Человек по имени Тетфорд когда-то поставил здесь склад и скупал товары у проходящих мимо обозов.

— Он по-прежнему живет в городе?

— Ну что ты, конечно нет. Сделал свои денежки и исчез. Я думаю, поехал обратно на Восток — тратить их.

— Ловкач, — согласилась Мисси легким кивком.

— Знаешь, о чем я больше всего скучаю в дороге? — неожиданно спросил Генри.

Такой резкий поворот в разговоре удивил Мисси, но она легко нашла здесь возможность подразнить юношу:

— Догадываюсь.

— Совсем не то, что ты думаешь. — Генри покраснел. — Мне очень не хватает наших воскресных собраний.

— Мне тоже. — Мисси сразу отбросила шутливый тон. — А ты, Генри, великолепно читал проповеди. Кстати, ты никогда не думал стать проповедником?

Генри еще больше покраснел.

— Я много размышлял об этом и пришел к выводу, что мне недостает качеств, необходимых проповеднику. Я мало читал, и общей культуры не хватает.

— Не правда, Генри, — возразила Мисси. — Ты прирожденный лидер. Разве ты не видел, как люди сразу потянулись к тебе, признали тебя?

— Да, верно, — помолчав, согласился Генри. — Однако это был всего лишь дорожный обоз, а не городская церковь. Разница большая. Но одну вещь я для себя понял наверняка.

— Что же?

— Если Господь предназначил мне какое-то место — каким бы оно ни было, я буду счастлив делать то, что могу. И необязательно это будет церковь, Мисси. Многие люди нуждаются в Боге, но не приходят искать Его в церковь.

— Ты молодец, Генри, рада за тебя, — тихо проговорила Мисси. — Ты нашел себя. И конечно ты прав: Бог хочет, чтобы все мы искали путь к сердцам других людей.

Мисси снова занялась завтраком. Генри уселся рядом на низенькую табуретку. Вскоре послышалось привычное веселое насвистывание, и Вилли присоединился к ним.

Увидев жену такой неожиданно нарядной, Вилли замер. Он долго разглядывал Мисси, потом широко улыбнулся.

— Вы выглядите сегодня потрясающе, миссис Ла Хэй.

— Вилли, перестань шутить. Ты все время видишь меня в простом платье и походных башмаках, вот и забыл, какая я на самом деле.

— Тогда напоминай мне почаще. Здорово выглядит, правда, Генри?

— Да я уж сказал ей.

— Ах, так! — засмеялся Вилли. — Стоило юной мисс Вайсс оказать тебе предпочтение, как ты решил, что можешь делать комплименты всем женщинам подряд?

— Нет, исключительно избранным.

Вилли снова засмеялся и поцеловал жену в щеку.

— Ну, право, Вилли, вовсе ни к чему, чтобы все видели, — отстранившись, сказала Мисси с упреком и поспешно начала подавать завтрак.

После завтрака читали Священное Писание и все вместе молились.

— Я тебе нужен сегодня? — спросил Генри у Вилли, когда Мисси заканчивала мыть посуду.

— Пожалуй, нет. На складе я справлюсь один. Так что занимайся своими делами.

— Спасибо. Пойду помогу Вайссам устроиваться, им удалось найти дом.

— Миссис Эмори останется с ними?

— Нет, она нашла небольшую комнату. Неплохую, правда, там маловато мебели. И работу нашла — миссис Эмори будет преподавать в школе, когда та откроется. А временно поработает на кухне при отеле.

— На кухне? — удивилась Мисси. — Нелегкий, прямо скажем, труд для такой изящной маленькой женщины.

— Я тоже такого мнения. Однако место есть, и миссис Эмори не хочет его упускать. — В голосе молодого человека ясно слышалось сочувствие. — Ну, если вы уверены, что я вам не нужен, то я пойду к Вайссам. — Генри надел шляпу. — Окажу, так сказать, дружескую помощь.

— Силен парень, — одобрительно бросил ему вслед Вилли и повернулся к жене: — Миссис Ла Хэй, вы позволите проводить вас в город? Сколько я понимаю, раз вы так

нарядились, то в фургоне сидеть не собирается.

— Пожалуй, сэр, я приму ваше предложение, — в тон ему отвечала жена.

Мисси нашла город таким, каким его и представляла. Зелени почти нет. Редкие пожухлые лужайки. То там, то здесь за существование среди пустыни борются совсем тощие растения. Лишь возле протекающей трубы или застоявшейся рядом лужи отважно пробивается какой-нибудь зеленый росток. Мисси не увидела ни одного деревца или кустика, только клубы пыли, гонимые порывами иссушающего ветра.

Дома все сплошь блеклые, с выгоревшими стенами, нигде ни яркой краски, ни украшений на окнах, — уныло и тускло. Открытое всем ветрам серое здание огромными буквами, установленными на крыше с фасада, призывно сообщало о скромных услугах, имеющихся в городе: «Парикмахерская». Вывеска «Гостиница» на другом здании заставила Мисси вспомнить бедную Мелинду Эмори, которая решила трудиться на жаркой, душной кухне в этой гостинице. Несколько домов, вынужденно подставлявших свои выцветшие стены ветрам и солнцу и стоявших строго в линию, образовывали пыльную улицу. Тротуары на улицах, очевидно, были вымощены совсем недавно, но, как и все вокруг, уже успели густо покрыться пылью. Лишь в отдельных местах, где располагались наиболее посещаемые заведения, тротуары поддерживались в приличном состоянии широкими длинными юбками дам.

К удивлению Мисси, она насчитала в городе пять парикмахерских. «Зачем так много? А вот церкви нет», — подосадовала она, однако позже, гуляя по улицам, увидела среди теснящихся друг к другу строений шпиль небольшой церкви.

В Тетфорде было три кузнечных мастерских, но, по словам мистера Вайсса, столь крупному городу несомненно не хватало еще одной.

Банк, участок шерифа, типография, почта с телеграфом, извозчиный двор, склады, магазины и еще много строений, назначение которых Мисси затруднялась определить, заполняли центр города. Плакат «Путешествуйте по миру» вызвал у молодой женщины улыбку: «Скажите на милость! Куда это они собираются возить пассажиров, сидя в центре пустыни?»

По правде говоря, город не произвел на Мисси приятного впечатления. Ей по-прежнему делалось страшно при мысли, что придется провести здесь долгих три месяца без мужа. Мисси хотелось ехать с ним на ранчо и создавать свой дом. Там все по-другому: прохладная долина, зеленая трава, холмы у подножия гор, которые очень нравятся Вилли. Мисси так мечтала хоть одним глазком взглянуть на эти горы!

— Тейлорсоны живут вон там, — прервал ее размышления муж, показывая рукой, куда идти. — А это дом доктора. — Они шли по очередной пыльной улице. — Кабинет врача вообще-то находится в здании, где расположена приемная шерифа, но в свободное время он принимает больных и у себя дома.

Мисси скользнула взглядом по дому, на который показывал муж. Ничего особенного, скромный, без притязаний.

— Ну, вот и пришли, — открывая калитку, бодро сказал Вилли.

Мисси осматривалась. Большой, крепкий, ничем не окрашенный бревенчатый дом выглядел таким же унылым, как все в этом городе. Пока они шли через палисадник, Мисси с сожалением наблюдала, как каждая травинка борется за выживание, и вспоминала свой пышный огород, где на грядках всегда было полное изобилие зелени и овощей.

— Боже мой, какие чахлые растения!

— В округе большой недостаток воды, — пояснил Вилли.

На пороге их встретила пухлая миловидная дама.

— А вот и ваша молоденькая жена, — сказала она с улыбкой, быстрым взглядом окинув Мисси. — Она у вас скоро собирается стать матерью. Очень хорошо.

Мисси залилась краской.

— Миссис Тейлорсон, позвольте вам представить мою жену, миссис Ла Хэй, — нарочито церемонно произнес Вилли, стараясь помочь жене справиться с неловкостью. — Мисси, а это миссис Тейлорсон.

Мисси было приятно, что муж представил ее полным именем: она почувствовала себя взрослой женщиной, а не какой-то неуклюжей школьницей.

— Пойдемте, — сказала миссис Тейлорсон, — я покажу вам комнату.

Тяжело дыша, хозяйка поднималась по лестнице на второй этаж. Там она повернула по коридору налево и толкнула незапертую дверь.

В комнате стояла ужасающая духота, единственное окно было плотно закрыто. Беглым взглядом Мисси оценила обстановку: «Миссис Тейлорсон, похоже, не любит никаких безделушек».

— Ваш муж сказал, что у вас есть свое белье, так что я сейчас уберу все с постели. — Подойдя к кровати, на вид довольно удобной, хотя и старой, хозяйка выжидающе посмотрела на свою квартирантку.

— Хорошо, — согласилась Мисси. «Почему бы ей заодно не убрать и выцветшие занавески с окна? — недоумевала молодая женщина. — Это было бы вполне разумно».

— Обычно я не держу постояльцев, — не услышав обращенного к ней пожелания, продолжала свой рассказ миссис Тейлорсон. — Но мне стало жалко вашего мужа. К тому же, по его словам, вы аккуратная и общительная. Ну, я и решила: хорошо, попробую. — Хозяйка еще раз выразительно посмотрела на Мисси и продолжала свой монолог. — Однако когда в доме квартиранты, должны быть и правила для них. Я составила список правил, он висит здесь, на стене. Правило номер три пусть вас не волнует, с вами-то на сей счет все оговорено. А с другими... Вперед ведь не знаешь, как получится, для того и нужны правила. Ну ладно, оставлю вас пока. Пойду гляну, что еще принести в комнату. Да, пожалуй, надо и чай поставить.

Миссис Тейлорсон вышла. Как только за ней закрылась дверь, Вилли первым делом широко распахнул окно. Понимая, что плакать нельзя, Мисси старалась сдержать подступившие слезы и поспешно повернулась к стене, где висел список, озаглавленный: «Двенадцать правил этого дома». Она начала читать.

— Ну вот, ты уже нарушил правило номер один, — как могла строго сказала Мисси.

— А в чем дело?

— А в том. Правило номер один: «Не оставляйте окно открытым, налетит пыль».

— Правило номер два, — указательным пальцем Вилли вел по следующей строчке, — «Не шуметь, громко не разговаривать и не смеяться».

— Третий номер: «Не приглашать в комнату никаких мужчин, за исключением мужа». — Мисси повернулась к Вилли: — По счастью, ты на легальном положении.

Они продолжали читать по очереди.

— «Воду следует использовать по крайней мере дважды, прежде чем вылить. Мы страдаем от нехватки воды».

— «Завтрак в восемь, обед в двенадцать тридцать, ужин в шесть. Из-за язвы желудка

мистера Тейлорсона этот график строгий и неподвижный».

— «Отход ко сну в десять вечера».

— «По воскресеньям квартиранты должны посещать церковь».

— «Плата за квартиру вносится заранее», — прочитал Вилли и добавил: — Об этом я позабочусь.

— «Не просить в долг деньги или вещи».

— «Квартиранты сами следят за своей одеждой и обеспечивают себя всем необходимым».

— «Голову следует мыть в ванной комнате во внутреннем дворике один раз в неделю».

— Номер двенадцать. Что-то тут пусто.

— Похоже, хозяйка иссякла, — прокомментировала Мисси.

— Знаешь, — сказал Вилли, — думаю, я не нарушу ни одного правила, если поцелую тебя. — И он заключил жену в объятия.

Мисси так хотелось разрыдаться на груди у Вилли, когда он ласково прижимал жену к себе, но она лишь прятала от мужа лицо и была рада, что он не сразу освободил ее: у Мисси хватило времени совладать с собой. Наконец она успокоилась и, сделав шаг назад, улыбнулась Вилли:

— Хозяйке и в голову не могло прийти такое вопиющее безобразие, иначе бы мы имели правило номер тринадцать.

Вилли улыбнулся в ответ своей широкой лучезарной улыбкой и еще поцеловал жену.

— Дорогая, нам нужно спуститься вниз, в гостиную.

Вилли рассчитывался с хозяйкой, а у Мисси все переворачивалось внутри, когда из рук мужа в руки миссис Тейлорсон перетекали деньги за три долгих месяца ее заточения. Как она останется без Вилли? Как все это вынесет? Она просто умрет от одиночества.

Миссис Тейлорсон спрятала деньги за вырез платья на своей пышной груди и тепло улыбнулась опечаленной Мисси.

Хозяйка настаивала, чтобы квартирантка переезжала немедленно: целый день уйдет на то, чтобы подобрать все необходимое и устроиться. В правилах ничего, конечно, не говорилось про швейную машинку, но Мисси решила на всякий случай спросить разрешения. К радости молодой женщины, хозяйка не возражала, и Мисси могла поставить машинку в комнате. Будущей матери хотелось не просто коротать время за шитьем, но и приготовить приданое для младенца.

Все обсудили, обговорили, и миссис Тейлорсон объявила, что ждет молодую пару ровно в шесть к ужину. Если же возникнут затруднения и понадобится ее помощь, можно не стесняясь постучать, она будет на кухне.

Вилли подогнал фургон прямо к дому миссис Тейлорсон и вместе с Мисси принялся пересматривать все вещи: что отправлять на ранчо, а что оставить будущей маме. Мисси хотела как можно больше вещей отправить, Вилли же, напротив, старался предельно загрузить ее сумки и коробки, беспокоясь, чтобы жена ни в чем не нуждалась в его отсутствие. В конце концов все споры были решены и нужные Мисси вещи перекочевали в ее комнату наверху дома. Вилли отобрал еще кое-что для себя — на то время, пока он поживет с женой в городе, а затем отвез фургон на окраину и оставил там на попечение Генри.

Ровно в шесть часов супруги Ла Хэй спустились вниз. Найти столовую им не составило труда — поводырем послужил приятный аромат домашней пищи, который привел Вилли и

Мисси в большую комнату, где уже был накрыт стол на четыре персоны.

За столом сидел хозяин с вилкой в руке, которую он вынужден был отложить, как только молодая пара показалась в дверях. Встав из-за стола и сделав физиономию любезной, хозяин поприветствовал своих квартирантов:

— Здравствуйте! Я — Дж. Б. Тейлорсон.

«И к чему эти инициалы — Дж. Б.?» — удивилась Мисси.

— Уильям[D1] Ла Хэй, — представился Вилли. — А это моя жена, Мелисса.

Мисси улыбнулась церемонному «Уильям» мужа и едва не хихикнула.

— Присаживайтесь, — пригласил мистер Тейлорсон. Как-то сразу чувствовалось: ему не терпится приступить к еде.

Вилли придвинул стул жене и собирался тоже сесть, когда в комнату вошла миссис Тейлорсон. В обеих руках она несла тарелки с угощением.

— А вот и вы, — заулыбалась хозяйка. — Я уверяла Бена, что пригласила вас ровно к шести.

«Так, значит, Б. — Бен. Осталось узнать, что прячется за Дж.», — вычисляла Мисси.

Миссис Тейлорсон уселась за стол, и хозяин благословил трапезу, но проделал он это в той же манере, в какой приветствовал квартирантов — рассеянно и наспех. Раз формальности соблюдены, значит, все внимание еде. Предложенные хозяйкой блюда были незамысловатые, но вкусные. Фасоль, картофель и мясо, несмотря на простоту приготовления, после однообразной походной пищи казались почти деликатесами.

Хозяйка не допускала молчания за столом и бойко вела беседу. Ее вопросы следовали один за другим, почти не оставляя времени на ответ, который ее, вероятно, особенно и не интересовал. Будущей маме миссис Тейлорсон дала целый ряд дельных житейских советов: что есть, как вести себя и прочее. Многие из сказанного не лишено было здравого смысла.

Когда с едой было покончено, мистер Тейлорсон откинулся на стуле и вытащил из кармана трубку.

— Бен, курение вредно для миссис Ла Хэй в ее положении, — заворчала миссис Тейлорсон. — Почему бы тебе не выйти на крыльцо?

— Не обращайтесь на меня внимания, — смутилась молодая женщина. — Миссис Тейлорсон, мы вовсе не хотим выпроводить вашего мужа из его собственного дома. Мы с Вилли как раз собирались прогуляться.

Но мистер Тейлорсон уже встал.

— Я с удовольствием покурю на улице, здесь невыносимая жара. — Он сгреб со стола трубку с табаком и направился к двери. — Вы не курите? — обратился хозяин к Вилли.

— Нет, сэр.

— Ну, все равно присоединяйтесь ко мне, если хотите.

Вилли вышел с хозяином на крыльцо, а Мисси начала помогать миссис Тейлорсон убирать со стола.

— Нет, нет, — забеспокоилась хозяйка. — В вашей арендной плате не предусмотрена скидка за помощь по хозяйству.

Мисси запнулась:

— Что вы... Я не думала об этом, просто хотела убрать с вами посуду после ужина.

— Хорошо, хорошо — пожалуйста. Сути дела это не меняет.

Мисси вынесла оставшуюся еду и тарелки на кухню. Было невыносимо жарко. Ей и вправду нужно прогуляться, и она под каким-то предлогом вышла на улицу поискать Вилли.

Первое, что сказал Вилли, когда они остались вдвоем:

— Я рад за тебя, дорогая. Ты попала в хороший дом, здесь о тебе позаботятся в мое отсутствие.

Мисси не терпелось возразить: она прекрасно сама может о себе позаботиться, спасибо, не надо никакой другой заботы. Но понимая, что расставание для Вилли не менее тягостно, чем для нее, и три месяца пребывания в доме Тейлорсонов — необходимость, она прикусила язычок. Мисси твердо решила сделать те немногие дни перед разлукой, что им остались, мирными и радостными.

Глава тринадцатая. Новости

Дни бежали быстро. Вилли занимался сборами в дорогу, Мисси ждала его дома. Как-то в конце недели, когда Мисси сидела за швейной машинкой, в комнату порывисто вошел Вилли.

— Дорогая, у меня потрясающая новость. Догадайся.

— Что бы там ни было, новость самая потрясающая. Я догадалась.

— Это грандиозно! Представь, иду я по улице, недалеко от центра, гляжу — телеграф. Зашел, так, на всякий случай — и что же? Оказывается, всего за несколько центов мы теперь можем послать телеграмму домой. Разве не здорово?

— Как — домой?

— Ну да, прямо твоим родителям доставят телеграмму.

— А что мы им сообщим?

— Просто напишем, что мы живы и здоровы. А может, скажем о нашем ребенке?

— Вилли, неужели? — Глаза Мисси округлились от радостного удивления. — Неужели такое возможно?

— Пойдем быстрее, сама убедишься.

Мисси поспешно пригладила волосы и надела светлую хлопковую шляпку. Вовремя вспомнив одно из правил хозяйки, она плотно закрыла окно — на случай, если миссис Тейлорсон заглянет в комнату в ее отсутствие.

— Аккуратно, будь осторожна. Мы успеем, мы все успеем, — приговаривал Вилли, когда они спускались по ступенькам. И тотчас вернулся к своей потрясающей новости, едва они сошли вниз: — На телеграфе сказали, что можно отправить десять слов.

— О Боже! — заволновалась Мисси. — Как мы скажем все в десяти словах?

Супруги Ла Хэй так торопились, что когда подошли к телеграфу, Мисси задыхалась от быстрой ходьбы. На телеграфе они долго писали текст, одни слова заменяли другими, переставляли, снова заменяли. В конце концов послание было составлено наилучшим образом: «Исаия 41:10 тчк Мисси остается Тетфорд тчк Внука ждите октябре тчк Передайте отцу», и Вилли вручил телеграмму и деньги служащему за стойкой.

Каким утешением для родных будет эта телеграмма! Мисси почувствовала, как сердце ее сжалось от волнения, когда она представила восторг родителей.

— Вилли, а твой отец не рассердится, что телеграмма пришла не ему и он узнал все из вторых рук?

— Наоборот, мой отец, решит, что я последний болван, если я буду швыряться деньгами, посылая две одинаковые телеграммы в один город.

— Когда придет к ним сообщение, как ты думаешь?

— На телеграфе сказали, через пару дней. Только бы ничего не помешало. — Вилли взял жену под руку и направился к выходу из помещения телеграфа. — Дорогая, я отведу тебя домой, а сам вернусь грузить в фургон инструменты и продукты.

— Не нужно меня провожать, я прекрасно дойду сама. Что я, не знаю дорогу? Незачем напрасно тратить время. Кстати, а где Генри?

— В кузнечной мастерской. Генри очень помогает мне, я без него как без рук.

— Его снова приглашали в гости?

— В городе он тут был. А вообще-то я не расспрашивал о его делах.

— Нетрудно догадаться, как у него идут дела, — улыбнулась Мисси.

— Бедный Генри, мне он очень нравится. И вот однажды какая-нибудь хорошенькая барышня, вроде тебя, запустит коготочки в его сердце, и все, парень пропал, — вздохнул Вилли. — Итак, дорогая, встречаемся в шесть.

Мисси шла в свой новый дом. Стояла удушающая жара, но от сознания, что ныне ее с родителями связывает пусть тоненькая, но живая и прочная ниточка, на душе было легко. Она снова представила родных, как они получают телеграмму, как сразу приостанавливают все дела и молятся за своих детей и еще не родившегося малыша. Чувство и радости и тихой грусти нахлынуло на молодую женщину.

Придя в свою комнату, Мисси широко распахнула окно и легла на кровать. Садиться за швейную машинку больше не хотелось.

Еще немного, и обоз отправится на юг. Вилли поедет на свое ранчо. Как бы она радовалась, если бы была рядом с мужем! Нелепая мысль спрятаться в фургоне и поехать тайком вдруг пришла Мисси в голову. Но, конечно, как только Вилли обнаружит ее, сразу отправит назад. Выхода нет. Вилли уедет, а она останется.

«Боже, помоги мне! Мне так нужна Твоя помощь именно сейчас». Слезы потекли по лицу молодой женщины. И тут Мисси услышала тяжелые шаги по лестнице. Она вскочила и быстро закрыла окно.

— Мисси, к вам гости, — громко сказала хозяйка. — Это дамы, я провела их в гостиную.

Мисси быстро спустилась вниз. Кэти Вайсс и Мелинда Эмори радостно, с объятиями и поцелуями, поднялись ей навстречу.

— Генри объяснил нам, где тебя найти, — сказала Кэти.

— Я очень рада, что вы пришли. А то лежу в комнате, грущу — мне так жалко себя бывает.

— У тебя есть причины для грусти, и мне бы на твоём месте было нелегко. — Мелинда сочувственно пожала руку Мисси и тихо добавила, поймав на себе полный сострадания взгляд молодой женщины: — По правде говоря, я сама не знаю, как я все это вынесла. — В глазах Мелинды застыли слезы.

«Я-то расстаюсь с мужем не навсегда, — подумала Мисси, — через несколько месяцев мы снова будем вместе. А у Мелинды случилось в жизни большое горе». И молодая женщина постаралась увести разговор от больной темы.

— Я пытаюсь спорить с Вилли, настаиваю, чтобы он взял меня с собой, но муж неумолим. Он стал совсем как сумасшедший... Ну, после случая с Бекки.

— И Вилли прав, — сказала Кэти, — я понимаю его чувства. Всякое бывает. Но ему наверняка тоже очень тяжело.

— Конечно, и он переживает, — вставила Мелинда, — однако мужчины в таких ситуациях более разумны. Нам, женщинам, все невыносимо, мы излишне сентиментальны, чтобы быть практичными.

— Видимо, — согласилась Мисси. — Значит, получается, что я лишь создаю сложности для мужа.

— Я думаю, он был готов к твоим слезам. Вряд ли Вилли удивился, что ты не хочешь оставаться без него в городе, — успокаивала подругу Кэти.

— Ты уже все устроила? — решила отвлечь молодую женщину Мелинда.

— Да, похоже, — с воодушевлением ответила Мисси. — Я оставила себе как можно

меньше вещей, чтобы потом легче было. Взяла вот швейную машинку — будет чем занять время, да и для малыша все хочу приготовить. И вообще я люблю шить.

— Я тоже, у меня была машинка. — Голос Мелинды зазвенел было радостью, но тотчас дрогнул, и неловкая пауза приостановила разговор. В памяти трех подруг опять с неизбежностью всплыло трагическое происшествие на реке.

— Если хочешь, приходи ко мне в любое время, будем шить вместе, — решила нарушить молчание Мисси.

— Можно? — робко переспросила Мелинда.

— Конечно, я же не собираюсь шить каждый день с утра до вечера целых три месяца.

— Большое спасибо, миссис Ла Хэй, я очень ценю вашу доброту, — улыбнулась Мелинда.

— Пожалуйста, зови меня просто Мисси.

— Меня тоже можно называть моим коротким именем.

— Мелинда подходит тебе. Мне нравится, — в подтверждение своих слов Мисси кивнула и продолжала: — Я слышала, ты нашла работу.

— Да, верно.

— Тяжелую?

— Похоже. Но у меня будут деньги. И потом, ведь ненадолго — до открытия школы. А с моей зарплатой и твоей швейной машинкой я смогу начать учебный год в модной одежде, — гордо объявила Мелинда.

— Я тоже была учительницей до замужества.

— Да-а? — Лицо Мелинды вытянулось от удивления. — Ну, тебя, конечно, любили дети.

— Надеюсь. В любом случае, мне нравилось работать, и я скучаю по своим ученикам.

— Я тоже хочу иметь какую-нибудь профессию, — включилась в разговор Кэти. — Мне бы сейчас подыскать работу, чтобы помочь отцу, пока он не открыл кузнечную мастерскую. Но что я могу найти, если у меня нет специального образования? Да и отец не хочет слышать о том, чтобы я пошла работать.

— Подожди, скоро твой отец наладит свое дело, и тогда все у вас устроится.

— Спасибо, — улыбнулась Мелинде Кэти. — Я тоже в это верю. Правда, и меня бы хватило на большее, чем просто содержать дом.

— Ты любишь шить? — поинтересовалась Мисси.

— Честно говоря, не знаю. Я никогда не пробовала.

— Так давай я тебя научу. Моя машинка благодаря Мелинде, тебе и мне будет жужжать не переставая.

Все три «портнихи» весело рассмеялись; было очевидно, что и Мисси, и Кэти, и Мелинду поддерживает одна мысль: они смогут много времени проводить вместе.

— Согласна! — звонко сказала Кэти.

За разговором подруги не услышали шагов миссис Тейлорсон, которая уже стояла за дверью.

— Я, барышни, принесла вам чаю, — сказала она, входя в комнату с подносом. — Всех, кто приходит в мой дом, я считаю своими гостями. А гостей должно попотчевать.

— Вы такая добрая, миссис Тейлорсон! — воскликнула Мисси, польщенная вниманием хозяйки. Она представила своих подруг и попросила разрешения приглашать их часто.

Хозяйка оказалась на удивление довольна таким поворотом дела. «А миссис Тейлорсон,

похоже, недостает женского общества, ей просто-напросто не с кем поболтать, — посетила Мисси мгновенная догадка, — вот она и рада принять гостей».

Чай пили с печеньем. Болтали обо всем на свете, и хозяйка с очевидным удовольствием присоединилась к беседе. Когда же молодые женщины собрались домой, миссис Тейлорсон горячо приглашала их приходить снова. «Без всяких церемоний, в любое время», — подчеркивала хозяйка.

Кэти и Мелинда взяли с Мисси обещание навестить их.

Проводив подруг, Мисси поднялась к себе в комнату. Настроение улучшилось. День ее складывался хорошо: сначала телеграмма родным, затем посещение подруг как заверение, что она не останется одна после отъезда мужа, — все это знаки истинной заботы Отца Небесного. От ясного ощущения присутствия Господа в ее жизни теплая волна радости и счастья залила душу Мисси.

Однако едва она закрыла дверь комнаты, как тяжелые мысли о неизбежном отъезде мужа снова навалились на Мисси. «Как я проживу эти три месяца без Вилли?» — в который уж раз заныло сердце бедной женщины.

Мисси подошла к окну. За окном унылый, безрадостный вид. Чтобы не пасть духом, Мисси старалась воскресить в себе уже изведенное знание о заботе Отца Небесного и Его присутствии в каждом человеке.

Из задумчивости молодую женщину вывел шум шагов. В комнату вошел Вилли со странной грудой брезента и положил ее на пол.

— Что это? — удивилась Мисси.

— Снаряжение ковбоя. Мне это очень нужно, — уточнил Вилли.

— Снаряжение?

— Ну да. Снаряжение для верховой езды, я ведь буду работать на пастбище.

— Ты собираешься ехать в этом?

— Конечно. Может, такое одеяние выглядит немного странно, зато оно лучший друг ковбоя.

— Как ты думаешь использовать это? — Мисси не решалась перейти на более конкретное слово.

— Смотри, — Вилли поднял кусок брезента, — это гетры ковбоя. Их надевают поверх брюк, вот так. Плотный брезент защищает наездника от непогоды, шипов кактусов и других возможных неприятностей. Тебе тоже надо будет купить такое.

Мисси засмеялась и, показывая на кусок красной ткани, спросила:

— А это что?

— Шейный платок. Его свободно повязывают вокруг шеи. Вот так. — Вилли, с удовольствием демонстрируя ценное приобретение, обмотал платком шею. — Когда ты скачешь на лошади, мошка и пыль попадают в нос, в рот, забивают все, и становится трудно дышать. Тут и пригодится этот платок, гляди, натягиваешь его на нос, во-от так... Что ты смеешься, Мисси?

— Я думала, это маскировочный платок для ограбления банка.

— Вероятно, некоторым он именно такую службу и сослужил. Я вспомню твои слова, когда соберусь грабить банк. — Вилли подмигнул жене.

Мисси не без настороженности рассматривала странное одеяние мужа. Теперь нужно еще привыкнуть к этим брезентовым штанам. Она представила себя в подобном снаряжении и улыбнулась.

— Думаю, я-то пока обойдусь. Сладить с дождем и кактусами можно и без этого.

Глава четырнадцатая. Воскресенье

Утром в воскресенье Вилли и Мисси отправились в церковь, шпиль которой они видели накануне. Здание церкви снаружи казалось бедным и неухоженным, но внутри они нашли чисто подметенный деревянный пол и тщательно протертые скамейки; кто-то заботился об этом простом помещении.

Генри, мистер Вайсс, Кэти с Мелиндой Эмори и супруги Ла Хэй оказались значительным прибавлением к небольшой пастве. Отнеслись к ним дружелюбно, и в начале службы вновь пришедших поприветствовал пастор. Поначалу он показался Мисси рано состарившимся, очень усталым человеком, но когда началась проповедь, огонь страсти появился в голосе пастора, лицо ожило от сильного душевного волнения — его вдохновляла истина, которую он проповедовал прихожанам. Мисси переполняли благостные чувства: снова находиться в настоящей церкви и слышать проникновенную проповедь! Конечно, она была рада и той скромной службе, которую они проводили на стоянках обоза по воскресеньям, но Мисси скучала по Слову Божьему, исходившему из уст пастора в стенах храма.

После проповеди, прощаясь в дверях, пастор пожал каждому вновь пришедшему руку и приглашал приходить чаще.

— К сожалению, в следующее воскресенье меня уже здесь не будет, я уезжаю, — сказал Вилли. — А жена моя придет обязательно. Она остается в городе на три месяца.

— Вам всегда будут рады в церкви, — обратился пожилой священник к Мисси с теплотой в голосе. — Мы с женой с удовольствием приглашаем вас и к себе домой, приходите за дружеской поддержкой.

Мисси поблагодарила великодушного человека за щедрость и вышла на улицу, где стояла удушающая жара.

— Какие у тебя планы на сегодня? — спросил Вилли. Они не спеша шли по пыльной дороге к дому.

— Мне бы хотелось, — вздохнула Мисси, — прогуляться в прохладной тени деревьев, устроить пикник на берегу какой-нибудь речки или просто полежать на травке возле воды и послушать журчание ручейка.

— Прощу тебя, Мисси... — Вилли посмотрел на жену взглядом, исполненным мольбы и страдания.

— Извини, — поспешно прошептала Мисси. Она вся сжалась в комок, стараясь придумать, что бы могло доставить радость в этом сером, скучном, унылом городе. — Давай сходим в гости к Вайссам, — неожиданно предложила молодая женщина.

— Отличная идея, — с энтузиазмом подхватил муж, довольный, что Мисси наконец реально посмотрела на жизнь. — Надеюсь, Генри не будет считать, что я шпионю за ним. — И Вилли, засмеявшись, взял жену под руку.

В доме у Вайссов было уютно и хорошо. Кэти, выступая в роли хозяйки, угощала гостей холодным чаем; день стоял слишком жаркий для горячих напитков. Супругов Ла Хэй приняли так тепло и радушно, что Мисси скоро забыла, о чем тосковала, — настроение поднялось и без зеленой травы и журчания ручейка. Генри тоже был в гостях и, кажется, без тени неловкости встретил в гостиной у Вайссов своих хозяев. Здесь же была Мелинда Эмори. Так что сложилась веселая молодая компания, и время пролетело незаметно. Мисси

спохватилась, лишь когда Кэти пригласила всех остаться на ужин.

— Ох! Ровно в шесть нас ждет к ужину миссис Тейлорсон.

— А может, я схожу к вашей хозяйке и предупрежу, что вы не придете?

— Да удобно ли это?

— Пожалуйста, останьтесь, — упрасивала Кэти, — ведь в следующее воскресенье Вилли и Генри уедут.

— Прямо не знаю, что и делать, — растерялась Мисси. — Что подумает миссис Тейлорсон?.. Ну, ладно, остаемся. Хозяйка, может, еще не начинала готовить и не станет возражать, если мы сегодня пропустим ужин.

Пока Кэти с подругами хлопотали над пирогами, Вилли и Генри пошли предупредить миссис Тейлорсон. Хозяйка возражать не стала, напротив, у Вилли сложилось впечатление, что она даже рада такому повороту дела.

— Ее можно понять, — согласился Вилли, — вечер очень душный и провести его на кухне немолодой женщине, конечно, утомительно.

На ужин у Кэти были жареный цыпленок с подливкой и горячая выпечка, пальчики оближешь. А после ужина решили все вместе попеть.

— Вспомним наши вечера у костра! — радостно хлопнула в ладоши Кэти.

Генри тотчас пошел за гитарой, а мистер Вайсс начал настраивать скрипку. И скоро зазвучали песни о любви, народные песни, церковные гимны — все то, что сопровождало в пути их вечера у костра. Генри и мистер Вайсс с огоньком играли танцевальные мелодии.

Был довольно поздний вечер, когда Вилли и Мисси, взявшись за руки, возвращались домой по уже знакомым улочкам.

— Боюсь, мы нарушили шестое правило списка, — улыбаясь, сказала молодая женщина.

— А что там?

— Ложиться спать в десять часов, — ответила Мисси нарочито строгим голосом и расхохоталась. Но тут же опомнилась и, присмирив, тихонько добавила: — Надо быть осмотрительными, а то мы нарушим еще одно правило.

— И какое же?

— Не смеяться и громко не разговаривать, — подражая низкому хриловатому голосу хозяйки, проговорила Мисси.

— Ах, ты мой цыпленочек, — Вилли обнял жену за талию и притянул к себе. — Ты, оказывается, выучила все правила наизусть.

— Я слишком часто их читаю.

— Пожалуй, тебе надо подобрать что-нибудь более интересное для чтения. Я поговорю с пастором, может, он что-то посоветует или даже даст тебе книгу из своей домашней библиотеки.

— Вилли, довольно хлопотать обо мне. У меня хватает дел. Я буду шить, давать уроки шитья, учиться играть на пианино. Я купила много пряжи для вязанья.

— Ну, вот и замечательно, — успокоился Вилли.

В среду вечером Вилли пришел с известием, которого Мисси боялась пуще всего на свете: продовольственный обоз загружен и отправляется завтра утром. Ради жены Вилли старался держать себя хладнокровно, Мисси же, чтобы не разрыдаться, весь вечер кусала губы, особенно за ужином с хозяевами. Оба они хорошо понимали, что вынуждены сейчас надеть маску, под которой скрывают свои переживания. Сразу после ужина муж и жена ушли к себе в комнату. Вилли собрал в дорогу вещи, что не заняло много времени, и

наступили тягостные минуты расставания.

— Странно, — проговорила Мисси, стоя у окна и разглядывая унылую улицу, — каждая минута жизни так коротка и так ценна, но иногда не знаешь, как распорядиться временем.

— Скажи мне еще раз: у тебя есть все, что нужно? — Вилли подошел к жене и нежно обнял ее.

— Конечно, дорогой, не волнуйся, все в порядке.

— Я на всякий случай оставлю деньги.

— Зачем, Вилли? Вряд ли мне понадобятся деньги.

— Может, тебе потом захочется что-нибудь купить. И в церкви нужны будут для пожертвований.

Мисси молча кивнула и отошла от окна. Она присела на стул возле кровати, Вилли устроился рядом, на краешек кровати. Озабоченность за жену, которую он оставляет одну в городе, не покидала его.

— Дорогая, ты ведь помнишь: Кэти и Мелинда всегда помогут тебе в трудную минуту.

— Да, они очень симпатичные, я рада, что они будут приходить ко мне.

— Пусть приходят почаще.

— Мелинда скоро начнет работать, но сказала, что каждый вечер будет шить у меня наряды.

— Ну, а Кэти свободна и может зайти вообще в любое время.

— Да, зайдет. Кэти очень хочет сшить оконные занавески для кухни.

— И ты можешь навещать их. Еще нанеси как-нибудь визит пастору и его жене, они, по моему, очень милые люди. Но, Мисси, прошу тебя, не задерживайся в гостях до темноты.

— Хорошо, дорогой, все сделаю, как ты говоришь.

— Будь очень осторожна.

— Кто должен быть осторожен, так это ты, Вилли. Ты! — Мисси чуть не заплакала, ком опять подступил ей к горлу. — Я, упрятанная в этом городе, нахожусь в безопасности, здесь разве что соринка попадет мне в глаз. А ты отправляешься в дальнюю дорогу — и беспокоишься за меня.

— А со мной ничего не случится, не нужно волноваться. — Вилли ласково гладил жену по волосам. — Мы едем на юг с торговым обозом, на ранчо со мной будет Генри. Так что все в порядке.

— У тебя все в порядке, у меня все в порядке, — только обоих нас гложет и гложет тревога.

— Дорогая, если бы был другой выход...

— Да, конечно, — поспешно прервала мужа Мисси.

Вилли долго молчал, он никак не мог решиться сказать жене и самые трудные и самые важные сейчас слова. Наконец собрался с духом.

— Мисси, обоз отправляется завтра ранним утром. Я не хочу будить тебя, давай попрощаемся сегодня. — Вилли подошел к жене, обнял ее и прижал к себе. — Я люблю тебя, Мисси. Я всегда любил тебя, с тех самых пор, как мы были еще школьниками.

— Помнишь, как ты окунал мои бантики на косичках в чернильницу? — Мисси улыбалась сквозь слезы.

— И всюду вырезал наши инициалы...

— А как поймал кузнечика и положил мне в пакет с завтраком?

— Да. И как сказал этому молокососу Тоду Кальве, что побью его, если он не оставит

мою девочку в покое. И как помогал тебе закрывать разбухшие оконные рамы в классе. И как молился каждый Божий день, чтобы Господь пробудил твое сердце любовью ко мне.

— Ты молился? — Мисси слегка отстранилась, чтобы взглянуть в лицо мужа.

— Да, каждый день.

— О, Вилли, — снова зарыдала жена, — я так буду скучать по тебе. Мне страшно даже подумать.

Проснувшись утром и сев на кровати, Мисси увидела, что она в комнате одна. Вилли нет и нет его вещей. Тоскливая пустота заполонила душу молодой женщины. Мисси не могла бы и близко выразить словами, как ей одиноко. Она снова откинулась на подушку и горько зарыдала. «Как я проживу без него столько времени? Я уже страшно скучаю». Вчера Мисси решила проснуться наутро рано, до ухода Вилли, чтобы он еще хоть разочек обнял ее, поцеловал, и сейчас сердилась на себя, что проспала. Но, пожалуй, утреннее прощание лишь сильнее обострило бы предстоящую разлуку. «Если б я сейчас была дома, с родителями! Они бы успокоили меня. Мама и папа, конечно, поняли бы, как я страдаю».

Родители Мисси пережили очень большое горе и прошли через горнило чудовищных страданий. Но они вынесли все, и Мисси тоже должна справиться. К тому же ее теперешние переживания даже сравнивать нельзя с тем, что уготовила судьба ее родителям. Разлука с Вилли не бесконечна, муж скоро вернется, и ожидание, возможно, даже не будет долгим.

Мисси заставила себя вылезти из кровати и умыться. Зачерпывая пригоршнями воду, она вдруг остановилась, вспоминая: «В который раз я использую эту порцию? Нужно ее оставить еще или можно будет налить свежей воды?» И здесь взгляд молодой женщины упал на список правил миссис Тейлорсон. Под номером двенадцать, где ранее было пустое место, уже что-то значилось. Судя по всему, хозяйка приписала еще одно наставление. Мисси подошла поближе, намереваясь прочесть новое указание — и узнала руку мужа: «Помни всегда — я люблю тебя. Я люблю вас обоих».

— Вилли, мой хороший. — И снова слезы ручьем потекли по ее только что вымытым щекам.

Пришлось мыть лицо еще раз, не спускаться же к завтраку заплаканной. Теперь у Мисси было полное право налить свежей воды.

Глава пятнадцатая. Неожиданная радость

Мисси вынуждена была смириться с мыслью, что в этом городе ей придется жить без мужа долго, и решила не тратить времени напрасно. Она составила список того, что должна сделать, и того, что ей хочется сделать; ни та, ни другая колонка не получилась слишком длинной. Чем же занять себя в этом унылом месте? Мисси отложила в сторону лист и подошла к швейной машинке.

Вытащив все купленные в Липтоне куски ткани, она принялась размышлять, что же можно сшить. Потом достала пряжу и села обдумывать, какие вещи вязать спицами, а какие — крючком. Теперь надо записать, сколько у нее получается визитов к подругам и сколько ответных визитов подруг к ней: раз в неделю она идет к Кэти, раз — к Мелинде, и по крайней мере по разу каждая из них приходит к Мисси шить на швейной машинке.

Еще на одном листе Мисси записала все предполагаемые дела на неделю и напротив каждого поставила дату исполнения. Занятий, если хорошо подумать, не так уж и мало: шитье на машинке, уроки шитья для подруг, вязанье, стирка, чтение, визиты к подругам и посещение магазинов. Над последним пунктом Мисси задумалась. Зачем ей магазины? Но тут же решила, что лишняя прогулка по городу не повредит. Она включила в список и уроки игры на пианино — заодно подучится за три месяца, — и все равно на листе осталось много свободного места. Мисси не представляла, каким образом заполнить всю неделю.

Молодая женщина меняла дела в списке местами, увеличивала часы занятий, но, несмотря на все фокусы, лист оставался полупустым. В конце концов Мисси здесь и там решительно дописала: «свободное время» — порассуждав сама с собой и придя к разумному выводу, что свободное время никого ни к чему не обязывает, и даже наоборот. «Кстати, Вилли был, пожалуй, прав; стоит нанести визит пастору и его жене и попросить у них что-нибудь почитать. И сделать это нужно как раз в свободное время».

Составленное только что расписание предлагало Мисси садиться шить на машинке. Что ж, она начнет с маленького одеяльца. Дело было несложное, однако Мисси никак не могла сосредоточиться и скоро отложила шитье в сторону. Надо попробовать какое-нибудь другое занятие. Она взяла Библию и открыла наугад на первой попавшейся странице. Не читалось. Рассеянно Мисси смотрела на расплывавшиеся строчки. «В голове ничего не укладывается», — подвела она нехитрый итог и перешла на вязанье носка.

Мисси не сделала и нескольких петель, как раздался голос хозяйки у дверей комнаты:
— Мисс, к вам гостья.

«Опять это “мисс”», — надулась молодая женщина. Хозяйка упорно называла ее «мисс», как будто она все еще была девчонкой, а не замужней дамой. Мисси быстро пригладила волосы и спустилась вниз.

В гостиной ее ждала Кэти Вайсс. Вот славно! Подруга пришла как раз в тот момент, когда у Мисси все валится из рук и ей так одиноко.

— Кэти, ты пришла шить занавески? — поздоровавшись, приветливо спросила Мисси.

— Боже мой, нет, конечно. У меня сегодня странный день: ни на чем не могу сосредоточиться. Наверное, нужно пройтись, и я подумала: а вдруг ты тоже хочешь прогуляться?

— У тебя светлая голова. Подожди, я надену шляпку.

Подруги побродили по улицам. Весело болтая, они останавливались у витрин

магазинов, иногда, чем-нибудь заинтересованные, заходили внутрь лавочек, но так ничего и не купили. Домой Мисси вернулась в хорошем настроении, а Кэти обещала прийти вечером на первый урок шитья на машинке.

После обеда Мисси уселась делать свой календарь — по листочку на каждый из оставшихся дней трехмесячной разлуки с мужем. На первом листке она написала крупно: «второе августа» и имя мужа. Пронумеровав остальные листочки, Мисси обвела кружком «двадцать пятое октября» — по ее подсчетам, это была приблизительная дата рождения ребенка. Между вторым августа и двадцать пятым октября получилось так много недель, а в них дней, а в них часов. Но Мисси намеревалась безжалостно вычеркивать день за днем с сознанием, что встреча приближается.

В комнате было ужасно жарко. Мисси чувствовала, что она устала душевно и физически, пора было отдохнуть. Она сняла ботинки и легла на кровать.

Мысли вновь обратились к мужу. «Вилли все сделал правильно. К тому времени, когда он вернется за мной и малышом, наш дом уже будет готов. Мне не придется жить в тесном старом фургоне, я смогу сразу въехать в настоящий дом. Подумать только — наш собственный дом! Я повешу на окна занавески, которые подарила мама, расстелю уютные коврики, покрою кровать лоскутным одеялом, расставлю посуду в буфете. Швейной машинке найдем место у окна, а бочонки, горшки и прочую всякую утварь — все, что нужно в доме, разместим в кладовках». Радужные планы усыпили в молодой женщине тоску одиночества, и она крепко уснула.

Как и обещала, вечером пришла Кэти учиться шить. Она никогда раньше не садилась за ножную машинку, с которой вообще-то не так просто сладить: надо иметь навык работы с педалью. Но Кэти оказалась способной ученицей и вскоре уже строчила на машинке свои занавески.

Так первый день и кончился. Мисси дождалась приятного момента — вычеркнуть его в своем календаре и перед сном привычно преклонила колени.

Где-то там, в темной ночи Вилли тоже вспоминает ее в своих молитвах. Значит, она не одна, мыслями муж с нею. И Мисси стало легко на душе.

Дни тянулись, похожие один на другой, но всякий заканчивался для молодой женщины радостно: словно генерал, празднующий победу после битвы, Мисси вычеркивала в календаре прожитое число.

Прошли без Вилли первое воскресенье, первый банный день, первые уроки музыки. Как-то днем она играла на пианино, и услышала звавший ее снизу голос миссис Тейлорсон: — Мисс, вам принесли телеграмму.

Мисси шла к двери на ватных ногах: что могло случиться? Ее сердце глухо стучало: «Вилли! Вилли!» Схватив телеграмму, она пробежала глазами несколько строк на листке: «Сообщение получили тчк Молимся Господу тчк Счастливы и ждем нетерпением малыша тчк Исаия».

— Мама и папа! — воскликнула Мисси и пояснила вопросительно смотревшей на нее хозяйке: — Это из дома. Ответная телеграмма от моих родных.

Миссис Тейлорсон улыбнулась, кивнув. Мисси тоже одарила хозяйку лучезарной улыбкой и поспешила к себе в комнату. Закрыв дверь, молодая женщина прижала к груди бесценный листок и, опустившись на колени, начала молиться. Счастливые слезы стояли в ее глазах.

— Дорогие мои мама и папа, я так скучаю. И так люблю вас.

Мисси пришила телеграмму с радостной вестью на стену, возле своего любимого наставления номер двенадцать. Она будет все время читать эти строчки и вспоминать оставшихся дома родных.

По-прежнему однообразной чередой шли дни, и Мисси вычеркивала их из календаря один за другим. Дни исчезали — а кипа сшитых и связанных вещей росла. Часто приходила Кэти, которая преуспела в обучении и вскоре шила уже не одни занавески и передники, но и модные платья. По вечерам на минутку забегала Мелинда; слабенькая от природы, она очень уставала на работе и не могла долго задерживаться в гостях. Мелинде удалось выкроить кое-что из своей маленькой зарплаты и купить материала для трех восхитительных платьев. Будет в чем ходить на работу в школу. Между тем в сентябре школа открылась, и Мелинда приступила к работе учительницей.

Дважды Мисси побывала в гостях у пастора и его жены и очень приятно провела у них время. Кроме того, по просьбе молодой женщины ей дали несколько книг из домашней библиотеки священника. Пастор с женой, в свою очередь, наносили ответные визиты Мисси, чем приводили в восторг миссис Тейлорсон. Шутка ли сказать: она принимает у себя настоящего пастора!

Как-то вечером, уже в халате и с расчесанными перед сном волосами, Мисси задумчиво смотрела на странички своего календаря. Было восьмое сентября.

— Со второго августа прошло больше месяца, — прошептала она. — Не половина срока, конечно, но почти, почти...

Размашистым движением Мисси перечеркнула очередное число и, преклонив колени, приступила к молитве. Неожиданно ей послышался легкий стук в дверь. Шагов по лестнице вроде не было. Кто это в столь поздний час?

Дверь открылась — на пороге стоял Вилли. Замерев от удивления, Мисси не поднималась с колен и пыталась поверить своим глазам.

— Господи, неужели это ты, Вилли? — проговорила она наконец, задыхаясь от волнения, и бросилась в объятия мужа. Он осыпал ее лицо поцелуями, гладил по длинным распущенным волосам. Мисси, прижавшись к мужу, и плакала и смеялась.

— Я не мог больше без тебя, — срывающимся от волнения голосом сказал Вилли.

— Ты приехал за мной?

— Нет, дорогая, — поспешил ответить Вилли. — Просто мне было необходимо увидеть тебя. Я так извелся за это время, что Генри не выдержал моих мучений и предложил: «Почему бы тебе не съездить в Тетфорд? Все равно от такого тебя здесь пользы мало». Вот я и поехал.

— А где Генри?

— Я оставил его делать загон для скота.

— Не знаю, как это ты поехал без Генри... Он, должно быть, тоже скучает, — улыбнулась Мисси.

— Конечно. Он послал со мной пару писем, вернее, три. Одно письмо тебе.

— Ах, Генри, ах, плутишка! А кому же он написал другие два?

— Кэти и Мелинде.

— Понятно, он просто пишет всем своим друзьям.

— Дорогая, я хочу услышать про тебя. — Вилли поднял к себе лицо жены и долгим взглядом посмотрел ей в глаза. — Как ты тут без меня?

— Ужасно тоскую.

— Я тоже, милая моя, хорошая, — говорил Вилли, не переставая целовать жену, — очень страдаю от разлуки.

— На сколько ты приехал?

— Послезавтра надо возвращаться.

— Всего один день, — губы Мисси опять задрожали.

Вилли опустил голову.

— Дорогая, я вообще не имел права приезжать, так много всего нужно переделать до зимы, но... Я просто не мог не повидать тебя.

— Где ты там живешь?

— Во временном домике. Так все поступают — ставят сначала временное жилище, а потом уже настоящий дом.

— Вилли, а скотину ты купил?

— Да, несколько голов. Пока нельзя покупать больше — нет еще ни построек для скота, ни пастухов.

— А сколько тебе надо людей для присмотра за животными?

— Для начала человека четыре, может, пять.

— Вилли, мне придется готовить для шести или даже семи мужчин? — Мисси настороженно смотрела на мужа.

— Что ты, глупенькая, — засмеялся Вилли. — Это будет делать повар в отдельной кухне.

— Так тебе еще надо строить кухню?

— Половина кухни уже готова, к осени должны закончить.

Мисси взяла мужа за руку, и они сели на краешек кровати.

— Подумать только, как много нужно людей, чтобы управляться на ранчо! — удивилась Мисси.

— Вообще-то нужно гораздо больше, но уж пока сколько есть.

— Ой! Скажи на милость, что все они будут делать на одном ранчо?

— Прежде всего ковбои должны пасти скот в несколько смен. Всегда кому-то нужно присматривать за стадом, чтобы чего не случилось.

— А что может случиться? Ты думаешь, могут напасть дикие животные?

— Бывает, что и дикие животные подходят к стаду. Но это не самое страшное. Намного более опасны двуногие животные, — ухмыльнулся Вилли.

— О ком это ты?

— О дельцах, занимающихся кражей и клеймением чужого скота.

— Неужели такое бывает?

— Еще как бывает. Не одному хозяину ранчо пришлось из-за подобных дельцов бросить землю и уехать.

— Ужас! — Мисси, округлив глаза, осмысляла неожиданную для нее информацию. — Работники на ранчо должны иметь оружие.

— Оно у всех есть.

— Тогда прикажи им носить оружие при себе.

— Там никому не нужно приказывать, все, кто работает на ранчо, привыкли, чтобы к седлу был пристегнут пистолет.

— Но... Но они же могут убить кого-нибудь? — с трудом выговорила Мисси.

— Мои люди не будут никого убивать, даже если под угрозой окажется целое стадо.

— Неужели такое бывает? Я о грабителях — неужели они могут забрать все стадо?

— Ну, обычно они уводят по нескольку голов за раз, берут отбившихся животных. И так постепенно стадо уменьшается, особенно, если за ним плохо смотрят.

— Вилли, что же нам делать? — Мисси не на шутку разволновалась.

— Во-первых, не надо заранее нервничать, — мягко сказал Вилли. — А во-вторых, мы найдем людей и надежно защитим свое стадо.

— Но, дорогой, эти люди будут выполнять для нас большую работу. Разве ты сможешь им платить?

— О, на этот счет не беспокойся. Дел много у хозяина ранчо, но не у ковбоя. У ковбоя нет проблем. Это непритязательный люд; постель, питание да немного денег на табак и кое-какие мелочи — вот все, что им требуется. И представь, некоторые умудряются даже скопить небольшой капитал. Что касается зарплаты, то я заложил ее в смету. Когда мы начнем продавать скот, который сами вырастим, денег хватит и на зарплату ковбоям.

Мисси уже не первый раз с гордостью отметила, какой у нее предприимчивый муж, с таким ничего не страшно.

— Вилли, ковбои лишь пасут скот?

— Ну нет, конечно. Ковбои приучают лошадей к поводьям, оборудуют загоны для скота, следят, чтобы животные были здоровы и не пострадали от укусов змей. Они находят для коров и лошадей хорошие пастбища с водоемом поблизости. В грозу животных нужно укрывать. Однако все же главная забота ковбоев — чтобы коровы паслись в стаде и не разбредались по холмам, иначе они легко станут добычей диких зверей или двуногих грабителей.

— Похоже, у ковбоев немало работы, — рассудила Мисси.

— Может быть, и так, — со знанием дела заключил Вилли. — Но большинство из них не променяют свое ремесло ни на какое другое.

— Ладно, дорогой, хватит о ковбоях. Давай поговорим хоть немного о нас с тобой.

— Выглядишь отлично, — с готовностью отозвался Вилли. — А как самочувствие? Все в порядке?

— Ой, Вилли, совсем забыла. Посмотри. — Мисси вскочила и подбежала к стене, где она прикрепила листок. — Мама и папа получили нашу телеграмму и прислали ответную.

Держа в руках телеграмму от родных, Вилли радостно улыбался.

— Читаешь это — и кажется, что они где-то рядом, правда?

Мисси кивнула.

— Между прочим, моя поездка сюда тоже дала мне другое представление о расстоянии до города. В фургоне трястись неделю, а верхом я уложился в три с половиной дня.

— Да что ты? — Мисси с озадаченным лицом обдумывала слова мужа и в конце концов согласилась: — Три с половиной дня — это и в самом деле не так уж далеко.

Вилли провел с женой две ночи и день. Ранним утром, когда краешек солнца показался над горизонтом, он был уже верхом на лошади и отправился в обратный путь.

«Как я сегодня перенесу разлуку? — гадала Мисси. — Опять на меня навалится тоска одиночества?» Но на сей раз все прошло легче. А вечером, ложась спать, Мисси обнаружила, что, пока муж был с ней, она совсем забыла о календаре и сейчас могла перечеркнуть два дня сразу.

С самого утра Мисси ощущала какое-то тревожное беспокойство. Книга, которую она начала читать, закрытая лежала на подушке. Все, что она хотела сшить, было сшито и

аккуратно сложено стопкой. Мисси не собиралась больше покупать ткань и шить вещи, без которых можно обойтись. Пряжа для вязанья закончилась, но молодой женщине совсем не хотелось идти в магазин за новыми мотками, хотя, конечно, еще можно связать кое-что полезное. Вилли, например, никогда не помешает лишняя пара шерстяных носков. «Подожду, пожалуй, более значительного повода для похода в магазин. Может, Кэти придет... — Мисси поморщилась. — Нет, не лежит у меня сегодня сердце к прогулкам». Вялая, бездеятельная, раздражительная, Мисси ходила по комнате взад и вперед. «Может, я просто устала?» — гадала она.

Наступило время обеда. Есть не хотелось. Ровно в половине первого Мисси спустилась вниз и попросила миссис Тейлорсон извинить ее: она не будет обедать, у нее нет аппетита.

Вернувшись в комнату, Мисси снова прилегла на кровать, и тут почувствовала ноющую боль внизу живота. К счастью, боль скоро прошла. Мисси закрыла глаза и попыталась уснуть. Сон не шел к ней. Молодую женщину бросило в жар — это еще одна явно родовая схватка сжала мышцы. Когда боль прошла, Мисси села на кровати и покосилась на самодельный календарь, висевший на стене. «Неужели?.. — Она была в смятении, ее чувства разрывались между восторгом и ужасом. — Но ведь сегодня только десятое октября. Ты еще не должен родиться, малыш».

Но очень скоро Мисси поняла, что время ее подошло. Она встала с кровати, походила по комнате. Снова легла и снова встала, чтобы ходить от окна к двери. «Что же делать? Я сказала Вилли — двадцать пятого октября, и он обещал приехать двадцать второго. На всякий случай. Может, мне кажется? Может, это ложная тревога?» Тревога, однако, оказалась не ложной.

У миссис Тейлорсон детей не было, но это не помешало ей понять, в чем дело, когда она поднялась к Мисси в комнату, решив проведать свою квартирантку. Хозяйка предложила немедленно послать за врачом, но Мисси просила еще подождать. Ей хотелось окончательно убедиться, что это родовые схватки. Миссис Тейлорсон особенно долго выжидать не стала и, пока спускалась вниз, приняла решение отправить за врачом мужа, сидевшего в гостиной и наслаждавшегося трубкой после обеда. По счастью для Мисси, ее ворчливое предсказание не сбылось: врач не был занят накладыванием гипса на сломанную ногу и не лечил пулевое ранение. Он пришел немедля.

В эту ночь, раньше на две недели, Мисси родила сына.

Во время родов молодая мама неустанно повторяла слова из Исаии: «Не бойся, ибо Я с тобою», и не осталась одна. При взгляде на сына Мисси залилась счастливыми слезами. Ребенок был небольшого веса, но здоровый и крепенький. Сделав для матери и мальчика все необходимое, их удобно устроили на кровати, и врач счел возможным уйти. Миссис Тейлорсон рада была взять бразды правления в свои руки, она продолжала неустанно сновать по комнате и хлопотала, словно наседка.

— Как вы собираетесь назвать малыша? — не могла не задать хозяйка вопрос, который обыкновенно живо волнует всех.

— Не знаю, — сонно отвечала Мисси. — Мы будем выбирать имя вместе с Вилли. Он говорил, когда родится ребенок, тогда и дадим имя.

— Но ваш муж приедет лишь через две недели. Не подобает ребенку целых пятнадцать дней жить без имени, — резонно заметила практичная миссис Тейлорсон.

— Наверное... — Мисси улыбалась малышу, который лежал рядышком, уютно прижавшись к матери. — Вообще-то я знаю, как его назвать.

— Как же?

— Мне нравится одно мужское имя... Я вышла замуж за человека, у которого второе имя такое же, как у моего отца. Мне хотелось бы и сыну дать это имя, да удобно ли?

— Лучше не бывает! — Миссис Тейлорсон захлопала в ладоши. — Ваш муж вряд ли обвинит вас в плохом выборе. И какое же имя?

— Натан, — произнесла Мисси и повторила еще, наслаждаясь звучанием имени: — Натан.

Миссис Тейлорсон, склонив голову, размышляла вслух:

— Натан... Довольно мило... Мне нравится. Думаю, вполне подойдет этой крошке. Просто Натан?

— Нет, Натан Исаия.

— Исаия? — Во взгляде миссис Тейлорсон появилось удивление, но она решила воздержаться от дальнейших вопросов, исключая один: — Это имя имеет для вас особую значимость?

— Безусловно, — сказала Мисси с волнением в голосе. — Это важное для нас имя.

Мисси бережно притянула к себе сына и поцеловала завитки волос на головке малыша. Она так устала, но так счастлива. Молодая мама уже почти засыпала, как внезапно пришедшая мысль заставила ее очнуться.

— Миссис Тейлорсон, — обратилась Мисси к хозяйке, — нельзя ли вас попросить отправить завтра телеграмму моим родным?

— Непременно, мисс, завтра же пошлю. А что вы хотите сообщить? — Хозяйка протянула Мисси бумагу и карандаш. — Лучше запишите, я могу и забыть.

Мисси немного подумала и начала медленно писать: «Натан Исаия благополучно родился октябрь 10 тчк С любовью зпт Мисси и малыш». Она отдала листок миссис Тейлорсон.

— Мне приятно передать такую радостную весть, — сказала хозяйка, погладив Мисси по плечу.

Мисси посмотрела на своего завернутого в одеяльце крошку, и печально улыгнувшись, проговорила:

— Как жаль, что нет никакой возможности сообщить Вилли о рождении сына. Мне трудно будет дождаться двадцать второго октября. И вообще, сын уже почти вырастет к тому моменту, когда Вилли сможет взять его на руки.

— Время несомненно пойдет на пользу малышу, — глядя на младенца, улыгнулась хозяйка. — Но думаю, он не собирается так скоро вырасти из нарядов, в которых его купают.

Губы Мисси расплылись в улыбке, улыбка светилась и в ее взгляде, с благодарностью обращенном на добрую женщину. Уютно устроившись на кровати рядом с сыном, молодая мама крепко уснула.

Двадцатого октября Вилли приехал в Тетфорд, на сей раз с фургоном, и намеревался остаться в городе, пока не родится ребенок. У дверей дома Тейлорсонов его встретила сама хозяйка, но по уговору с Мисси не стала сообщать радостную семейную новость, и Вилли пошел вверх, в комнату жены.

Мисси стояла у окна. Для ее изнывающего от томительного ожидания взора палисадника под окном не существовало — взгляд был устремлен к далеким зеленым холмам. Беспокойство и тревога терзали молодую женщину, хотя видимых причин им не было. Чувствовала она себя хорошо. Натан с удовольствием ел, спал и рос не по дням, а по

часам. Конечно, как и предполагала миссис Тейлорсон, он еще не вырос из своих распашонок, однако Мисси уже приходилось время от времени распустать посвободнее завязочки на его кофточках.

На звук открывающейся двери Мисси даже не повернулась: добросердечная хозяйка использовала любой повод зайти к ней — то принесет молодой маме чай с молоком, то объявит, что пришла поведать малыша. Мисси привыкла.

— Что случилось? — Тревожный голос мужа вихрем развернул ее к двери.

— Вилли! Вилли приехал! — пронзительно закричала она.

Вилли не двигался. Застыв на месте, он повторил со страхом голосе:

— Что случилось?

— А что случилось? — Мисси непонимающе смотрела на мужа.

Он обвел глазами потерявшую полноту фигуру жены, и тогда Мисси догадалась, в чем дело.

— Ты стал папой — вот что случилось! — Она со счастливым воплем бросилась в объятия мужа.

— Как? — не мог поверить Вилли.

— Он пошутил над нами, — смеялась Мисси.

— Он? Ты говоришь — он?!

— Смотри!

Мисси схватила мужа за руку и подвела к маленькой колыбельке, сделанной мистером Вайссом, в которой мирно спал их сын. Мягкий завиток первых волос младенца нежно закрывал пухленькую щечку.

— Наш сын, — трепетно прошептал молодой отец.

— Он прелестный, правда?

— Можно мне взять его на руки? — спросил Вилли, смахивая с ресниц набежавшие слезы счастья. — Он, правда, прелестный, — с восхищением повторил счастливый отец, бережно подняв с постельки крошку-сына.

Мисси вся светилась радостью. Вилли здесь. Он счастлив, что родился сын. Это ее подарок мужу. Молодая женщина бросилась к мужу, поцеловала в щеку и, улыбаясь, положила голову ему на плечо.

— Я думаю, он похож на тебя, Вилли, — прошептала молодая мама. Она нагнулась и поглаживала сына по щечке. — Посмотри, у него темные волосики. Они будут меняться, это я знаю, однако и новые вырастут такие же черные, как у тебя. Подожди, он откроет глазки, и ты увидишь, они сейчас темно-голубые. Но глаза тоже будут меняться и тоже станут, я думаю, карие, как у тебя.

Вилли наклонился, чтобы еще раз поцеловать жену.

— Ты только взгляни, ямочка совсем как у тебя. — Мисси мягко коснулась нежного подбородка малыша и исподлобья глянула на мужа. Она побаивалась, что Вилли, как всегда, будет недоволен упоминанием о его ямочке на подбородке, но сегодня он, наоборот, широко улыбнулся.

Муж с женой сидели на краю кровати, Вилли бережно прижимал к себе малыша.

— Когда он родился?

— Десятого октября. Ему уже почти две недели, и он готов путешествовать.

— Ты уверена? Не слишком ли рано?

— Доктор мне сказал: «Не создавайте проблему из ничего. Если хотите ехать —

пожалуйста, в любое время». Нам собраться недолго, правда, дорогой?

— Недолго, — подтвердил Вилли глухим от волнения голосом. — Я подгоню фургон прямо сейчас. В этот раз со мной Генри. Мы на двух упряжках, так что и тебе с малышом будет целый фургон, и для провизии хватит места. Генри, правда, расстроится, мы собирались пробыть в городе около месяца.

— О, Вилли, — жалобно взмолилась молодая женщина, — я не могу больше ждать. Я так устала жить сама по себе в этом городе. Я так соскучилась по тебе.

В этот момент малыш завертелся, и молодой папа старался устроить сына удобнее.

— Мисси, а у ребенка уже есть имя? — вдруг спросил Вилли.

— Да, и очень хорошее, — заверила жена. — Его зовут Натан, Натан Исаия.

— Натан Исаия, — повторил Вилли. — Мне нравится, и даже очень. — Приподняв малыша, он поцеловал пушок его волос и прошептал: — Натан Исаия, я люблю тебя.

Сморщив маленькое личико, малыш, под дружный смех родителей, испустил сильный, требовательный крик. И Мисси, взяв ребенка на руки, начала его кормить.

Через четыре дня семья Ла Хэй готова была ехать. Миссис Тейлорсон болезненно переживала отъезд своих постояльцев. Особенно ей не хотелось расставаться с малышом; до последнего момента она не выпускала Натана из рук, нежно прижимая малютку к себе и ласково воркуя над ним. Мистер Тейлорсон закрыл на время свой магазин и тоже пришел проводить отъезжающих. Он торжественно объявил Мисси и Вилли: «Отныне мой дом — ваш дом», и просил супругов Ла Хэй останавливаться только у него, когда те будут возвращаться в Тетфорд.

С подарками для малыша пришли на проводы Кэти и Мелинда. Расставаясь, обе заливались слезами. Были и пастор с женой. Старый добрый пастор прочитал прощальную молитву, а его жена напекла молодежи в дорогу свежего хлеба и пирогов.

Генри хлопотал в фургоне, устраивая постель для мамы с ребенком. Нужно было заделать от дождя и ветра все щели. Уже не было той жары, что стояла летом, и Вилли волновался, как бы малыш и мама не простудились.

Наконец все было готово. Мисси быстро пробежала в мыслях по листкам своего рукодельного календаря — до даты, когда они приедут: пройдет всего каких-то шесть дней, и они будут дома. Мисси увидит долгожданное Виллино ранчо и сразу полюбит эту родную землю. Как она рада уехать из унылого, мрачного, пыльного города! Предвкушение новой жизни в новом доме окрыляло душу Мисси. словно птичка, она совет свое гнездышко, и ее мечта станет реальностью. Мисси уложила малыша в колыбельку и придвинула ее поближе к себе.

— Ах ты маленький плутишка! — мурлыкала мама над сыном. — Мы о тебе даже не мечтали. Но ты-то наверняка выбрал подходящий момент, чтобы родиться.

Глава шестнадцатая. Ранчо

— Ну, теперь недалеко, — объявил Вилли, — вон за тем холмом.

Они были в пути уже шесть дней. Боясь, что жена и ребенок утомятся, Вилли останавливался на ночлег засветло, и в результате поездка затянулась. Лишь на седьмой день они подъезжали к своему ранчо.

Мисси жадно вглядывалась в открывавшиеся взору картины, которые должны были вскоре стать для нее родными: их мечта, их собственная — ее и Вилли — ферма уже рядом, за следующим холмом. Однако, говоря по чести, местность, по которой они проезжали, не выглядела привлекательной. Природа и растительность такие же тусклые и унылые, как в Тетфорде, а может, даже более безрадостные. Кругом эта неприятная высохшая трава. Тут и там ветер ворошит сухую солому и гоняет клочья безжизненных растений. Разнообразие в угрюмый серый пейзаж вносят разве что редкие одинокие кактусы да проплешины на скалах. Мисси начинала понимать: вряд ли за холмом что-то изменится. Но, может, каким-то чудом... Ей так хотелось разделить энтузиазм Вилли!

Вдали виднелась цепь темных гор. А вдруг горы станут здесь друзьями Мисси? Но и горы выглядели равнодушными и отчужденными на фоне мрачного неба.

Вилли, конечно, чувствовал настроение жены, однако продолжал пребывать в радостном воодушевлении.

— Ты только посмотри, — с жаром говорил он, — какие красивые горы! В зависимости от освещения, они кажутся то пурпурными, то голубыми или даже розовыми. А зимой, когда вершины покрыты снегом, скалы сверкают ослепительной белизной.

— Горы видны из окон нашего дома? — спросила Мисси. Ей так хотелось услышать «да». Она могла бы любоваться горным пейзажем, наблюдать, как он меняется в разное время дня или года.

— Нет, дорогая, из нашей долины гор не видно. Чтобы видеть горы, нужно строить дом на вершине холма. А жить на вершине холма тебе не понравится — там нет никакого спасенья от пронизывающего ветра, — охотно объяснял муж.

— Значит, еще и ветер, — подытожила себе под нос Мисси. — Промозглый ветер. — Молодая женщина зябко куталась в теплую шаль, точно уже чувствовала его безжалостные порывы.

Итак, из окон своего дома она не увидит горы.

— Вилли, что же видно из наших окон?

— Если смотреть на восток, — с удовольствием начал расписывать Вилли, — видно пастбище. Миля за милей там тянутся невысокие холмы, и ничто не препятствует взору. — Казалось, Вилли находил огромную ценность в пустом — на многие мили — пространстве, где не на чем остановить взгляд. Мисси слишком живо представила нарисованную мужем наводящую тоску картину — и поежилась.

Тем временем Вилли продолжал нетерпеливо погонять лошадей, и упряжка с фургоном поднялась на вершину холма. Мисси закрыла глаза, все еще на что-то рассчитывая или просто по-детски надеясь, что ей не придется открыть глаза именно сейчас.

— Ну, вот мы и дома, — с торжеством в голосе объявил Вилли. — Правда же, замечательно?

Глаза открылись.

В небольшой низине, как и рассказывал Вилли, здесь и там были разбросаны разные строения. Во все стороны тянулись за горизонт бескрайние загоны для скота.

— Ты говорил, здесь много зелени, — сквозь стиснутые зубы выдавила из себя Мисси, делая ударение на слове «зелень». Но тут же пожалела о сказанном.

— Так это весной, а сейчас осень. Уже все увяло. — Определенно, ничто не могло поколебать оптимизм Вилли. — Ну, какое у тебя впечатление?

Этого вопроса Мисси боялась как огня. Что она может ответить? Сказать правду — значит разочаровать Вилли, но и лгать как-то не шло к ней.

— Это... это... — Молодая женщина старалась подыскать слова, которые не обидели бы мужа, и наконец удачно нашлась, повторив то, что сказал Вилли: — Просто замечательно.

Вилли остался очень доволен ответом, не заметив в нем неискренности. Он ласково обнял жену и показал рукой в сторону долины:

— Вон там, видишь, загоны для коров и лошадей.

Мисси не стала рассматривать загоны для коров и лошадей — она не могла отвести удивленного взгляда от мужа: неужели это его действительно глубоко радует?

— А вон то строение — амбар. Потом мы построим еще один, побольше, — с прежним энтузиазмом продолжал Вилли. — Рядом склад, дальше за ним кухня.

— А где же дом?

— Вот он, наш временный дом. — Взгляд Мисси последовал за жестом мужа. Временный дом, равно как склад, кухня и амбар, был похож на груды сухой соломы. — Все это сделано из дерна, — решил пояснить суть дела Вилли.

— Из дерна?

— Ну да. Мы вырезали из дерна строительные блоки и складывали их друг на друга — самый простой способ поставить дом, в котором можно будет укрыться от непогоды зимой.

У Мисси перехватило дыхание. Глаза не мигая смотрели в одну точку, сердце колотилось.

— Строительные блоки из дерна, — прошептала молодая женщина. Лучше отвести взгляд и смотреть куда-нибудь в сторону, иначе она разрыдается.

Пока Вилли разворачивал фургон, Мисси откинулась на сиденье и снова закрыла глаза. Ну что же, чуда за холмом не произошло. Долгожданной сказочной земли нет. Однако на чудо ей надо уповать именно сейчас, когда она поняла, через какие суровые испытания ей придется пройти.

Фургон заскрипел и остановился возле маленького низенького строения. Если издали временный дом производил плачевное впечатление, то вблизи от его вида становилось тягостно на душе.

Улыбаясь, навстречу хозяевам вышел Генри, который приехал на ранчо чуть раньше и развел в доме огонь, чтобы ребенку было тепло.

Из трубы уже вился дымок, и Мисси сразу узнала едкий запах коровьих лепешек. Пока они ехали в обозе, приходилось иногда пользоваться такими «дровами», чтобы разжечь костер, но, наверное, дорога сюда была бы для молодой женщины полностью отравлена, знай она, что ее собственный дом придется отапливать коровьими лепешками. С высокой скамьи фургона Мисси осмотрелась и поняла, что дров здесь не будет. Несколько одиноких деревьев вдали производили удручающее впечатление.

Вилли помог жене спуститься. Она стояла возле фургона и старалась угадать, какие еще

сюрпризы таятся за крошечной дверью в ее новый дом. Первым вошел Вилли, вслед за ним отважилась просунуть голову внутрь и Мисси.

Даже в полдень в доме оказалось очень темно, и Мисси понадобилось несколько минут, чтобы глаза привыкли. Осмотревшись, она обнаружила всего одну комнату. В углу громоздилась огромных размеров койка с комковатым матрасом, небрежно прикрытая лоскутным одеялом, — нечто очень далекое от чистой, опрятно застеленной постели, которую рисовало Мисси воображение. Что ж, ее делал мужчина.

В другом углу была маленькая черная печка, рядом с которой стоял небольшой деревянный стол с задвинутыми под него двумя табуретками. Загромождающая и без того маленькую комнату, вдоль стены тянулась полка, в беспорядке заставленная несметным количеством банок, горшков, жестянок.

Два небольших окошка были расположены очень низко, и, чтобы выглянуть из окна, неизбежно нужно было нагнуться. Оконные рамы красовались с немывтыми стеклами, тем не менее они были аккуратно вставлены в стену из дерна и тщательно законопачены.

Мысли молодой женщины кружились, словно листья на ветру. Она хваталась за все подряд: «При первой же возможности надо вымыть стекла». И тут же Мисси изумилась сама себе: в ответственный момент заселения в дом ее волнуют грязные стекла и прочие мелочи!

Взгляд Мисси медленно перешел на потолок, где ее ждал новый сюрприз: относительная устойчивость конструкции из дерна поддерживалась кусками досок, бечевками и проволокой. Было похоже, что составляющие потолка время от времени падают. «А вдруг потолок обрушится на ребенка или на меня?» — с ужасом подумала Мисси.

Пока пристальное разглядывание потолка не выдало мыслей молодой женщины, она поскорее перевела взгляд на пол. Боже! Пол был земляным. Мисси только тяжело вздохнула.

— Дом небольшой, но теплый и уютный, — бодро говорил муж. — А на следующий год построим настоящий, каменный или деревянный — по твоему выбору.

— Кофе готов, — позвал Генри.

Вилли протянул руки за Натаном, и Мисси сразу инстинктивно прижала сына к себе. «Куда здесь положить малыша?» — испугалась она, но, делать нечего, вынуждена была уступить и передала Натана отцу. Едва Вилли положил сына на кровать, как глаза Мисси с подозрением поднялись к потолку — проверить, не упадет ли какой кусок сверху.

— Садись сюда, — ничего как будто не замечая, пододвинул табуретку Вилли. Мисси послушно села.

Горячий кофе оживил молодую женщину, она почувствовала себя бодрее и слегка повеселела. Мисси видела, что Вилли не отводит от нее взгляда, и понимала: он ждет, что она скажет.

— Ну, — собралась Мисси, — домашней работы здесь будет не много.

Вилли облегченно вздохнул и, улыбнувшись, взял жену за руку.

— Дорогая, в первый год нам придется нелегко, но ты не торопись разочаровываться, Мисси. Я обещаю, что мы построим такой дом, какой тебе хочется.

Мисси отпила глоток кофе. У Генри получился хороший кофе, вкусный и крепкий. Как нужна ей сейчас сила и крепость духа.

— А где все мои корзинки, коробки, ящики? — тихо спросила Мисси. Она удивилась, что сказала «мои», но по-другому не получилось.

— Мы решили до твоего приезда все сложить в амбаре — кто знает, что тебе

понадобится в первую очередь. Но если нужно, я принесу прямо сейчас.

Мисси обвела взглядом изрядно заставленную комнату и сказала:

— Нет, не нужно. Я не вижу здесь места для лишних предметов. Пусть все будет в амбаре. И, Вилли, пожалуйста, поставь мою швейную машинку туда же.

Вилли хотел было возразить, однако, посмотрев на комнату другими глазами, согласился:

— И правда, тесновато. Ты знаешь, пока тебя не было, комната казалась совсем пустой, вот забавно.

— Упряжка еще стоит возле дома? — Допив свой кофе, вмешался в разговор Генри. — Я пойду распрягу лошадей. Куда отвезти фургон?

— Просто отгони его в сторону, за дом, нам еще нужно будет вытащить вещи.

— Хорошо.

— Где Генри расположился? — спросила Мисси, когда молодой человек вышел. Она рассеянно крутила в руках пустую чашечку, на дне которой осела кофейная гуща.

— В сарае.

— Один?

— У нас сейчас еще три работника, один из них повар.

— Им, наверное, там тесно.

— У них не так много пожитков.

— Вилли, а ты уже купил скот?

— Да, для начала немало. И достаточно хороших лошадей. Так что моим работникам есть кого охранять.

Вилли тоже допил кофе и поставил чашку на стол. Задумавшись, он медленно провел рукой по усталому лицу, затем встал и подошел к окну. Наклонив голову, Вилли разглядывал, что происходит за окном, и долго молчал.

— Мисси, дорогая, — затем сказал он, не поворачиваясь, — это была ошибка. Не знаю, почему я раньше не подумал об этом; наверное, всему виной измучившая меня тоска. Конечно, я не должен был привозить тебя сюда, да еще с ребенком. Тебе нужно было оставаться в Тетфорде и ждать, пока я построю настоящий дом.

Мисси тихо подошла к мужу. Она видела, как болезненно переживает Вилли ее разочарование, и корила себя.

— Вилли, мой родной, — Мисси нежно обняла мужа и притянула к себе, — все в порядке. Правда. Я просто не ожидала увидеть то, что увидела, но я скоро привыкну. Все встанет на свои места, поверь. И не забудь: я бы никогда не осталась без тебя в Тетфорде. Я так скучала по тебе, что чуть не умерла там от тоски. Лучше в любых условиях здесь, чем без тебя в Тетфорде.

Вилли благодарно обнял жену.

— Мисси, я виноват, извини, — шептал он, целуя жену. — Это ненадолго, обещаю тебе. И поверь, я все улажу, у тебя очень скоро будет прекрасный дом — как тот, в котором ты родилась.

Родительский дом! С приглушенным вздохом Мисси закрыла глаза. «Быть бы сейчас дома! Разве я не была там счастлива? А Вилли — разве ему плохо жилось в нашем доме?»

Мисси посмотрела на спящего сына, и слезы навернулись на глаза: если бы дело было в ней одной! В этот момент Натан заворочался, по-видимому, просыпаясь, и Мисси, не поднимая заплаканного лица, поспешно подошла к кровати.

Взяв себя в руки, молодая мама спокойным голосом сказала:

— Малыш голодный. Мне нужно покормить его, а потом я займусь другими делами.

— А я пока схожу за вещами, — решил Вилли и уже с порога обернулся: — Мисси, я люблю тебя.

Она попыталась улыбнуться.

«Лучше в любых условиях здесь, чем одной, без Вилли в Тетфорде», — снова и снова повторяла про себя Мисси.

Глава семнадцатая. Зима. Рождество

Мисси оторвала от земли уже почти полное ведро и, согнувшись, прошла с ним несколько шагов. С грохотом она опустила ведро и вновь наклонилась, продолжая отдирать коровьи лепешки от почти замерзшей земли. Сильный холодный ветер трепал ее накидку, кончики пальцев на руках заоченели, их покалывало от холода. Мисси в который раз взялась ругать себя: «И когда я наконец соберусь найти какие-нибудь старые рукавицы для этого занятия?»

Мало-помалу и второе ведро наполнилось. Взяв по ведру в каждую руку, Мисси медленно двинулась к своему жилищу. Она шла еле-еле, и все равно ее покачивало от тяжести, ведра бились о ноги. А ведь это лишь половина — на день нужно четыре ведра лепешек, так что придется идти еще раз. У Мисси болели руки, ныла от боли спина. Каждый раз искать топливо приходилось все дальше и дальше от дома.

Издали Мисси услышала плач малыша и ускорила шаг. «Бедняжка, наверное, уже давно проголодался».

Поставив тяжелые ведра, молодая женщина принялась тщательно мыть руки в тазу, что стоял возле печки. В холодной воде руки еще больше заломило, она схватила жесткое полотенце и энергичными движениями стала растирать кисти, стараясь разогреть их. Скоро рукам стало тепло. Приговаривая на ходу ласковые словечки, Мисси поспешила к сыну. Со дня приезда прошли уже две долгие недели. Жизнь молодой женщины в этом суровом крае скрашивал ее маленький сын.

С каждым днем воздух здесь становился все холоднее, а ветер дул сильнее и резче. Вилли уже не скрывал своей тревоги: успеть бы подготовиться к зиме. Ураган с мокрым снегом и дождем мог обрушиться на них в любой момент. У Мисси была другая беда: кончались запасы топлива. Тем не менее она решила ничего не говорить мужу, который и без того замучен проблемами. «Поддерживать огонь в доме — обязанность женщины», — отважно считала Мисси и очень боялась, как она справится с этой обязанностью, когда снег покроет землю. Беспокоили ее и многие другие насущные дела, связанные с основной задачей — выжить в нелегких условиях. Но главной заботой Мисси был сын. Малыша нужно кормить, то и дело переодевать и по мере того, как он подрастает, уделять ему все больше внимания.

Мисси посмотрела, не кипит ли вода в кофейнике. Нет, никаких признаков. Чтобы вода быстрее закипела, она пододвинула кофейник на середину маленькой плиты, где было горячее. Хорошая большая плита, которую по настоянию мамы они привезли с собой, стояла в амбаре нераспакованная: места для нее здесь не было. «Скоро, наверное, придет Вилли. Представляю, как он продрог». — Мисси поминутно заглядывала под крышку кофейника.

— Нельзя больше медлить, — послышался на улице голос Генри. — Снегопад может начаться в любой момент.

— Ты прав, Генри. Завтра же отрядим на это дело всех работников, и пусть возьмут два фургона, — распорядился Вилли.

— Ты думаешь, они согласятся?

— А как иначе? По-моему, хозяин здесь я.

— Ну, да. — В голосе Генри послышалась легкая усмешка. — Но ковбои, скорее всего, считают, что их наняли пасти коров, а не подбирать коровьи лепешки.

— Это мы посмотрим, — бросил Вилли, входя в комнату.

«О, Господи! Кажется, они обсуждают как раз то, о чем у меня сейчас болит душа — топливо», — с радостным удивлением слушала разговор мужчин Мисси.

На следующее утро после завтрака пять человек на двух фургонах отправились запасать топливо на долгую холодную зиму и провели в сборе коровьих лепешек целый день. Вечером огромную кучу этих лепешек высыпали возле кухни. Топливо для Мисси мужчины предусмотрительно складывали с задней стороны дома, в сарае из дерна. Увидев до отказа заполненный «дровами» сарай, молодая женщина облегченно вздохнула: больше ей не придется оледенелыми пальцами выковыривать их из-под снега. Что бы она делала без этих запасов зимой! «Спасибо! Спасибо! Спасибо!» — только и шептала Мисси, пока не спохватилась: надо встретить промерзших мужчин горячим кофе, — и побежала ставить на огонь наполненный до краев кофейник.

Коровьи лепешки собирали от рассвета до заката еще два дня; их штабеля возле сарая много превосходили размерами хилое строение. «Ну, этих запасов мне хватит на всю жизнь, — радовалась Мисси. — А каких хороших работников набрал на ферму Вилли! Пусть они и поворчали, но топлива запасли вдоволь!»

Теперь, когда не нужно было с самого утра в любую погоду идти за коровьими лепешками, у Мисси появилось свободное время. Маленькая комната не требовала особого внимания: привести в порядок земляной пол, постелить постель, приготовить еду и вымыть посуду — все это не составляло для хозяйки труда. Когда кончалась вода, которую приносил утром Вилли, Мисси отправлялась с ведрами к ручью. Вот, пожалуй, и все дела. Так что значительную часть дня Мисси могла заполнить по своему усмотрению.

Прежде всего она взялась вязать носки мужу. Связала. Потом решила: «А неплохо бы связать по паре и каждому работнику на ранчо. Это будет мой подарок к Рождеству». Когда носки были готовы, молодая женщина снова села, сложив руки. «Чем бы еще заняться? — морщила лоб Мисси. — Может, связать каждому по паре шерстяных рукавиц на зиму?» Тут она, правда, колебалась: «А вдруг ковбои с насмешкой отнесутся к такому подарку?» Но в конце концов Мисси взялась и за рукавицы.

Молодая женщина пока плохо знала ковбоев, которые работали у них на ранчо. Высокого, худого, с угрюмым лицом и большим носом звали Клем. Тот, что пониже, — Сэнди. Немного лучше Мисси была знакома с поваром Адамсом, спокойным симпатичным мужчиной с острым взглядом; чем бы этот человек ни занимался, он метко подмечал любые мелочи. Бедняга когда-то упал с лошади, сильно повредил ногу и бедро и с тех пор хромал. По этой причине ему приходилось довольствоваться работой на кухне; скакать верхом на лошади по бескрайним пастбищам вместе с другими ковбоями он не мог. Мисси нравилось, что он работает у Вилли, и хотя им редко доводилось разговаривать, его радостная улыбка при виде хозяйки с малышом или добродушный поклон неизменно поднимали ей настроение.

Но жизнь Мисси на ранчо протекала не без проблем. Испытанием для молодой женщины стала стирка детского белья. Перед уходом на работу Вилли приносил два полных ведра воды, но этого не хватало, и Мисси сама ходила к ручью, протекающему за домом. Другая сложность была в том, что их маленькая печка не могла выдержать тяжелой бочки или бака с водой, и Мисси приходилось кипятить чайник за чайником. Пока нагревался один чайник, другой успевал остыть, и лишь запасшись изрядным терпением, можно было стирать пеленки в более или менее горячей воде.

Нагрязнул однажды и первый зимний ураган.

Порывы колючего ветра с острыми льдинками ударяли в крошечные окна, льдинки забивались в щели стен дома из дерна. Снег навалил большими сугробами, занес все пути. Мисси молилась, чтобы только их маленькое укрытие выстояло в злую непогоду.

Вилли хотел было ехать вместе с ковбоями к загонам, но Мисси настояла, чтобы он остался дома. Ковбои же верхом отправились объезжать стадо: ни одно животное из трех сотен голов, помеченных клеймом «В», не должно потеряться в эту жестокую бурю.

Вернулись мужчины уже вечером. Весь день они бились с ураганным ветром и снежным бураном, но сумели отогнать стадо в глубокий каньон, где, по их расчетам, животные могли переждать непогоду. Однако Вилли продолжал беспокоиться. Он нервно расхаживал по комнате, то и дело нагибался к окнам и подолгу смотрел на снежную выюгу.

К полудню следующего дня ураган начал утихать. Сэнди и Генри отправились в каньон проверить стадо и вернулись с доброй вестью: ни одно животное не пострадало, все стадо цело. Вилли наконец вздохнул с облегчением. Постепенно затих и ветер, но снег не растаял, и Мисси поняла: зима не собирается отступать.

Вскоре замерз ручей. Теперь молодая женщина была вынуждена растапливать снег — занятие весьма утомительное, особенно когда так много воды требуется для стирки. Вкус талой воды также не нравился Мисси, но постепенно пришлось привыкнуть и к этому.

Жизнь молодой женщины текла однообразно и скучно, без каких-либо развлечений. Огромные сугробы окружили их маленький дом и закрыли от Мисси вид на покрытые снегом холмы. У нее, правда, и не было времени любоваться ими: постоянно топить печь и растапливать снег — нелегкое и хлопотное дело.

Но Мисси была счастлива, что у нее есть сын. Мальчик подрастал и уже встречал маму радостной улыбкой, когда она подходила посмотреть на лежащего в кроватке малыша. Мисси постоянно разговаривала с Натаном. Без этого родного существа темные стены ее нынешнего дома казались бы, наверное, тюрьмой. В долгие зимние вечера Мисси, верней всего, умерла бы от тоски, не будь рядом с ней крошки-сына, о котором нужно заботиться.

«Спасибо, Господи! Спасибо за нашего сына. Господи, помоги мне быть терпеливой и не унывать, — часто молилась молодая женщина, — помоги мне дать Вилли счастье».

Как-то раз Мисси, развешивая выстиранные детские вещи на натянутую в комнате веревку, вдруг вспомнила, что через несколько дней наступит Рождество. Она нырнула под веревку и подбежала к стене, где висел ее самодельный календарь. И правда, оставалось всего четыре дня до Рождества.

Мисси осмотрелась: встречать Рождество здесь, в этой комнате с более чем скромной обстановкой?! Мисси стряхнула с ресниц слезинки-бусинки и вынуждена была собраться с силами наперекор всему: да, здесь мы встретим Рождество. Но легко найти слова, чтобы повелеть себе, да не так-то легко убаюкать словами ноющую душевную боль.

В этот вечер за ужином, когда муж с женой с аппетитом ели тушеное мясо и выпечку, Мисси между прочим обронила:

— Вилли, а ведь через четыре дня Рождество.

— Неужели? — удивился Вилли. — Боже, как летит время.

— Летит время... — Мисси очень хотелось съязвить на сей счет, но она удержалась от резких слов. К чему обижать Вилли? Он так старается, так много работает.

— Рождество! Трудно даже поверить. — Вилли доел булочку. — Дорогая, к сожалению, я не смогу раздобыть индейку. Но как ты смотришь на то, чтобы приготовить дичь?

— Можно. Но надо спросить у повара рецепт.

Вилли осторожно посмотрел на жену.

— По-моему, как-то скучно праздновать Рождество одним, а?

— Я тоже так думаю. А знаешь, давай позовем всех наших работников.

— Сюда? — удивился Вилли.

— Ну да. А почему нет?

— Комната маловата, — с сожалением заключил муж, глядя на развешанные на просушку пеленки.

— Маловата. Но я кое-что придумала, слушай. Угощение поставим на стол и на печку, а сядем кто куда — на кровать, две табуретки у нас есть, принесем табуретку из сарая, еще одна у повара на кухне.

— Отлично. И если во всем будет частичка твоей души, наверняка получится настоящий праздник. — Просьба звучала в голосе Вилли, просьба читалась в его глазах, устремленных на жену. — Ну, решено, — заключил он. — Приглашаем всех.

— Но пригласи, пожалуйста, ты. Мне как-то неловко.

— Приглашу. На какое время звать?

— Не знаю. — Мисси пожала плечами. — Давай, может, устроим все в час дня?

— Хорошо, в час, — согласился Вилли. — Дичь я достану заранее.

— Вилли, а ты не попросишь повара сделать жаркое? Тогда я бы приготовила еще что-нибудь.

— Можно поговорить, — кивнул Вилли.

Повар согласился сделать для праздничного стола жаркое, а Мисси готовила остальные блюда. Большого ассортимента продуктов не было, и молодой женщине приходилось проявлять изобретательность и кулинарное мастерство. Она достала привезенные еще из дома и припрятанные как раз для такого случая консервы, овощные и фруктовые, — и смогла подать к жаркому заготовленные мамой морковь и фасоль, а испеченный кекс украсить фруктами. О картофельном блюде, увы, мечтать не приходилось. У Мисси осталось несколько картофелин, которые она надеялась посадить весной. Вид у картофелин был жалкий, но Мисси молилась, чтобы ростки жизни не погибли в них и дали новый урожай. Зато молодая женщина напекла целую гору пухлых булочек и подала к ним последнюю оставшуюся банку меда.

Собрались все к часу, как и планировали, расселись кто куда, и повар торжественно внес жаркое.

— Друзья мои, — поднялся Вилли, — у меня есть для вас сюрприз. Но поскольку у нас здесь немного тесновато, — дружный хохот гостей сопровождал его слова, — пришлось мне оставить сюрприз в амбаре. Я сейчас.

Через некоторое время Вилли вернулся с небольшим зеленым кустиком, поставленным в ведро. На его ветках красовались цветные бантики, сделанные из кусочков пряжи, что остались у Мисси от вязанья.

— Какое же Рождество без елки, — конфузливо улыбаясь, сказал Вилли под восхищенные возгласы гостей. Мисси же тихо светилась от счастья.

Чудную елку рассмотрели, украшения оценили, и все затихли, выжидая, что будет дальше. Протиснувшись в середину комнаты, Вилли начал молиться:

— Господи, спасибо Тебе за все. За еду, которую мы собираемся сейчас отведать. За наш маленький теплый дом. За дружеский наш тесный кружок и за родных, которые теперь

далеко. За живущие в нас воспоминания о рождественских праздниках, которые мы проводили с теми, кого любим. За нашего сына Натана Исаию, за его здоровье. И более всего — за мою дорогую жену, собравшую нас всех на светлый праздник Рождества. Мы знаем, Господи, что милости Твои велики и что главный дар для нас в этот день — Твой Сын. И мы принимаем этот дар с благоговением. Аминь.

Гости с аппетитом ели вкусное обильное праздничное угощение, а Мисси скромно сидела над своей тарелкой, изо всех сил стараясь не думать о родительском доме. Но не получалось. Мысли сами собой возвращались в родные края. Вот бы оказаться там прямо сейчас! Дом большой, уютный, семья вся в сборе. Стол к Рождеству накрыт всегда по-особому; на нем запеченная индейка, тушеные овощи, картофельное пюре, свежее масло и яблочный пирог, покрытый взбитыми сливками.

Теперь на тарелке у Мисси лежали кусочки жареной дичи в соусе, консервированная морковь и фасоль. Нет ни картофеля, ни сливочного масла. Но в дороге на Запад ей часто приходилось довольствоваться и куда более скромным обедом. Сегодняшний стол, можно сказать, был роскошным пиром, и гости с видимым удовольствием отдавали должное угощению. Ну, а уж когда дошла очередь до сладкого!.. Чашки с ароматным кофе и ломтики кекса бережно передавали из рук в руки.

Пока все пили кофе, Мисси попыталась подойти к Натану, однако это оказалось непросто — ей приходилось пробираться, наступая сидящим на ноги. Но теснота лишь сблизила людей, и в компании царило веселое оживление, дружный хохот не утихал ни на минуту.

— Сыночек, дорогой ты мой. — Мисси взяла малыша на руки. — Конечно, ты не сможешь запомнить этот день, но я хочу, чтобы и ты участвовал в празднике. Сегодня твое первое Рождество. К сожалению, у меня нет подарка для тебя, разве что мой нежный поцелуй да веселый смех наших друзей.

Когда праздничный обед подходил к концу, Мисси, набравшись смелости, стала раздавать подарки — каждому гостю по паре вязаных шерстяных носков и рукавиц, и была поражена, насколько тронуты оказались мужчины и как искренне старались сказать ей в ответ что-нибудь приятное. «Кажется, они не получали рождественских подарков с самого детства», — с удивлением отметила про себя Мисси. Особенно расчувствовался Адамс и, застеснявшись, стал что-то говорить про «этот ужасный дым из печки», от которого у него «заслезилась глаза». Клем, напротив, молчал, только на горле у него судорожно двигался кадык.

— А сейчас я хочу поблагодарить всех вас, — поднявшись, начала говорить Мисси. Она волновалась. Ей хотелось, чтобы гости не испытывали смущения оттого, что у них нет ответных даров.

Пять пар любопытных глаз устремились на искреннюю и обаятельную хозяйку дома. — Я хочу поблагодарить вас, — продолжала Мисси, — за то, что вы преданно и самоотверженно работали, помогая моему мужу и мне. Что не требовали от нас невозможного. — Она запнулась и, озорно улыбнувшись, добавила: — Еще я хочу сказать вам особое спасибо за лепешечки на зиму.

Тема коровьих лепешек насмешила всех. Мисси, уже не таясь, веселилась от души, а ковбои, оценив забавность ситуации, весело переглядывались и подмигивали друг другу.

Вот так своей сердечностью и непосредственностью Мисси приобрела друзей на всю жизнь. Каждый, кто встречал в тот день Рождество в ее доме, отныне готов был сделать для

нее все, что может.

Мисси сидела с Натаном на руках. Совсем юная женщина, миловидная и прелестная, прижимала к себе сына. На ней было яркое платье из набивного ситца, которое облегалo ее изящную стройную фигурку, щеки горели здоровым румянцем, глаза блестели от стоявших в них чувственных слез. Розовощекий малыш, изучая лицо мамы, касался его крошечной ручкой. Эта картина для сидевших в комнате мужчин навсегда осталась еще одним рождественским подарком.

А маленького Натана все с удовольствием брали на руки, агукали с ним, и даже суровый на вид Клем усадил малыша на колени и пытался ему что-то растолковать.

Генри между тем принес гитару, и начали петь веселые рождественские песни. Адамс лишь слушал, Сэнди время от времени подпевал отдельные строки, а вот Клем, на удивление Мисси, знал большинство песен.

Расходиться не хотелось. Мисси несколько раз добавляла топливо в огонь и снова поставила кофейник на печку, радуясь: «Как удачно, что я напекла много кексов и булочек, есть чем угостить ковбоев».

Но когда-нибудь кончается и праздник, как гаснет огонь в печке. Мужчины поблагодарили хозяев, пожелали им доброго вечера и, прокладывая путь через глубокие сугробы, отправились к себе.

Тихо напевая, Мисси мыла посуду, а Вилли сказал жене, что пойдет проверить лошадей. Вернулся он с коробкой в руках.

— Я купил тебе этот рождественский подарок еще в Тетфорде, — ответил Вилли на вопросительный взгляд жены. Поставив коробку на стол, он принялся ее разворачивать. — Боюсь только, мой подарок не для этих стен — я покупал его в расчете на наш с тобой настоящий дом. Но все же я решил показать тебе, а потом мы снова запакуем его — до лучших времен. — Вилли вынул из коробки изумительно красивую вазу для фруктов и выжидающе посмотрел на жену.

— Вилли, Боже мой, какая красота! — ахнула Мисси.

Вилли расплылся в довольной и смущенной улыбке, совсем как ребенок. Его подарок пришелся Мисси по душе! Она бережно взяла вазу в руки, осторожно переворачивала ее, не отрывая взгляда от блестящей поверхности, подняла вверх, любуясь, и, немного поколебавшись, решительно поставила ее на стол.

— Ваза чудесная. Спасибо, мой дорогой. — Мисси потянулась к мужу и нежно поцеловала его. — Вилли, давай оставим вазу — раз она предназначена для нашего нового дома, особенно приятно будет все время иметь ее перед глазами. Пусть стоит на столе.

— Хорошо, — Вилли обнял жену и, немного помолчав, сказал: — Знаешь, милая, как ты порадовала всех сегодняшним праздником. Пять счастливых человек!

— Почему пять? Сэнди, Клем, Адамс и Генри.

— Ну да. Четверо. И я пятый.

— Вилли, ты не умеешь считать, — улыбнулась Мисси. — Радость, которую я постаралась подарить всем вам, возвратилась обратно ко мне, и для меня это Рождество тоже стало счастливым. Так что шестеро.

Глава восемнадцатая. Новый дом для Мисси

Ожидание Рождества, приготовление к нему и радостное празднование — все осталось позади, и опять с монотонной скукой потянулись зимние дни. Временами Мисси казалось, что она больше не выдержит жизни в тесной, душной хижине, но тяготы молодой женщины скрашивал маленький сын. Мисси такой любовью и заботой окружала малыша, что иногда начинала не на шутку беспокоиться: не избалуется ли она свое дитя? Натан был в общем спокойным ребенком, но стоило ему захныкать, как Мисси немедленно брала крошку на руки, успокаивала и ласкала его. На эти ласки Натан отвечал радостной беззубой улыбкой, хлопая маленькими ладошками по маминому лицу.

Когда ребенок спал, Мисси делала домашнюю работу. По-прежнему утомляла ее стирка, которая отнимала и силы и время. А постирав, нужно было развешивать вещи на просушку по всей и без того тесной комнате. Но зато как приятно надевать чистую, хорошо пахнущую одежду! Пища в основном была простой, и ее приготовление особых усилий не требовало. Изредка кто-нибудь из ковбоев приносил дичь, и тогда Мисси готовила жаркое или варила студень. Каждое утро у дверей дома она обнаруживала достаточную на день стопку коровьих лепешек — кто из ковбоев живо помнил ее слова благодарности на празднике Рождества? — так что и с топливом у нее больше никаких проблем не было.

По утрам Мисси и Вилли читали Библию. Другие же книги они даже не распаковывали — в тесной комнатухе им не нашлось бы места, и днем молодая женщина часто не знала, чем себя занять. Еще до Рождества у нее закончились нитки для вязанья, и временами Мисси приходилось тяготиться бездельем.

Эту проблему, впрочем, легко улаживал Натан. Малыш быстро набирал в весе, уже лопотал по-своему, хватал все, что попадалось под руку. Теперь за ним нужен был глаз да глаз. Оставлять его на постели без присмотра стало небезопасно, он мог легко скатиться с кровати и упасть на пол. Позволить же ребенку ползать по полу молодая мама не могла: пол был холодный и грязный.

Отец безумно любил малыша, но дела хозяйства заставляли его много времени проводить вне дома. «Если бы не Натан, — часто подшучивала над мужем Мисси, — мне не довелось бы тебя часто видеть. Потому что ты бы переселился к своим драгоценным коровам». А когда сын еще подрос и начал при виде отца радостно верещать и смеяться, Вилли стало еще труднее уходить по утрам из дома.

Время шло. Мисси все веселее выглядывала из своих окошек на улицу. Пожалуй, можно было надеяться, что худшие дни долгой зимы позади. Но однажды с севера подул холодный колючий ветер, над долиной в мгновение ока нависли темные тучи, и, поглощая все на своем пути, повалили снежные хлопья. Порывы резкого ветра все усиливались. И случилось же ковбоям в этот момент непогоды находиться вдали от стада! Они тотчас вскочили в седла, готовые мчаться в каньон, однако Вилли, понимая, что направлять людей на пастбище в такую бурю безрассудно, велел всем оставаться дома. Приходилось лишь надеяться, что коровы сами найдут укрытие.

Снежная буря продолжалась два дня, все вокруг завалило сугробами. Дом Вилли и Мисси был по самую крышу занесен снегом, и хозяевам пришлось ждать, пока ковбои откопают их жилище. Но как только узникам удалось освободиться из снежного плена, все бросились в каньон проверять стадо.

Три дня мужчины прочесывали местность в поисках коров, а результат оказался неутешительным: по крайней мере семьдесят пять голов были потеряны в снежную бурю. Мисси плакала. И хорошо видела расстройство и тревогу в глазах мужа, хотя Вилли старался успокоить жену, уверяя ее, что коровы еще, возможно, найдутся. «Да и кроме того, неудачи неизбежно случаются в жизни время от времени», — подбадривал он Мисси. Однако оба они равно нуждались в утешении и поддержке, которые нашли, обратившись к Библии, к строкам из Исаии.

В конце февраля одна из коров отелилась. Мисси летала от счастья, словно ее одарили сокровищем. Она даже забыла о потере неделю назад части стада. С молоком в доме перед хозяйкой открывались чудесные возможности значительно улучшить и разнообразить питание семьи.

«Будь в хозяйстве еще яйца, невероятно много вкусных вещей можно было бы приготовить», — думала Мисси и непременно решила что-нибудь тут предпринять.

Наконец наступила весна. Приход весны был медленным, почти незаметным. Но как-то утром, выйдя на улицу, Мисси особенно явственно ощутила в воздухе теплое весеннее дуновение. Сугробы уменьшались прямо на глазах, здесь и там открывались темные пятна проталин. Побежали тонкие ручейки талой воды, низкорослые кустики покрылись легкой зеленой дымкой.

Конечно, Мисси тосковала по деревьям, на которых весной бурно распускаются почки, по буйно цветущим кустарникам; перед ее взором ныне расстилались лишь голые холмы. Какова же была радость молодой женщины, когда она нашла на прогалинах несколько робко распустившихся цветочков. Мисси не могла удержаться и нарвала маленький букет — так приятно будет украсить им стол в комнате! Цветы были поставлены в жестяную чашку, но в сумраке, который царил в доме, оказались почти не видны — чтобы порадоваться их весенней красоте, приходилось низко наклоняться над столом. Тем не менее крошечный букетик поднимал настроение Мисси, уверенно возвещая о конце долгой, нудной и тоскливой зимы.

Снег взялся бурно таять уже повсюду. А на пастбищах в это весеннее время всегда прибавляется хлопот, ковбоям пришлось работать от зари до зари. Коровы начали телиться, и почти каждый день в стаде появлялось молодое, еле держащееся на ногах прибавление; на бока милым трогательным телятам сразу ставили клеймо с буквой «В». Мисси не очень нравилась эта процедура, даже буква «В», льстиво говорящая о любимом ею имени, не меняла сути дела. Но Вилли лишь посмеивался над брезгливой щепетильностью жены:

— Так положено, все животные должны быть клеймеными. Весной коровы с телятами разбредаются по холмам, и ковбоям нелегко будет собирать их в стадо. Еду и я на несколько дней — помочь загнать животных в каньон.

Прощаясь, Вилли нежно поцеловал жену и сына.

Когда коровы и телята были собраны, ковбои насчитали сто девяносто восемь голов взрослых животных и сто шесть — молодняка.

— Даже с вычетом зимних потерь у нас больше скота, чем было сначала, — подытожил Вилли.

Для весеннего клеймения животных в каньон отправили несколько фургонов. Один фургончик отвели под кухню и столовую, другой служил складом для провизии, а еще один был даже кузнечной мастерской.

Животные быстро привыкли к ограниченному пространству каньона, вели себя

спокойно, почти непрерывно жевали траву и, насытившись, тут же улеглись на ночь.

Разделившись на пары, ковбои решили вести наблюдение за скотом круглосуточно. Первыми на дежурство отправились Вилли и Сэнди. После полуночи их сменили Генри и Клем, а Вилли и Сэнди пристроились у разведенного возле кухни огня и пили горячий кофе, стараясь согреться перед сном. На сон у них было всего несколько часов, утром с первыми лучами солнца нужно продолжать клеймить коров и телят.

Незадолго до захода солнца Генри и Клем вдруг заметили, что животные ведут себя беспокойно, громко мычат, беспорядочно перемещаются, но ковбои не сразу догадались, в чем дело. А когда поняли, что в стаде орудует банда угонщиков скота, было поздно — дельцы, их было как минимум пятеро, уже уводили добрую часть животных. Не прозвучало ни одного выстрела. Генри и Клем бросились вдогонку, но им удалось отрезать лишь оставших животных. Вилли, Сэнди и повар, спавшие в фургоне, выскочили, как только услышали шум и гвалт, но было уже поздно.

Наутро удрученные ковбои отправились поискать животных, которые могли в сутолоке затеряться. Когда собрали остатки стада, потрясенный Вилли насчитал пятьдесят четыре коровы и тридцать два теленка. Это был разгром его дела. Вилли заранее был готов к потерям из-за непогоды и угонщиков, но он надеялся, что эти потери не будут такие огромные и не случатся так скоро. «Почему, — спрашивал он себя, — я считал, что меня обойдет это зло — угонщики, когда многие ранчо были полностью разорены ими? Мне еще повезло, что не весь скот угнали».

Вилли пытался держаться бодро, но душа ныла и ныла от боли. Сможет ли он снова встать на ноги? Сколько времени для этого понадобится? «Если бы у меня хватило терпения поработать еще годик дома, если бы я не спешил так на ранчо, — корил он себя, — сейчас у меня были бы деньги, чтобы покрыть зловещие неудачи».

Ныне же у него оставались деньги лишь на дом для Мисси. Как он скажет ей об этом? Вилли с невольным стоном представил широко распахнутые доверчивые глаза жены, исполненные болью, страхом и разочарованием.

И сказать жене о случившемся невыносимо трудно, и не сказать нельзя. Мисси должна знать о серьезности их положения. Но что Вилли решил для себя твердо: он всеми способами будет стараться сохранить спокойствие своей жены.

Разговор наконец состоялся. Вилли, осторожно заведя речь о неизбежности некоторых потерь скота, как бы между делом сообщил и о случившемся. Мисси отнеслась к страшной новости мужественно и внешне спокойно, хотя, конечно, ей было очень горько за мужа. «Если бы я могла хоть чем-то помочь Вилли!» — сокрушалась она.

В сердце Мисси меж тем закралась надежда: вдруг Вилли, испытав свою мечту, удовлетворился и захочет вернуться домой? Однако у Вилли, вопреки ее чаяниям, были совсем другие намерения — очень скоро он объявил своим работникам, что приступает к строительству постоянного дома.

Теперь уже Мисси решилась на разговор.

— Милый, я слышала, вы обсуждали строительство дома.

— Да, если мы хотим въехать в свой дом к осени, нужно начинать строить уже сейчас.

— Но, Вилли, — мягко пыталась возразить жена, — разве мы можем сейчас позволить себе такой расход?

— О чем ты?

— Ну, — вздохнула Мисси, — о потере скота, например.

— Это ничего не меняет. Деньги на дом были отложены заранее.

— А на что же мы будем восстанавливать стадо?

— Придется подождать.

— Но, Вилли, если у нас не будет стада и мы не сможем продавать коров, то...

— Я обещал тебе дом, и это самое главное. Мы не можем позволить себе сейчас и то и другое, потому давай я сдержу обещание.

— Вилли, дорогой мой, я помню о твоём обещании, — начала говорить Мисси, где-то в глубине понимая, что позже пожалеет о своих словах, и одновременно сознавая, что обязана эти слова сказать. — Я знаю, что ты его выполнишь. Но, мне кажется, можно немного повременить. Давай пока останемся в этом доме и отложенные деньги используем на восстановление стада, наладим продажу скота. А на следующий год уже построим настоящий дом.

Мисси видела, как тяжело мужу дается не отступать от своего решения. Борясь со своими чувствами, он только крепко сжимал челюсти. А Мисси продолжала уговаривать:

— Вилли, поверь, я действительно считаю, что стадо для нас сейчас важнее дома.

— Но ты не можешь жить в этой хижине еще целый год!

— А почему? — искренне удивилась Мисси. — Я уже привыкла. Комната небольшая, но теплая. Сейчас весна, мы с Натаном будем в основном на воздухе, а к осени он уже подрастет, проблем станет меньше. Мы справимся, уверяю тебя.

Муж с женой долго молчали, глядя друг на друга, — точно кто-то взвешивал на весах все «за» и «против». Конечно, дом маленький и неудобный. Но если оставаться на ранчо, то надо в первую очередь восстанавливать стадо, без коров здесь не прожить, это ясно. А сомневаться в том, что Вилли не сдастся и не покинет горячо полюбившиеся холмы и долины, не приходилось.

«Боже! — молилась молодая женщина. — Не оставь нас в эту трудную минуту жизни! Мне нужно сейчас поддержать мужа, а я слаба. Пошли мне силы, Господи». И умиротворение снизошло на нее.

Вилли крепко обнял жену, и она поняла: муж принял ее жертву. Тихонько вытянув руку, Мисси коснулась щеки мужа. По его лицу бежала скупая мужская слеза. Слезы ручьем текли и по щекам Мисси. В этот момент они стали еще ближе друг другу.

Глава девятнадцатая. Огород Мисси

С наступлением долгожданной весны хлопот у Мисси прибавилось.

Натан подрастал, четырех стен для освоения мира ему было явно мало, и маме приходилось ломать голову, как устроить его на воздухе. Мальчик стал столь шустрый, что Мисси уже не осмеливалась оставлять малыша одного в комнате надолго. Только на минутку она выбегала из дома за топливом или зачерпнуть ведро снега, чтобы тут же вернуться обратно.

Воды требовалось немало, соответственно Мисси казалось, что она бесконечно растапливает снег. Пойти бы за водой к весеннему, звонко журчащему ручью! Но нести в одной руке ведро с водой, а в другой ребенка, которого нельзя же оставить без присмотра, — это слишком тяжело. А так хотелось не просто слышать, но увидеть своими глазами живую бегущую струящуюся воду — паспорт пришедшей весны.

«Не могу я больше сидеть дома. Не могу, — тяжело вздохнула Мисси. — Нужно скорее сменить обстановку, заняться чем-нибудь новым». Вязанье и шитье долгими зимними вечерами утомили молодую женщину, она была сыта по горло и домашней работой.

Мисси выглянула в окно, за которым светило весеннее солнышко. Как хочется подставить лицо жарким солнечным лучам! Как хочется сесть в седло и помчаться по бескрайним прериям! «Но с кем я оставляю Натана? — Мисси покачала головой. — Ничего не получится. А может?..» Неожиданно в памяти всплыла одна очень дорогая ей вещь, которую она сама положила в коробку, когда упаковывали вещи в дорогу.

Задолго до поездки на Запад в одном из ящиков комода Мисси нашла самодельный рюкзачок, один вид которого пробудил в ней самые трепетные чувства: он прочно ассоциировался у Мисси с любимым отцом. Конечно, Мисси не помнила, как отец повсюду носил ее, маленькую девочку, в этом рюкзачке, брал с собой в поле, на поденную работу. Это Марти потом рассказала ей. Лишившись жены, Кларк решил ни за что не оставлять малышку-дочь одну, смастерил рюкзак и не расставался с Мисси до тех самых пор, пока в доме не появилась Марти.

Так нужно поступить и с Натаном! Мисси вполне может ездить верхом с рюкзаком за плечами, и сынишка всегда будет рядом с матерью. Побежав в сарай, где хранились нераспакованные вещи, она отыскала этот старенький, до боли знакомый рюкзачок и сразу надела, чтобы показать мужу.

Вилли одобрил идею и подобрал жене спокойную лошадь. Теперь Мисси могла в любой момент, когда пожелает, отправиться на прогулку верхом. Надо лишь дождаться подходящей погоды. Однако чаяния молодой женщины на долгие прогулки не сбылись: Натан уже становился тяжелым и она скоро уставала, с неохотой приходилось возвращаться домой. Но рюкзак очень пригодился Мисси для похода вместе с сыном к ручью за водой.

Была еще одна проблема: еда. Как Мисси надоело готовить каждый день одно и то же! Ничего вкусного, ничего свежего. Консервы и сухие продукты — вот и весь ассортимент. Специи, которые так ценила молодая хозяйка, были найдены в одной из коробок, но применения им пока не нашлось. «Интересно, Вилли тоже эта еда кажется невкусной?» — думала порой Мисси. Но муж ее был джентльменом и всегда хвалил все, приготовленное женой.

Что ж, нужно воплощать мечту об огороде. Стоит Мисси заняться грядками и

посадками, как она сразу станет бодрее, дни не будут казаться пресными и нудными. Но приготовления, увы, были сорваны — сильный шквал вновь принес обильные снежные хлопья. Глядя на них, Мисси рыдала от отчаяния, роняя тоже обильные слезы в передник.

Снег таял неохотно, медленно, особенно там, где были большие сугробы — возле ручья. Но именно возле ручья Мисси и хотела устроить огород. С трудом ей удалось побороть искушение выйти с лопатой и начать копать уже сейчас; конечно, это была бы напрасная трата сил и времени.

Наконец зима с завидной неизбежностью проиграла битву наступающей весне, снегопады сменились ливневыми дождями, и однажды, выйдя на улицу, Мисси с удивлением обнаружила, что от зимы не осталось и следа.

Она принялась настойчиво просить Вилли вспахать ей под огород землю, но Вилли был благоразумным человеком.

— Еще рано, дорогая, земля не прогрелась. Ты не забывай — здесь не восток, в предгорье ночные заморозки не редкость.

Мисси не могла услышать этих слов — она изнывала от нетерпения, и Вилли сдался. Он распахал небольшой кусок земли.

Ах, что творилось с Мисси! С каким упоением высевала она семена на грядках! Положив рядом с собой толстое одеяло, молодая мама посадила на него сына и полагала, что ребенок будет радоваться весеннему солнышку. Однако малыш, ошеломленный непривычной обстановкой, начал капризничать, и Мисси ничем не удавалось его развлечь. Только когда мама повернула малыша на животик и, ласково поглаживая, стала успокаивать, он уснул.

— Спи, мой милый, хотя ты и упускаешь много хорошего: ясное голубое небо, прикосновение к коже весеннего ветерка, запах оттаявшей земли, — тихонько говорила сыну Мисси. — Когда-нибудь, я думаю, ты сможешь оценить все это. А сейчас твоя мама будет наслаждаться весной.

С каждым брошенным в землю семечком — а семян у Мисси было много — сердце молодой женщины ликовало. Она изголодалась по зеленым, самым настоящим росткам. Скорей бы все это выросло. Мисси почти чувствовала запах спелых овощей, несравненный вкус свежей зелени.

Посажены семена были довольно быстро. Натан все еще спал, а молодая мама, пристроившись рядом с ним на одеяле, слушала веселое журчание ручейка. «Господи! — возвела она очи к небу. — Спасибо Тебе за то, что после долгой, холодной зимы всегда наступает весна, которая прогоняет мороз и зимнюю депрессию, и в жизни опять появляются ростки обновления».

Малыш проснулся. Мисси взяла его на руки и, стараясь передать сыну свой восторг от красоты мира, поворачивала его то в одну сторону то в другую и показывала небо, солнце, горы. Но всем этим красотам крошка Натан предпочел лицо и обнимающие его руки матери, от которых он не отводил глаз.

После сна ребенок был голоден, и Мисси знала, что очень скоро он потребует свой обед. Молодая мама собрала вещи малыша, завернула его в одеяло и пошла домой.

В эту ночь выпал снег. Утром Мисси выглянула в окно, надеясь увидеть такой же прекрасный ясный, солнечный день, как вчера, но на земле лежало белоснежное покрывало.

— Посадки! Мои посадки! — со стоном Мисси схватилась за голову.

— Ничего страшного. Просто земля увлажнится, когда солнце растопит снег, —

поспешил успокоить жену Вилли. — Это даже хорошо для семян, которые ты посадила, они получают дополнительную влагу.

Молодая женщина благодарно улыбнулась мужу. Правду ли он говорил или хотел успокоить Мисси, но Вилли заботился о ней, и это было самое главное.

Пригрев, солнце быстро растопило выпавший снег. Над черной землей от испарявшейся влаги стояла легкая дымка.

После той ночи еще не раз Мисси, выглядывая утром на улицу, обнаруживала снег и подмерзшую землю. В такие дни она молилась, чтобы ни одно из посаженных семян не выпустило смелого ростка из утробы теплой грядки на все еще холодный свет.

Понимая, что в земле семена надежно защищены от ночных заморозков, Мисси тем не менее страстно ждала первых всходов. Каждый день она искала признаки жизни на своих грядках, и однажды зеленые ростки проклюнулись и постепенно стали образовывать все более густые зеленые ряды. На огороде у Мисси все пошло в рост. Она уже легко различала лук, редис, морковь, горох и бобы.

И вот опять в одну из ночей страшный мороз. Большая часть зеленых крепких ростков замерзла и поникла.

И опять Вилли вынужден был поднимать дух поникшей Мисси.

— Дорогая, еще есть время посадить семена заново. Я с удовольствием перекопаю грядки с подмороженными всходами.

Мисси отрицательно покачала головой.

— Я знаю, как ты занят, а мне физическая нагрузка лишь на пользу. Я сама.

Снова был засеян огород, и Мисси опять стала ждать всходов. Однако в этот раз ей стало казаться, что зеленые ростки уж слишком долго не появляются.

Но настали наконец по-настоящему теплые дни. В один из таких дней Мисси вышла проверить свои грядки и с радостью обнаружила, что лук подрос и его, пожалуй, можно срывать к столу. Она оторвала первое зеленое перо и попробовала. Это был настоящий лук, вкус которого Мисси уже почти забыла. Переходя от растения к растению, она отрывала зеленые перья и жадно съедала. По всей длине грядки за ней оставались жалкие общипанные пучки. Мисси наклонилась к очередному пучку — и тут на нее напала отрыжка. «Поела лучку! Какой же я поросенок, — Мисси было и смешно и тошно. — Что подумает Вилли?»

Чувствуя себя очень виноватой, молодая женщина попыталась привести в порядок грядку, затем вынула из гнезд несколько зеленых пучков — к мясному блюду, которое предполагалось в обед, и пошла в дом.

Мисси явно объелась. Истосковавшись по овощам и зелени, она не в меру съела зеленого лука и теперь мучилась неприятными ощущениями в желудке. Вечером, когда вернулся Вилли, жена не могла ужинать вместе с ним. Запах свежего лука в подливе к мясу уже не искушал Мисси.

— Ты бледна, моя дорогая. Что случилось? — забеспокоился Вилли.

— Похоже, что-то не то съела.

— Ты уверена, что в этом дело?

— Да, конечно.

— Мисси, лучше ложись, я сам справлюсь с ужином. — Вилли уложил жену в постель. — Что у тебя болит — желудок?

— Крутит в животе.

— Прими какое-нибудь лекарство.

— Не надо, так пройдет.

Вилли не устраивало подобное решение проблемы. Он вытащил на стол коробку с таблетками и микстурами и принялся разбирать надписи на бутылочках и баночках.

— Мисси, скажи, что ты чувствуешь. Мне легче будет подобрать лекарство.

И Мисси ответила — неожиданно громкой отрывистой, следом смутилась и захихикала.

— Ничего не понимаю. — Вилли резко повернулся к жене. «Странное это поведение можно объяснить либо проявлениями психологического одиночества в пустыне западной прерии, либо и вправду не то что-нибудь съела», — поставил он свой диагноз.

Понимая комичность ситуации и не в силах более сдерживаться, Мисси залилась веселым смехом.

— Я сомневаюсь, что тебе удастся среди наших лекарств найти пилюли от свежего лука.

— Лука? — удивился Вилли. — Какого лука?

— Моего. Лук уже достаточно вырос, и я как настоящий поросенок обьяелась луком с грядки. — Мисси закончила признание болезненной гримасой. — Ты понимаешь, сначала было так вкусно, я не могла оторваться, но потом... — Мисси поморщилась и добавила со вздохом: — Сейчас он мне не кажется вкусным.

— Как? Значит, ты ела лук, пока... — недоверчиво уточнял Вилли.

Мисси кивнула, громко икнув.

— Ах ты, бедняжка, — успокоившись, Вилли разразился неудержимым хохотом. Подойдя к кровати и поцеловав жену, Вилли шутливо сморщил нос. — Мэм, вы обьяелись луком.

— Спрячь все лекарства. К утру пройдет, — успокоила мужа Мисси. Они еще долго весело смеялись.

Но Вилли все же настоял на том, чтобы жена приняла микстуру для улучшения пищеварения и, заботливо подоткнув одеяло, посоветовал ей уснуть.

Наутро у Мисси все прошло, зато Натан весь день капризничал. Мисси не переставала ругать себя: так неосмотрительно она вчера набросилась на грядку с луком, забыв даже, что кормит ребенка! Но когда желудок молодой мамы пришел в норму, успокоился и малыш. «Мы с ним хорошо прочувствовали каждое перышко свежей хрустящей зелени, — улыбнулась себе Мисси. — А пожалуй, стоило испробовать. Все-таки весна».

Глава двадцатая. Лето

Лето установилось. Погода была жаркая, и огород Мисси процветал. Каждый день она подавала к столу свежие овощи со своих грядок. Вилли купил еще несколько десятков голов скота, чтобы поддержать стадо, но ныне он предусмотрительно решил нанять больше людей для охраны и затем лишь начать клеймение животных. Вилли с Генри несколько дней были заняты строительством дома из дерна для новых работников. А когда жилище было построено, Вилли стал готовиться к поездке в Тетфорд, где он собирался сделать хозяйственные закупки и поискать ковбоев на ранчо. Ехать решили на двух упряжках в ближайший четверг.

Посмотрев свой самодельный календарь, Мисси поняла, что мужа не будет целых три недели. Как бы она хотела поехать вместе с ним! Она так соскучилась по своим подружкам! Хорошо бы поболтать с друзьями за чашечкой чая с кексом, походить по магазинам. Но Мисси знала, что поездка долгая, — и удержалась от просьбы поехать с мужем. Ей бы, конечно, не составило труда смириться с неудобствами в дороге, а вот Натану в эту жару вряд ли будет комфортно в пути.

Мисси написала письма друзьям — Мелинде, Кэти и пастору с женой. Самое подробное письмо было адресовано миссис Тейлорсон; оно содержало исчерпывающий отчет о том, как растет Натан, что уже научился делать и что пытается делать — вплоть до того самого момента, когда Мисси дописывала это письмо.

Очень долго супруги составляли список вещей, которые нужно купить. Мисси старалась учесть все, что ей понадобится в следующем году, и решала, что из этого она может себе позволить.

Самым сложным оказался список для Натана. Сын рос быстро и взрослел с каждым днем. Что ему потребуется через год, трудно было представить. Скоро он уже будет играть на улице, значит, нужны ботиночки, брючки, другие рубашечки. Как одеть ребенка за один заход в магазин? Мисси решила, что в таком деле Вилли нужна помощь, и составила отдельный список, который муж должен был передать Мелинде. В перечень покупок, кроме всего, входили пряжа, ткани и два подарка для Вилли, один на приближающийся день рождения, другой на следующее Рождество. Мисси также просила Мелинду купить маленькую игрушку Натану на его первый день рождения.

Вилли спрятал в карман список для Мелинды, еще раз проверил и перепроверил свой хозяйственный список и, повернувшись к жене, спросил:

— Дорогая, что привезти тебе? Может, будет какой-то особый заказ?

Мисси выпалила не колеблясь:

— Привези, пожалуйста, дюжину курочек и пару петушков. Я давно мечтаю о цыплятах. Вилли раскрыл рот от удивления.

— Цыплят? Ты хочешь цыплят?

— А почему нет? Представь только, что для нас значит дюжина несущек. Это вареные яйца, омлеты, яичница. Это жареный цыпленок, цыпленок на вертеле, цыпленок с клецками и еще столько всего.

— Это я понимаю, Мисси. Но цыплята — здесь?

— А что значит — здесь?

— У нас нет кормов для них.

— Так зачем? Они могут сами себя прокормить, пусть клюют траву.

— Птица будет голодать и может погибнуть.

— Тогда давай купим корма.

— Значит, и курятник надо строить.

— Они вполне могут жить в домике из дерна. Как и я. — Подбородок Мисси упрямо смотрел вверх.

— Ну, хорошо, — засмеялся Вилли, видя, что жена непреклонна. — Я подумаю.

— Вилли, это единственное, о чем я тебя прошу, — все еще строгим тоном говорила Мисси, хотя уже успокоилась, поняв, что муж постарается выполнить ее просьбу.

С отъездом мужа жизнь Мисси была наполнена тоской одиночества.

Каждый день она брала Натана на прогулку верхом, но не осмеливалась на дальние поездки и старалась выходить из дому лишь по утрам, пока солнце не очень жгучее. Когда Натан днем спал, Мисси удавалось заняться своим огородом, порой она просто шла прогуляться к ручью.

Иногда Мисси перекидывалась словечком с поваром. После отъезда Вилли он как будто считал себя ответственным за молодую маму с ребенком. Каждое утро он приносил Мисси воды из ручья, за что молодая женщина была ему очень благодарна. Вид прихрамывающего повара с тяжелыми ведрами в руках трогал ее до слез.

Избегая появляться на полуденном солнце, Мисси в самую жару оставалась в своем маленьком уютном доме, где, к ее удивлению, летом оказалось приятно прохладно. И тем не менее, Мисси не переставала тосковать по другой прохладе — по той, которой она наслаждалась, сидя в тени высоких деревьев родительского дома.

Прошло уже восемнадцать дней, как уехал Вилли. Мисси начала с нетерпением поглядывать на дальние холмы, тайно надеясь, что ему удастся быстро сделать свои дела и приехать раньше.

Как-то днем Мисси по обыкновению вперила глаза вдаль и осматривала все, что было доступно взгляду до самого горизонта. Неожиданно она увидела на склоне холма одинокого всадника, направлявшегося прямо к ее дому. Мисси очень удивилась. «Кто бы это мог быть? Это точно не Клем и не Сэнди», — вычисляла она.

Лошадь с всадником подъехала к дому.

— Женщина! — Мисси едва могла поверить своим глазам.

Она вышла навстречу гостье. В этот миг несчастная затворница вполне поняла, насколько сильно она скучает без женского общества. Ни поболтать, ни поделиться с подружкой, ни просто вместе посмеяться над каким-нибудь пустяком. Мисси смахнула с ресниц слезы и заставила себя успокоиться: «Еще напугаю гостью слишком бурным приемом, и она решит, что я не в себе».

Незнакомка спешила. Теперь они стояли рядом, глядя друг на друга, и постепенно улыбка озарила их молодые лица. В глазах гостьи Мисси увидела то же одиночество, от которого страдала сама, и сразу почувствовала симпатию к незнакомке, совсем молодой женщине, смуглой, с темными глазами и распущенными по плечам длинными волосами. Полные ее губы, казалось, готовы были рассмеяться в любую минуту.

— Я так рада видеть тебя! — воскликнула Мисси, взяв гостью за руку. Та ответила теплым объятием.

Обе они сделали шаг назад, продолжая изучающе смотреть друг на друга.

— Откуда ты? — спросила Мисси.

К ее изумлению, гостья ответила на непонятном языке.

— Сожалею, — ответила Мисси, нахмутив брови, — но я не понимаю тебя. Ты говоришь по-английски?

Поток мелодичных слов последовал за этим вопросом, но они ровно ничего не значили для Мисси.

— Значит, ты не говоришь по-английски?

Гостья пожала плечами, и Мисси стало до слез обидно.

— Хорошо, пойдем в дом, — сказала она, беря незнакомку за руку. — По крайней мере, попьем чаю.

Проведя гостью в дом, Мисси разожгла огонь в маленькой печке и поставила чайник. Молодая женщина меж тем, увидев малыша, вскрикнула от радости и склонилась над ним, агукая. Натан лежал в кроватке и нисколько не смущался присутствием незнакомки. Обернувшись к Мисси, гостья что-то быстро заговорила, и на этот раз по умоляющему взгляду женщины Мисси сумела разобрать ее слова: ей хотелось взять ребенка на руки. Мисси согласно кивнула.

Осторожно подняв Натана, молодая женщина нежно прижала малыша к себе и стала ласково разговаривать с ним. Малыш в ответ улыбался и лопотал по-своему. Казалось, он уловил, о чем с ним беседуют.

Огонь в печке быстро разгорался. Мисси подвинула чайник поближе к огню и присоединилась к разговору.

— Натан, — сказала Мисси, показывая на сына.

— На-тан, — медленно повторила гостья.

— Мисси, — указала на себя хозяйка.

— Мис-си, — гостья улыбнулась и назвала себя: — Мария.

Так много хотелось Мисси рассказать, расспросить, но они могли лишь улыбаться друг другу, пить чай и играть с Натаном.

Настал момент, когда Мария жестами показала, что ей надо идти. Мисси не могла представить, что она снова будет одна. Ей так нужна подруга!

— Подожди, — сказала хозяйка, — не уходи. Давай помолимся вместе.

Мария пожала плечами, очевидно, не понимая услышанного.

— Будем молиться, — Мисси показала на себя и на Марию, сложив молитвенно руки.

— Si, — ответила гостья, и ее лицо осветилось понимающей улыбкой. Она преклонила колени на земляном полу. Мисси сделала то же.

і — прошу вместо точки над і поставить acento (ударение) — И.С.

— Господи, — начала Мисси, — спасибо Тебе, что Ты прислал ко мне Марию. Хотя я не могу говорить с ней, я чувствую ее дружбу и симпатию ко мне. Господи, пусть бы Мария снова пришла ко мне вскоре, а я бы выучила немного слов из ее языка и сказала бы, как я рада ее видеть. Спасибо Тебе, Господи, что мы можем вместе помолиться, и благослови Марию на обратный путь домой, где бы ни был ее дом. Аминь.

Помолившись, Мисси уже собиралась подняться с колен, но ее остановил тихий голос Марии. Мисси открыла глаза — перед ней молилась гостья: глаза закрыты, лицо благоговейно поднято кверху, руки сжимают висящие на шее бусы. Голос Марии журчал словно ручеек. Мисси уловила в потоке слов свое имя, имя своего сына и «аминь».

Они поднялись вместе и улыбнулись друг другу. По лицу Мисси текли слезы: она никогда не слышала молитвы на другом языке, никогда не молилась с человеком другой

веры. Мисси поняла, что Мария знает Господа, и в молитве они обе обрели облегчение и душевный подъем. Конечно, это Господь послал Марию к ней. Мисси подошла к гостье и крепко обняла ее на прощание.

Глава двадцать первая. Возвращение Вилли

Мисси уже отметила в своем календаре двадцать первый день с момента отъезда Вилли в Тетфорд, а муж все не возвращался. Бедная женщина проглядела все глаза, но, увы, никаких клубов пыли от движущегося фургона на склонах холмов. Ужин для мужа еще можно было сохранить горячим в печке, но пироги остывали, как хозяйка ни старалась укутать их.

Мисси зажгла светильник и попыталась читать. Мысли вернулись к тем стихам, которые она удерживала в памяти в течение долгих месяцев. Ей не нужно было заглядывать на страницу Библии, Мисси хорошо знала их по памяти. Но именно сейчас захотелось увидеть эти строки глазами: «Не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя десницею правды Моей». Мисси прочла эти строфы несколько раз, пока не почувствовала успокоение в душе. Затем задула светильник и пошла спать.

Следующее утро началось как обычно — пристальным разглядыванием отдаленных холмов: нет ли там маленьких точек на горизонте, которые могли бы означать всадников, нет ли облачков пыли, поднимающихся из-под копыт лошадей или колес трясущегося фургона. Но ее беспокойный, нетерпеливый взор встретил, увы, только ослепительно сверкающее восходящее солнце. Вечером же, когда спустились сумерки и Мисси вынуждена была оставить свои тщетные наблюдения, она снова читала при светильнике стихи из Исаии и, ложась спать рядом с маленьким сыном, все повторяла про себя эти строфы, пытаясь отогнать смятение и беспокойство.

Наступил третий день от срока. С рассвета до заката встревоженная молодая женщина не отрывала взгляда от склонов холмов, всматриваясь во все, что двигалось. Мисси приготовила уже третий ужин для бывшего где-то в пути мужа. Из всех сил она пыталась держать себя в руках, но вопрос: что будет, если Вилли не вернется? — терзал ее душу. С неизбежностью молодая женщина возвращалась мыслями к матери и к тому страшному испытанию, которое выпало ей, когда ее Клем не вернулся.

Кто поручится, что подобное не произойдет и с ней? Сердце Мисси то беспокойно билось, то замирало. Она бросилась на кровать.

— О Господи, — рыдала Мисси, — Ты знаешь, что я читала и впитывала Твое Слово, но я, наверное, не вполне уверовала в Твое Слово — в самой глубине сердца. Помоги мне, Господи. Помоги мне поверить Твоему Слову, в действительности поверить. Я знаю: что ни произойдет, все в Твоих руках и все к лучшему. Господи, я отдаю в Твои руки мою жизнь, моего Вилли, все, что у меня есть. Укрепи веру мою, Господи!

Мисси еще долго плакала, но наконец умиротворение снизошло на нее и бешеный стук сердца унялся.

Ночью Мисси проснулась от топота копыт. Она мгновенно вскочила и бросилась к окну, полагая, что это фургоны Вилли въехали во двор, но вместо того увидела в лунном свете несколько незнакомых всадников. Через двор к ним шел повар Адамс.

— Что-то случилось, — прошептала Мисси. Ее сердце сжалось. — Что-то произошло с Вилли.

Колени молодой женщины подкосились, и она опустилась на табуретку.

— О Господи, помоги мне... Прошу Тебя, помоги мне.

Мисси сидела за столом, уронив голову на руки, полная решимости принять известие,

которое сейчас принесет ей повар. Слез не было, только тупая, унылая пустота.

За дверью раздались шаги, и Мисси услышала, как повар тихо произнес ее имя, затем дверь открылась. Лунный свет заливал всю его фигуру.

— Миссис Ла Хэй? — Мисси догадалась, что в темноте Адамс не видит, где она сидит.

— Да, — тихо отозвалась молодая женщина.

— Я вот подумал: вы, наверное, слышите шум во дворе и, может, волнуетесь, в чем дело. Так это новые работники прибыли на ранчо. Ваш муж нанял их. А сам он с фургонами приедет завтра.

У Мисси все перевернулось внутри. Ей хотелось кричать, смеяться, бежать куда-то, расплакаться благодарными слезами. Но она только сказала срывающимся от пережитого ужаса голосом:

— Спасибо. Я и правда была удивлена странным шумом во дворе.

Дверь за поваром закрылась, и Мисси, уже не сдерживаясь, разрыдалась, дав наконец выход своим чувствам. «Спасибо тебе, Господи. Спасибо», — шептала она, всхлипывая.

Мисси никогда не рассказывала мужу о том, что пережила в эти три мучительных дня ожидания, об ужасе, охватившем ее той страшной ночью при виде незнакомых людей во дворе. Вилли, скорее всего, и не понял бы. Когда пыльные, грязные фургоны въехали во двор, Мисси вышла навстречу любимому мужу с приветливой улыбкой.

Из Тетфорда Вилли привез строительные материалы, продукты, письма и новости, которые ему не терпелось рассказать, и, сделав необходимые распоряжения, сразу пошел с женой в дом.

— Как я скучал по тебе, дорогая, — шептал Вилли, обнимая и целуя жену. — Мне казалось, что поездка не закончится никогда, что я навеки застрял в пути. А ты скучала по мне? Ну хоть немножко? — чуть поддразнивал жену Вилли.

— Немножко, да, — взвесив, чтоб чего не напугать, ответила Мисси и постаралась скрыть улыбку. — Да, немножко, — повторила она и поцеловала мужа.

Вытащив было письма, адресованные жене, Вилли счел за лучшее отложить их в сторону: уж конечно, он вернее расскажет обо всем, что случилось в Тетфорде.

— Дорогая, приготовься, есть одно печальное известие: жена пастора упала и теперь лежит со сломанной ногой.

— О, бедная женщина! Бедная женщина! — Мисси с большим сочувствием покачивала головой.

— А зато вторая новость просто сногшибательная. Только представь: Кэти Вайсс нашла себе молодого мужа.

— А как же Генри? Мне очень жаль несчастного парня, — опечалилась Мисси.

Вилли победоносно улыбался:

— «Несчастный парень», говоришь, угу. Этот «несчастный парень», оказывается, ловко водил нас за нос. Ухаживал-то он вовсе не за Кэти, его пассией с самого начала была молодая вдовушка Мелинда Эмори, и он выжидал, когда будет прилично обнаружить свои чувства.

— Ты это серьезно? — недоверчиво спросила Мисси и задумалась. — Ну что ж, Мелинда — тоже хорошая партия.

— Это еще не все, — упивался своей ролью вестника Вилли. — Генри пошел далеко в своих серьезных намерениях: он приобретает землю в собственность рядом с нами, так что очень скоро у нас появятся хорошие соседи!

Мисси не знала, куда себя деть от восторга. Дом Мелинды — здесь, совсем рядом! Можно будет часто видаться с подругой, можно будет... — да перечислишь ли все. Скорее бы!

Были и еще новости.

— Мисси, не поверишь: недалеко отсюда собираются строить железную дорогу. В восемнадцати или двадцати милях от нашего ранчо — а может, и ближе, пока точно неизвестно — будет пункт приема скота. Ты понимаешь, что это означает? Железная дорога, город, новые люди, связь с Востоком... У нас будет много соседей, будем общаться, ходить друг к другу в гости.

— Неужели, Вилли? — Широко раскрытыми от удивления глазами молодая женщина неотрывно смотрела на мужа. — А когда все это будет?

— Ну, не завтра, не завтра, дорогая, — отвечал Вилли, хорошо знавший существо дела. — Но одно можно сказать определенно: работы по строительству железной дороги уже идут, и не исключено, что через пару лет — а иные говорят, и раньше — сюда проложат рельсы. А как только здесь будет железная дорога, сразу в наши места потянутся люди. Так всегда бывает. Мисси, только представь: железная дорога, пункт приема скота, больше не надо самим перегонять коров — и при этом никаких потерь. Мясо благополучно поступает на рынок, а немалая прибыль — в карман владельца скота. Вот так-то.

В порыве чувств Вилли поднял жену и стал кружить по комнате. Натан с любопытством наблюдал за ними из кровати. Это было новое впечатление в его жизни.

— Мисси, мы приехали сюда в самое подходящее время, — говорил Вилли, опуская жену на пол. — Все идет как никогда хорошо. Теперь каждый более или менее приличный кусок земли будет продан по высокой цене, и скот тоже должен подняться в цене. Следующей весной, как только мы продадим часть стада, сразу построим новый дом. Вполне ведь приличное для жизни место, а? — продолжал радоваться Вилли. — Пока же в этом домишке поживем.

— Вилли, не забывай, как важен дом для семьи, — мягко пожурила мужа Мисси, хотя в глубине души была согласна с ним. — Дом — это основа нашей жизни; в доме мы готовим еду, спим, поддерживаем в нем тепло. Такой домик, как наш теперешний, хорош только для начала.

Широко улыбнувшись, Вилли обнял жену. Конечно, она права.

— Ну, а как наш малыш? — Вилли подошел к сыну и взял его на руки.

— Он у нас молодец! — похвалила мама.

— Лука больше не ест?

— Немного. В основном мы добавляем зелень в то, что варим и тушим.

— Мисси, по-моему, наш сын подрос. — Прижав к себе малыша, Вилли поцеловал его в мягкие завитки волос. — У меня, дорогой мой малыш, есть для тебя сюрприз. И он совсем не такой беспокойный, как эти мамины цыплята.

— Цыплята! — пронзительно закричала Мисси. — Где мои цыплята?!

— Еще в фургоне. Работники делают сейчас для них загон. Ну и беспокойное же хозяйство, эти цыплята!

— Сколько их? — Мисси прыгала от радости, как девчонка.

— Пара петушков и одиннадцать курочек. Я с трудом их добыл. Люди, Мисси, почему-то считают, что у них есть более важные дела, чем возиться с цыплятами.

Но Мисси было не до шуток — она стрелой полетела на улицу, к своим пушистым

комочкам. Следом за ней из дома вышел и Вилли с Натаном на руках.

Мужчины как раз заканчивали прикреплять маленькими гвоздями металлическую сетку к столбцам, ограждавшим место для цыплят. Генри навешивал дверку, которую только что смастерили. Работники переглядывались и недовольно пожимали плечами: вот еще «коров» прибыло. Вообще-то они привыкли заниматься более серьезными делами, чем устанавливать загоны для кур.

Вилли отдал Натана матери и пошел выпускать цыплят в загон. Цыплята пищали, беспокойно хлопали крыльями, очевидно не оценивая той свободы, которую им предоставили после долгой дороги в тесной клетки. Выглядели они не очень привлекательно, совсем не были похожи на гордых, напыщенных курочек Марти. Ходя вокруг загона, Мисси жадно рассматривала пополнение в своем хозяйстве. В глазах ее стояло бесконечное удивление: «Неужели эти заморыши будут когда-нибудь нести яйца для обеденного стола?» Один цыпленок так и остался лежать в клетки, став жертвой либо страшной жары в пути, либо какой-то болезни.

— Я уберу его, пока мухи не налетели, — увидев мертвого цыпленка, сказал Вилли. — А вообще, надо их всех продезинфицировать, прежде чем запускать в курятник. Не то занесут еще в хозяйство какую-нибудь заразу.

Мисси в душе посмеялась над мужем, но спорить не стала. Ее золотые цыплятки перенесут и это.

— Ну вот, это последнее, что я сделаю для твоих цыплят, а дальше они поступают в твое распоряжение. По правде говоря, никогда не испытывал особой нежности к цыплятам, — подытожил свою миссию Вилли.

Бедняжка Вилли! Мисси понимала, какой нележкой была для него эта цыплячья история. Она смотрела на мужа, и любовь переполняла ее сердце, из глубины которого выплеснулись самые простые и самые дорогие слова:

— Вилли, я люблю тебя. Очень люблю.

— В таком случае, миссис Ла Хэй, — широко улыбнулся Вилли жене, — я всегда буду рад вашим цыплятам.

Обещанный Натану сюрприз оказался очаровательным щенком. Малыш пухленькими ручками сразу потянулся к щенку, стараясь погладить его, а тот принялся ласково облизывать ребенка.

— Хорошо, что мне пришла в голову мысль взять в дом собаку. — Вилли, стоя рядом, по-хозяйски разглядывал щенка. — Когда этот щенок превратится в огромного пса, будет кому охранять твоих цыплят от койотов. И вообще, скоро здесь построят железную дорогу, неизвестно, какой народ понаедет. Всегда спокойнее, когда во дворе надежный сторож.

Мисси молча слушала мужа. Устремив взор ему за спину, где лежали необъятные просторы прерий, она не могла не улыбаться мечтам Вилли о кипящей, полной событиями жизни, о грядущей многолюдности этого пустынного края. Неожиданно Мисси вспомнила, что не рассказала мужу о своей новости.

— Вилли! — вскрикнула она. — Чуть не забыла! У меня ведь тут была гостья, честное слово. Хотя временами уже кажется, что это мне все приснилось. Как мне хочется, чтобы она снова пришла. Нам было хорошо вместе, Вилли. Мы с ней и помолились здесь.

— Откуда она взялась?

— Не знаю.

— Так ты не спросила?

Мисси засмеялась:

— Я спрашивала. Я вообще ее о многом спрашивала, и она отвечала, да только я не могла понять ее языка... И тогда мы просто пили чай и играли с Натаном.

Вилли недоумевал:

— Какой странный визит.

— Что тут странного? Она не знает английского, а я не понимаю ее языка.

— Да, любопытно. И вы молились вместе?

— Ну да.

— Но ты ведь не понимала слов, которые она говорила?

— Да, слов я не понимала, но в целом все было ясно, Вилли. Она очень милая, вот в чем дело. И совсем юная. Я так часто вспоминаю нашу встречу. Скорей бы она пришла снова. Мы бы опять попили чаю, поиграли б с Натаном, помолились вместе. У нас много общего.

Глубоко задумавшись, Вилли молчал некоторое время. Потом подошел к жене и заглянул ей глубоко в глаза.

— Дорогая, теперь только я понял, как тебе было одиноко. Я все время занят делами: ранчо, скот — и никогда мне в голову не приходило, что ты, может быть, скучаешь по женскому обществу. Конечно, Мисси, я должен был взять тебя с собой в город, ты бы повидалась с подругами, поболтала с ними, сходила в гости. Я не думал о том, чем ты живешь внутри себя, Мисси, а ты... Ты никогда не жаловалась, и чем дальше, тем больше я совершал нелепых ошибок. В твоём нынешнем окружении лишь унылые ковбои, думающий только о работе муж да младенец, который еще не умеет разговаривать. Но ты, дорогая, ни разу не пожаловалась. Спасибо тебе за это. И знай, я тебя очень-очень люблю.

Долгое время они стояли, обнявшись, пока не заметили, что Натан со своим новым товарищем слишком расшалился и уже забрался в грязь.

Глава двадцать вторая. Послеобеденный чай

На следующее утро, пока Натан спал, Мисси пошла к ручью за водой для своих цыплят. Она приняла твердое решение как можно скорее иметь возможность готовить на завтрак яйца.

День собирался быть жарким. «Сегодня, наверное, даже в нашем домике будет душно, — решила Мисси. — В самую жару отнесу Натана в тень кустарника, что растет у ручья».

Беззаботно напевая что-то себе под нос, Мисси шла быстро, легким пружинистым шагом и раскачивала на ходу пустыми ведрами. На сердце у нее было легко. Вилли наконец-то дома. Привез хорошие новости от друзей. Скоро она и ее семья будут радоваться тем вкусным разнообразным блюдам на столе, к которым она привыкла с детства. Теперь в доме есть молоко, появились цыплята, и ее огород процветает изобилием.

Мисси шла, вспоминая строчки из полученных писем. До чего жалко бедную жену пастора! А миссис Тейлорсон! Вот истинный друг. Кроме всех теплых слов, адресованных Мисси и ее малышу, она не забыла прислать Натану еще и крошечные ботиночки. Судя по тому, как быстро растет мальчик, они ему наверняка скоро понадобятся. Кэти в письме много рассказывала о своем муже. «Похоже, для Кэти он олицетворяет собой сразу и Самсона, и Соломона, и апостола Иоанна», — улыбнулась Мисси. Письмо Мелинды совсем другое. Мисси перечитывала его много раз. Еще бы! Мелинда — ее будущая соседка. Скорее бы это произошло! Зима в домике из дерна покажется не такой ужасной, если рядом будет подруга. Мелинда писала о городских новостях, о работе в школе, о церкви. Боль от потери мужа, по ее словам, постепенно утихает, хотя она по-прежнему частенько плачет. Мелинда очень хвалила Генри, говорила о его чуткости, заботливости и преданности, называла его мужественным. «Да, — подумала Мисси, — Генри прекрасный муж для такой женщины, как Мелинда».

Вернувшись от ручья, Мисси вылила воду в лохань и дала цыплятам корм.

— А ну-ка быстрее начинайте нести яйца, — шутливо пригрозила хозяйка цыплятам, — иначе окажитесь у нас на столе — запеченными в тесте.

Они, похоже, не очень испугались и шумно сражались за место у лохани.

— Ах, вы смешные пестрые комочки, — приговаривала Мисси, разглядывая худосочных цыплят и улыбаясь, — подождите недельку- другую, и вы округлитесь, расправите перышки. Сейчас вы выглядите так, словно надели свои шубки наизнанку.

Мисси подхватила ведра и направилась к дому, пока Натан не проснулся и не начал звать маму.

Обогнув кухню, она вдруг увидела всех работников ранчо — их собрал Вилли, чтобы познакомиться друг с другом. Кто сидел на корточках, кто стоял, прислонившись к стене, один ковбой полулежал, облокотившись о землю. Повар сидел на скамье возле входа в кухню и первый заметил подошедшую Мисси.

Молодая женщина меж тем остановилась, прислушиваясь.

— Будем жить и работать вместе и постараемся сделать так, чтобы всем было удобно и комфортно, — говорил Вилли. — А сейчас я вас друг другу представлю. Вы уже знакомы с нашим бригадиром Скотти. Он хорошо знает работу на ранчо, в частности все, что касается животных. Бригадир будет составлять график, давать вам поручения и отчитываться передо мной о делах. Вы находитесь в его ведении и с любыми просьбами, жалобами обращайтесь к

бригадиру. Если он не сможет сам решить ваши проблемы, то сообщит ваши пожелания мне. А это наш повар Адамс, готовит он очень вкусно. Каждый день, в определенное время Адамс ждет вас на кухне. Для тех, кто приходит со смены или заступает на смену, даже ночную, всегда есть горячий кофе.

Вилли заметил добрую улыбку повара, глядящего куда-то в сторону, и, повернувшись, увидел жену. Мисси стояла, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. Вилли заулыбался.

— А вот и украшение нашей с вами фермерской жизни, — с гордостью проговорил Вилли. — Я хочу познакомить вас с моей женой, миссис Ла Хэй.

Мисси скромно поклонилась.

— Мисси, — продолжал муж, — это наши новые ковбои, а это бригадир Скотти.

Мисси посмотрела на Скотти. Он застенчиво улыбался. Его голубые глаза светились добротой, кривые ноги самым надежным образом свидетельствовали о том, что он не один день провел в седле. Было что-то в этом человеке со смуглым, обветренным лицом, что делало его сродни бескрайним просторам и холмам, лежащим за его спиной. Мисси поняла: Вилли сделал правильный выбор, на такого помощника определенно можно положиться.

Скотти, приветствуя хозяйку, слегка наклонил голову, выражение его лица прочитывалось очень легко: «Если во мне есть необходимость, я всегда готов помочь». Слегка улыбнувшись, Мисси сказала глазами «спасибо».

Тем временем Вилли продолжал представлять остальных.

— Это Расти.

Мисси перевела взгляд на веснушчатого, огненно-рыжего вихрастого паренька. И здесь ее встретила широкая радостная улыбка.

«Он едва ли не подросток», — подумала Мисси. И ее женское сердце сжалось при мысли о матери паренька, которая, наверное, где-то волнуется и молится за сына. Мисси тепло улыбнулась ему в ответ.

— А это Смит, — продолжал представлять работников Вилли.

Мисси посмотрела на Смита. Ее встретил жесткий взгляд черных глаз на потемневшем от солнца лице. Он слегка кивнул и сразу опустил глаза. «Что-то ожесточило его бедное сердце и поселило горечь в его душе, — со вздохом заключила Мисси. — Что бы это могло быть?»

— Брэди, — показал Вилли еще на одного работника.

Мисси встретила холодный расчетливый взгляд дерзких глаз. Под его пристальным взглядом молодая женщина почувствовала неловкость и тотчас повернулась к Вилли. Ей стало не по себе от нагловатого работника.

— Ну, и Лейн, — представил Вилли мужчину, сидящего на земле.

Молодой мужчина встал, когда к нему обратились. От внимания, на него направленного, он, казалось, готов был провалиться сквозь землю. Взглянув на Мисси, Лейн залился краской и, опустив глаза, уставился на кончики своих ботинок. Его руки нервно теребили одежду, не находя себе места, и в конце концов он просто опустил их вдоль туловища. Мисси никогда не приходилось встречаться с таким застенчивым человеком. Она приветливо улыбнулась, пытаясь сгладить неловкость. Затем повернулась ко всем собравшимся и, обращаясь в первую очередь к бригадиру, сказала:

— Рада вас всех приветствовать на ранчо моего мужа. Конечно, вряд ли мы будем часто видеться, у вас своя работа, у меня — своя. Но если у кого-то появятся проблемы, которые мы с мужем в состоянии разрешить, мы всегда будем готовы помочь. — Мисси улыбнулась и

продолжала: — А теперь мне нужно возвращаться к моему малышу.

Оставив бригадира беседовать с работниками, Вилли пошел с Мисси к дому.

— Дорогая, а я ведь кое-что узнал про твою таинственную незнакомку.

— Про Марию?

— Ну да.

— Как тебе это удалось?

— Скотти ездил на разведку новых пастбищ и выяснил, что в семи милях к югу от нас живет семья мексиканцев.

— Мексиканцев?

— Да. глава семьи говорит немного по-английски, но его родной язык — испанский. Наверное, у них были основания отправиться так далеко на север.

— Вряд ли что-то серьезное. Я не думаю, что Мария вышла бы замуж за человека, который не в ладах с законом или...

— Конечно.

— Просто они захотели идти своим путем. Многие так делают... — Мисси не закончила свою мысль и переспросила: — Всего лишь семь миль?

— Да, семь миль.

— Вилли, но это ведь рядом, правда? Ты только подумай, первые соседи, и так близко. Я бы могла верхом поехать к Марии, если бы знала дорогу, — не очень уверенно предположила она.

Вилли рассмеялся.

— Да, если бы ты знала дорогу. Если бы не надо было переходить реку вброд. Если бы ты знала испанский. Вот тогда ты могла бы отправиться в гости к Марии. Но, дорогая, я обещаю тебе сделать все от меня зависящее, чтобы отвезти тебя к нашим соседям. А ты тем временем подучи испанский. Это будет настоящий сюрприз для Марии.

— Но каким образом я могу «подучить испанский»?

— А просто. Наш повар знает испанский, подростком он работал в семье испанцев, но затем юношеская страсть к путешествиям позвала его в дорогу, и он отправился через весь континент верхом на лошади. Зарабатывал себе на жизнь, кочуя с фермы на ферму.

— Неужели он захочет и от нас уйти? — встревожилась Мисси.

— Вряд ли, — успокоил ее Вилли. — Он уже не подросток и не ищет приключений. К тому же после падения он не так хорошо держится на лошади.

— Так ты говоришь, он знает испанский?

— Конечно. Хотя... — Вилли сделал намеренно озабоченное лицо. — Тебе нужно быть начеку, не то еще научит всем словам, которые знает. Не весь его словарный запас для женского уха.

— Ты думаешь, Адамс захочет учить меня? — Мисси пропустила мимо ушей шутку мужа.

— Он будет только рад, я уверен.

Действительно, повар охотно согласился учить Мисси испанскому, и они сразу приступили к занятиям, первый урок устроив на берегу ручья. Однако к визиту Марии Мисси твердо усвоила, увы, только «buenos días» и «adios».

В испанских словах просьба поставить acento (ударение) над гласными, отмеченными зеленым; над *i* вместо точки — acento. — И. С.

Мария приехала после обеда. В уже знакомом ей доме она на этот раз чувствовала и

вела себя более раскованно, весело играла с Натаном, все время пыталась разговаривать с ним и с его мамой. Мисси же в ответ только улыбалась и кивала. «Невыносимо», — наконец пришла она к выводу и решила отправиться за поваром. Хозяйка жестами объяснила Марии, что скоро вернется.

— Адамс, пожалуйста, — прибежав на кухню, взмолилась Мисси, едва переведя дыхание, — я прошу вас попить чаю вместе со мной и моей гостьей. Мария вновь пришла навестить нас с Натаном, но из того, что она говорит, я поняла только «buenos días». И она не понимает меня. Помогите нам, прошу вас. Я сварю вам очень вкусный кофе.

Добродушное лицо повара расплылось в улыбке.

— Ну, если будет кофе...

— Конечно. Очень вкусный кофе, обещаю.

Адамс еще больше заулыбался, снял с себя не совсем чистый передник и, тщательно вытерев об него руки, отбросил в сторону.

— Долго я не смогу побыть с вами, мне нужно будет вернуться на кухню к разделке мяса, но пока пойдемте. Попробую вам помочь. И о кофе не беспокойтесь, я с удовольствием попью вместе с вами чаю; сразу только заказываю большую чашку, а не ваши любимые миниатюрные.

Мисси с поваром быстро шли к дому.

— Мария! — с ликованием прямо с порога воскликнула Мисси. — Это наш повар Адамс! Он знает испанский.

Повар-переводчик обратился к гостье с приветствием на ее родном языке. Всплеснув руками, Мария весело засмеялась, и между ними, словно серебристый ручеек, зажурчал диалог на испанском. Адамс переводил для Мисси:

— Мария говорит, что у нас здесь веселее, чем на фиесте. — Во взгляде повара, однако, читалось большое сомнение на сей счет.

Хозяйка налила Адамсу большую кружку чая, сделала бутерброд и на протяжении всей встречи следила, чтобы его кружка и тарелка не были пусты. С легкостью выполняя роль переводчика, повар, пожалуй, внес и свою лепту в радостно-искрящуюся атмосферу встречи.

Когда же Марии настало время уходить, Мисси дала ей обещание, что Вилли, как только у него будет возможность, привезет жену в гости к подруге. И так хорошо было у обеих на душе оттого, что они живут по соседству.

— Адамс *tambien*? — посмеиваясь, спросила Мария, и Мисси уже поняла вопрос. Переводчик на это что-то смущенно пробормотал, широко улыбаясь.

— Я знаю, что мы оторвали вас от дела, — повернулась Мисси к повару, который забавлялся с Натаном, качая его на коленях. — Спасибо, что пришли и помогли нам общаться.

Добродушный мужчина спустил малыша с колен и собрался уходить — нужно было готовить ужин. Но по всему чувствовалось, что он медлит с уходом.

— *Muchas gracias*, — добавила Мария и свое слово благодарности.

Попрощавшись, повар неохотно побрел на кухню, чтобы приступить к своим основным обязанностям.

Адамс ушел, и подруги сразу и не сговариваясь решили: молиться.

Снова две молодые женщины, разные по национальности, культуре, вере, преклонили колени в маленькой комнате и обратили свои сердца к одному истинному Господу, который слышит их, на каком бы языке они ни говорили с Ним.

Мисси просила в молитве:

— О Господи! Если бы я могла быстрее выучить испанский, чтобы поделиться с Марией своей верой! Я хочу рассказать ей, что получила жизнь через смерть и воскресение Сына Твоего. Я буду говорить о Тебе, о Твоей любви и всепрощении. Мы будем вместе с Марией изучать Библию. Помоги мне, Господи! — В конце Мисси добавила еще одну просьбу: — Господи, помоги нашему повару вспомнить правильные слова испанского языка, чтобы научить меня.

Глава двадцать третья. Еще одна зима впереди

Через пару недель после посещения Марии супруги Ла Хэй стали обдумывать обещанную поездку к соседям. Мисси очень хотелось взять с собой повара, который хорошо зарекомендовал себя как переводчик, но дела складывались так, что вместо него поехал бригадир Скотти, тоже немного владевший испанским.

Мисси решила, что будет лучше, если они не станут трястись всю дорогу в старом фургоне, а отправятся в гости верхом. Маленького Натана посадил к себе в седло Вилли.

Итак, рано утром три всадника и малыш выехали к Марии с Джоном. Горя как огонь, Мисси так и рвалась вперед, ей не терпелось как можно быстрее добраться до соседей, но всадников вел бригадир — размеренно.

На переправе через реку Мисси пришлось испытать очень неприятные минуты. При одном воспоминании о метущихся в ужасе, тонущих лошадях и кувыркающемся в бурном потоке фургоне Эмори Мисси начала бить внутренняя дрожь. Но, по счастью, сейчас река была спокойной, течение не очень быстрым, и они благополучно переправились на другой берег.

Дом Марии и Джона был просторным и каменным. Это было основное его достоинство. Кроме того, в комнатах сейчас, в жару и духоту, сохранялась приятная прохлада и было комфортно. Мисси сразу решила, что когда они начнут строить дом, она тоже предпочтет камень любому другому материалу. Джон охотно показывал гостям хозяйство и с готовностью обещал свою помощь, когда Вилли приступит к строительству собственного дома.

Время пролетело незаметно, и, по настоянию Скотти, в обратный путь гости отправились задолго до наступления сумерек. Из-за дождей в горах уровень в реке был значительно выше, чем обычно в это время года, и хотя особой опасности бригадир не видел, все же советовал пересечь реку при свете дня.

Прощаясь, молодые женщины условились скоро встретиться вновь.

Когда путники вернулись домой, Вилли передал малыша жене и принялся распрягать ее лошадь. Мисси не спешила идти в дом, наслаждаясь вечерней прохладой.

— Дорогая, не торопись с ужином, — уже отойдя на некоторое расстояние с лошадью, громко сказал Вилли. — Я вернусь через пару часов. Мне нужно съездить вверх по ручью; проверю, по-прежнему ли там хватает скоту воды.

Мисси не возражала. Неплохо, у нее есть еще время для своих дел до вечернего растапливания печки. Она опустила сынишку на землю и направила его неуверенные, ковыляющие шаги в сторону дома. Каким-то особенно жалким и маленьким выглядело это жилище по сравнению с домом Марии. Мисси так хотелось, чтобы в доме было много комнат с большими окнами, на которые можно повесить красивые занавески, а на полы она постелет ковры.

Войдя за Натаном в дом, Мисси подхватила малыша и уложила его поспать. Она слышала, как Вилли выехал на лошади со двора, и, сев к окну, взялась за вязание.

Молодая женщина заканчивала первый ряд носка, когда стук в дверь заставил ее отложить спицы в сторону. «Генри что ли забежал поболтать?» — с удивлением подумала Мисси, подошла к двери и открыла ее в полной уверенности, что это либо Генри, либо повар. На пороге стоял Брэди. Глаза его горели нездоровым огнем, на лице блуждала наглая

улыбочка. Мисси стало как-то не по себе.

— Э-э... — замялась хозяйка. Но работник отодвинул ее в сторону и вошел в комнату. Неприятное напряжение сразу повисло в воздухе.

— Простите за вторжение, мэм, — сказал он, однако в голосе не прозвучало никакой извинительной интонации. — Я вот подумал, не будете ли вы той женщиной, которая поможет мне в затруднительном положении.

Мисси вспомнила обещание, которое дала работникам при знакомстве: помочь, если возникнет необходимость, — и сердце ее учащенно забилося. Теперь-то она пожалела, что так легко сказала слово, не подумав, как оно отзовется. Мисси стояла у двери не двигаясь.

— Кажется, я посадил занозу в палец, вот здесь, а у этих паршивых ковбоев нет даже иголки.

— Конечно, у меня найдется иголка, — сказала Мисси намеренно ровным тоном и вдруг почувствовала, как самообладание возвращается к ней.

Отойдя от раскрытой двери в глубь комнаты за коробкой со швейными принадлежностями, молодая женщина услышала, как за ее спиной захлопнулась дверь.

Пока Мисси искала в коробке тонкую иглу, в голове у нее искала занозу мысль: «Что это Брэди делает здесь? В этот час все работники заняты, кто следит за скотом, кто чинит изгородь, кто поправляет снаряжение. А где же наш повар, что-то я его не заметила. Ах, да, когда мы вернулись от Марии, он шел к ручью с двумя ведрами».

Иголка была найдена. Мисси повернулась — и столкнулась взглядом с Брэди, который стоял уже совсем близко.

— Пожалуйста, возьмите, — сказала Мисси твердым голосом, протягивая иглу.

— Боюсь, мэм, мне придется попросить вас быть столь любезной и поработать этим инструментом. Мои руки не привыкли к вещам такого маленького размера.

От мысли, что она вынуждена будет держать руку этого почти незнакомого и к тому же весьма наглого человека, Мисси сделалось не по себе. Чувствуя рядом его жаркое дыхание, она собралась и произнесла ледяным тоном:

— Сожалею, но вам придется вытащить занозу самостоятельно. Или попросите помощи у нашего повара.

— Вот как, мэм. — Наглый ковбой медленно надвигался на нее. — Что ж, а теперь я хочу задать вам один вопрос: вы ведь не проболтаетесь ни о чем мужу?

Даже в сумраке комнаты Мисси видела, как потемнели его глаза. Он потянулся, чтобы коснуться руки молодой женщины, и она отшатнулась назад, ударившись о край кровати. Мисси хотела закричать, но в горле пересохло, крикнуть не получалось, а ноги, казалось, уже не держат ее. И в этот миг душа сама выплеснула ту помощь, которая нужна была Мисси: «Господи, не оставь меня! Не оставь, Господи!» — горячо молилась она.

Дверь широко распахнулась. На пороге стоял бригадир Скотти.

— Миссис Ла Хэй? Хозяин дома?

Мисси молчала. «Он же знает, что Вилли нет дома. Он слышал, что Вилли поехал в верховье ручья», — закрыв глаза, Мисси старалась что-то понять и собраться с силами.

— Брэди? — удивленно спросил бригадир. — Ты что, уже починил изгородь?

Разозленный появлением бригадира ковбой вышел, хлопнув дверью. Скотти тотчас пододвинул табуретку напуганной до смерти Мисси, которая не в силах была вымолвить ни слова, и только тихо присела. Зачерпнув ковшом воду из ведра, Скотти подал хозяйке, и та сделала глоток.

— У Брэди возникли проблемы, мэм? — спокойно спросил бригадир, но Мисси услышала металлические нотки в его голосе.

— Заноза... У него в руке заноза.

— Вы ее вытащили?

Мисси покачала головой.

— Нет. Я сказала ему, чтобы он сам вытащил или попросил нашего повара.

Мисси сидела, опустив голову, и не могла отвести глаз от иголки, которую продолжала держать в дрожащих руках.

— Он причинил вам беспокойство?

— Нет, — ответила Мисси не очень уверенно. — Нет, но что-то в нем напугало меня...

— Мисси перевела дыхание. — Вот, — протянула она иголку, — передайте ему, пожалуйста.

— Хорошо, мэм. Уберите иголку. Я присмотрю за Брэди.

Бригадир вышел, тихо прикрыв за собой дверь.

Силы медленно возвращались к молодой женщине, пребывавшей еще в оцепенелом состоянии.

— Спасибо Тебе, Господи, что Ты защитил нас, — тихо прошептала она и подошла к кровати, в которой спал Натан.

«Скоро вернется Вилли, — спохватилась Мисси. — Надо готовить ужин».

Мисси не стала рассказывать мужу об этом происшествии. Однако она решила держаться подальше от Брэди и теперь, когда останется одна дома, закрывать дверь на щеколду. Этот человек никогда больше не войдет в ее дом.

На следующее утро, отправившись за водой к ручью, Мисси боязливо оглядывалась вокруг. «Как ужасно, — думала она, — не чувствовать себя в безопасности в собственном дворе». Из барака, где жили работники, до нее долетели мужские голоса, но один из них был голосом Вилли, и у Мисси сразу отлегло от сердца.

— Генри говорит, что Брэди стащил у него зарплату?

— Да, — послышался ответ бригадира.

— Его надо уволить.

— Я уже его уволил.

— Он, по-моему, хорошо управлялся со скотом, но бригадиру, конечно, видней. Ковбои — это твоё хозяйство.

Скотти молча кивнул.

— Вероятно, у тебя были основания для такого решения.

— Да, — тихо ответил Скотти, — считаю, что были.

Мисси пошла дальше к ручью. Мир вокруг снова стал прекрасным: ее изобильный огород, очаровательные цыплята во дворе, ее милый маленький дом, — она расплывалась в улыбке. Ковбои, которых нанял Вилли, и Отец Небесный — залог ее безопасности.

Мисси поставила стул в тени дома и занялась шитьем брючек для Натана. Рядом лежал черный щенок, которого Вилли привез из Тетфорда. Впрочем, щенком этого общительного, умного пса, пожалуй, уже не назовешь — щенок успел подрасти. Дворняга была очень привязана к маленькому Натану, за что снискала особое расположение Мисси.

Молодая женщина слегка поежилась — по вечерам теперь становилось прохладно, чему Мисси была очень рада. В жаркую пору у хозяйки много времени отнимала заготовка впрок овощей, которые выросли в огороде. Глядя на груды банок, Мисси размышляла, где она будет хранить все это изобилие зимой. Вилли пока не поддавался на уговоры построить погреб,

поэтому в перспективе был только амбар. Конечно, Мисси не переставала мечтать о новом большом доме, но никогда не заговаривала об этом с Вилли; она понимала, что муж начнет строить при первой возможности.

Мисси подняла глаза от шитья — и улыбнулась: к ней, что-то говоря на ходу, шел Генри.

— Привет, чужестранец, — пошутила Мисси. — Не видела тебя целую вечность. Все трудишься?

— Такой уж хозяин мне попался, — со вздохом отвечал молодой человек. — Только работа, работа и работа, ничего больше.

Мисси рассмеялась.

— Однако хозяин тут сжалился надо мной и обещал две недели отпуска.

— Неужели? И ты поедешь в Тетфорд?

Генри покраснел.

— Конечно. Полечу на всех парах. Мне кажется, что я не был в Тетфорде годы.

— Генри, я так рада за вас с Мелиндой. Она наверняка тоже скучает по тебе.

— Надеюсь, хоть вполовину... — Генри вздохнул.

— Вы уже назначили день свадьбы? — спросила Мисси и испугалась: — Ой, извини, может, я вмешиваюсь не в свое дело.

— Ну что ты, нормально. Дата нашей свадьбы зависит от того, как скоро я построю дом.

— С помощниками ты построишь дом за несколько дней.

— Мисси, я имею в виду дом, а не хибарку.

Мисси удивилась пылкости ответа Генри.

— Ничего особенно привлекательного в моем жилище нет, — ровным, спокойным тоном ответила она. — Но, Генри, это дом, в котором, несмотря на его простоту и тесноту, может жить семья.

— Я бы никогда не позвал Мелинду в такие условия. Ты думаешь, я не видел твоих печальных глаз в тот день, когда ты впервые вошла в эту маленькую комнату, посмотрела на эти тусклые окошки, на грязный земляной пол?..

— Генри, — твердо остановила его Мисси, — ответь мне честно: ты по-прежнему видишь у меня этот печальный взгляд? Унылый взгляд разочарованной страдальицы.

Пристально посмотрев на молодую женщину, Генри отрицательно покачал головой.

— Мисси, я восхищаюсь тобой. Оставить все, что у тебя было, и приехать сюда! Тобой я искренне восхищаюсь, но предложить такую жизнь Мелинде, извини, не могу.

— А я, Генри, уважаю и ценю твою заботу о Мелинде, твою чуткость к ней, но хочу, чтобы ты знал... — Мисси остановилась, подбирая слова. — Я хочу, чтобы ты знал: я всегда предпочту эту хижину, где я могу быть с Вилли, тем роскошным хоромам, в которых не было бы Вилли.

С удивлением выслушав Мисси, Генри покачал головой и задумчиво произнес:

— Странные вы создания, женщины. Это чудо, если нам, мужчинам, удастся понять вас. Но я благодарю нашего Господа, что Он создал вас такими, какие вы есть. — И помолчав некоторое время, взглянул в глаза Мисси: — Ты и правда так думаешь?

— Да, я так думаю, — уверенно произнесла Мисси.

В глубине души она изумилась: «Как просто и как верно то, что я сейчас сказала». Эта познанная молодой женщиной истина освободила ее сердце от переживаний из-за маленького жалкого нынешнего жилища и поможет пройти все преграды. Перспектива

долгой неприветливой зимы в тесной комнатке уже не пугала Мисси. Вилли, Натан и она — вместе, и от их взаимной любви в доме всегда будет тепло и светло.

Глава двадцать четвертая. Воскресные богослужения

Вернувшись из Тетфорда, Генри еще больше загрустил. «Наверное, — решила Мисси, — он все-таки жалеет, что не захотел создавать семью в домике из дерна уже этой зимой. Но через себя не переступишь». Было видно, что он очень скучает по Мелинде. Генри использовал любой повод зайти к Мисси, поболтать с ней, поиграть с Натаном и скоротать с ними несколько часов одиночества.

По наблюдению Мисси, Генри успел подружиться с Расти, самым молодым работником на ферме, они частенько ездили вместе на прогулки. По вечерам Генри заходил в барак к ковбоям и учил Расти играть на гитаре, они часами с удовольствием распевали и песни и старинные церковные гимны. Их дружбу очень поощрял бригадир Скотти; мудрый, добрый человек, он старался объединить всех, кто был под его началом.

В воскресенье Генри приходил к Мисси и Вилли петь гимны, молиться и читать Священное Писание. В долгих беседах они все втроем любили поговорить о строительстве железной дороги, помечтать об обществе, которое вскоре появится здесь, о магазинах, школе и даже о докторе.

Как-то Генри, глубоко задумавшись, сказал:

— А знаете, чего мне больше всего хочется? Создать церковь. Иногда я просто жажду собраться вместе большой группой верующих и петь, молиться, читать Библию. Мне хочется послушать настоящее богослужение. Кажется, так давно все это было. Чего бы я не отдал за одно воскресенье дома. — Мисси заметила, как глаза Генри затуманились.

Для нее воскресенье дома означало бы встречу с отцом, который приятным баритоном читает молитвы, с мамой, которая рядом с мужем чувствует себя надежно и спокойно. Мисси предалась воспоминаниям о родном доме. Вот Клэр, Арни, Элли и маленький Люк собрались все вместе. Пришли Нандри и Клэй со своими семьями. Интересно, прибавилось ли у них в семье детей? Вырос ли Клэр? Все так же ли Арни дразнит Элли? Наверное, взрослые по-прежнему балуют маленького Люка. А Марти, конечно, неизменно смотрит на запад и молится каждый вечер за свою дорогую девочку, которая теперь так далеко от нее. Вот отец берет в руки семейную Библию — продолжало рисовать воображение Мисси — и твердым, уверенным голосом читает Божье Слово. Каким-нибудь чудом оказаться бы в воскресный день дома! Все ли там здоровы? Мисси смахнула слезу и вернулась к реальности.

— Когда у нас появятся соседи, мы сможем организовать нашу маленькую церковь и найти проповедника. Все же хорошо слушать Писание всем вместе, — сказал Вилли. Он медленным взором обвел комнату, вспоминая, как большой компанией они собрались здесь на Рождество.

— В тот рождественский вечер, когда мы сидели здесь, тесно прижавшись друг к другу, — засмеялась Мисси, прочитав мысли мужа, — нам было хорошо вместе.

— Все можно повторить, — обрадовался Вилли. — Пойду поговорю с другими верующими.

Он взял шляпу и быстро вышел.

Вилли пригласил всех работников ранчо в следующее воскресенье на богослужение в свой маленький дом, но пришли только Генри и Расти. Снова все вместе пели гимны под

гитару, читали Писание.

Через пару воскресений к дому хозяев подошел повар Адамс. Он был явно смущен, долго откашливался, затем очень застенчиво и как бы между прочим сказал:

— А я слышал, что религия только для слабых людей и женщин.

Постепенно, от воскресенья к воскресенью, народу в домике прибавлялось, и к Рождеству только закаленный страданиями Смит не участвовал в общих собраниях, посмеиваясь над ними. Он садился на лошадь и уезжал вдаль, в царство заснеженных холмов и спокойного уединения. Мисси продолжала молиться, чтобы Господь проник в холодную, несчастную душу этого огрубевшего человека.

В день Рождества после богослужения Мисси пригласила всех на праздничный обед.

У нее было большое искушение пожертвовать на стол пару курочек, но она устояла, в основном потому, что курочки давали в день до пяти яиц, а Мисси не удавалось определить, кто из них несет яйца, а кто бездельничает. Вот и пришлось подарить жизнь всем, чтобы случайно не загубить несушек.

Мисси приготовила очень вкусный пудинг; с молоком, запасенным изюмом и яйцами это оказалось легким делом. Пожалуй, ковбои, смакуя угощение, раскаялись, что они в свое время с таким пренебрежением встретили ее цыплят.

Но, наверное, самым счастливым в этот праздничный день был Натан. Как ребенок радовался шумному веселью, гостям, которые не спускали его с рук! Когда праздник закончился и гости разошлись, малыш вздохнул и печально сказал, качая головой:

— Усли, се усли.

После Рождества, встреченного в маленьком доме Вилли, воскресные богослужения стали посещать все работники ранчо. Люди приходили в назначенное время, отряхивали с одежды снег, топали ногами, сбивая прилипшие снежные комья, и рассаживались очень тесно — чтобы поместилось больше народу. Они пели, читали Библию и молились. Только Смит по-прежнему оставался в стороне.

Мисси молилась за Расти, спокойного добродушного молодого человека. Он с горящими глазами пел старинные гимны, внимательно слушал чтение Библии. «Истина Священного Писания, — надеялась Мисси, — должна глубоко затронуть душу этого юноши».

Как-то в один из вечеров, когда все семейство Ла Хэй было в сборе, раздался тихий стук в дверь.

— Хозяин дома? — спросил робкий голос.

На пороге стоял молодой ковбой Лейн. Мисси пригласила его войти; сделав несколько шагов, он остановился, смущенно теребя в руках шляпу.

— Не могли бы вы помочь мне разобраться... — Лейн, прикрыв рукой рот, откашлялся. — Я не совсем понимаю некоторые места в Библии. Может быть, стоит прочитать их еще раз, медленнее... Конечно, если у вас есть время.

Вилли пригласил застенчивого парня к столу, Мисси поставила перед ним чашку ароматного кофе, и при свете мерцающего светильника Вилли и Лейн снова читали и разбирали слова Библии. Мисси молча молилась.

«Если устами твоими, — читал Вилли, — будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим верить, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься» 5.

Тихонько сидя в стороне, Мисси молилась, чтобы Господь благословил молодого человека и открыл ему истину. На сердце у нее было благодно. Господь так добр к ним с Вилли! Он дал им собственную, очень особенную, паству.

Вторая зима, проведенная Мисси в домике из дерна, приближалась к концу. Ветер, казалось, умерил злую силу, и Мисси рассчитывала на ранний приход весны. Она уже планировала, как лучше рассадить семена, хотя понимала, что пройдет не одна неделя, прежде чем снег стает полностью. В этом году она решила прислушаться к мнению мужа и не подгонять время года, но в глубине души побаивалась, что нетерпеливый характер опять подведет ее.

Были у Мисси планы и на несущек, количество которых она собиралась увеличить весной. Свежие яйца теперь шли не только к столу, но и для высиживания цыплят. Одна из их двух молочных коров, Джинджа, принесла весеннего теленочка. Приплода в стаде ждал и Вилли, десятки телят должны были появиться на пастбище. Но по-хозяйски расчетливое отношение к пополнению стада Вилли ни в какое сравнение не шло с восторгом Мисси, переполненной тем, что скоро корова Фиалка принесет в сарае теленка. Корова еще давала молоко, но с каждым днем все меньше и меньше — она уже собиралась отдыхать перед родами.

С затаенным дыханием Мисси ждала начала строительства дома и очень боялась, что не хватит денег. Но, по заверению Вилли, все было готово для стройки, материал куплен, а работа обойдется недорого. Бригадир Скотти согласился взять на себя заботы по ранчо, чтобы дать возможность Вилли заняться домом. Двух опытных помощников, знающих толк в строительстве каменного дома, обещал прислать сосед Джон.

Сидя вечерами за маленьким столом у себя в комнате, Вилли и Мисси обсуждали план дома. Кухню и столовую решили разместить в левом крыле, спальни — в правом, в середине дома будут все основные жилые помещения. Перед домом небольшой дворик, крыльцо сделают с навесом — это будет удобно Мисси, которая сможет заниматься на крыльце какой-то работой и присматривать за сыном, играющим во дворе. Вилли не один раз разрабатывал план дома, менял его снова и снова, пытаясь улучшить. Стараясь сдерживать себя и чем-нибудь случайно не спугнуть мечту, Мисси, однако, в воображении уже распаковывала привезенные из родного дома вещи. Вот настоящая плита, швейная машина, ковры, занавески, посуда. Временами ей казалось, что она умрет от нетерпения.

Генри тоже решил начать строительство дома весной. Он уже купил землю по соседству с участком семейства Ла Хэй и хотел ставить дом как можно ближе к ним, чтобы Мисси и Мелинде было удобно общаться.

Еще Генри, предполагая держать свое стадо, благо пастбищ на его земле было достаточно, купил у Вилли пятьдесят голов скота с телятами, что дало Вилли дополнительные деньги для строительства. Скотти, ковбой бывалый, в другой ситуации, конечно, не одобрил бы продажу весной части стада с телятами, но здесь вынужден был признать, что сделка молодых хозяев поможет обоим в осуществлении мечты и еще теснее сдружит их семьи.

На ранчо к Генри, как все и предполагали, перешел работать его друг Расти, и бригадиру надо было спешно подобрать парню хорошую замену. Скотти заверил хозяина, что в ближайшее время займется поиском подходящего работника.

У Скотти было еще одно дело, очень его волновавшее: осенняя доставка скота на рынок. Бригадир сообщил Вилли, что хозяева ближайших ферм уже планируют эту осеннюю кампанию, и Вилли тоже должен решить, будет ли отправлять скот. Вилли счел разумным не торопиться пока с продажей скота, — разве что непредвиденные расходы потребуют от него наличных денег. Все вокруг надеялись, что к следующей осени долгожданная железная

дорога наконец появится, и тогда не будет нужды в изнурительном дорогостоящем перегоне скота на рынок. Нынешней зимой потери скота были незначительные, а весенний приплод хорошо пополнил стадо, — так что надежды Мисси на новый дом еще укрепились.

В этом году она с нетерпением ждала лета, и предстоящая жара уже не пугала молодую женщину. Мисси жадно вглядывалась в лежавшие перед ней бесчисленные холмы. «Как много изменилось вокруг за то короткое время, что мы с Вилли живем здесь! А что сулит будущее! Все у нас пойдет хорошо», — Мисси была уверена. Да и с самого начала в глубине души она твердо знала: они преодолеют все преграды.

«Пока Натан спит, съезжу, пожалуй, до вершины ближайшего холма и полюбуюсь на далекие горы, — решила Мисси. — Интересно, какого цвета они сегодня, в это яркое весеннее утро?»

Одновременно с ней из кухни вышел повар; вылив на землю воду из кастрюли, он поднял голову и долго смотрел в небо. «Интересно, — подумала Мисси, — Адамс тоже любит весну?»

Глава двадцать пятая. Натан

Перед тем, как лечь спать, Вилли вышел проверить лошадей. Мисси заканчивала мыть посуду и собиралась укладывать сынишку.

— Ты становишься большим мальчиком, — говорила она малышу. — Скоро твоя крошечная кровать станет тебе мала, и папа сделает тебе побольше.

— Большой мальчик, — повторил Натан, улыбаясь.

Мисси поцеловала его розовые щечки.

— Да, ты мамин большой мальчик.

Малыш потянулся к маме и поцеловал ее.

— А сейчас давай помолимся, — сказала Мисси ласково.

Она медленно произносила слова молитвы, чтобы малыш успевал их проговаривать. В конце он громко произнес: «минь».

Когда Мисси укладывала Натана в кровать, ей показалось, что он тяжело дышит.

— Смотри, не заболей, дорогой, — встревоженно говорила мама. — Скоро наступят теплые солнечные деньки, и ты будешь играть на улице сколько захочешь.

— А песик?

— Конечно, с песиком, как же иначе. О песике мой мальчик всегда помнит, правда? Ну вот, скоро будешь играть с Максом на улице.

Натан был доволен. Укрывая сынишку, Мисси натянула одеяло ему до самого подбородка и поцеловала малыша. Затем занялась хозяйственными делами; нужно было наполнить светильник маслом, наверное, вечером Вилли снова будет чертить план дома.

И верно, придя домой, Вилли тотчас вытащил табуретку из-под стола и взялся за план. Он никак не мог решить, где будет главный вход, чертил разные варианты, разворачивал чертеж то так, то этак. Мисси, наблюдая за работой мужа, штопала носок и тоже что-то предлагала. В конце концов Вилли пришел к выводу, что первый вариант самый удачный, и остановился на нем.

Завтрашний день, как предполагал Вилли, будет для него нелегким, и они рано пошли спать. Мисси долго лежала, прислушиваясь к дыханию сына, потом его заглушило сопение мужа. Но молодая женщина никак не могла уснуть, что-то беспокоило ее.

Кто из них первым очнулся ото сна, она или муж, Мисси не помнила. Еще не понимая, что происходит, она сидела на краю кровати, в висках стучало. Вилли уже был на ногах.

— Что случилось? — спросила Мисси, пытаясь различить что-то в темноте.

— Натан ужасно кашляет.

— О Боже, только не это. — Мисси соскочила с кровати, она уже слышала тяжелое, хриплое дыхание сына.

— Зажги светильник, — сказал Вилли, стоя у детской кровати.

Ступая босыми ногами по холодному земляному полу, Мисси поспешила к столу за светильником, — Вилли, что это? Что с ним такое?

— Не знаю. Когда ты укладывала его спать, он нормально себя чувствовал?

— У него было немного тяжелое дыхание, но и только. О, Господи, что же нам делать? Вилли, что это? — Мисси заплакала. Ее сердце разрывалось, когда она слышала кашель сына. «Где взять доктора? — стучало в голове. — На целые мили в округе нет доктора, нет помощи».

Вилли был растерян.

— Неужели пневмония? — заливалась слезами Мисси. — Он задыхается.

«Господи, мы так нуждаемся сейчас в Твоей помощи. Маленький Натан Исаия нуждается в Тебе, Господи, — кричало сердце матери. — Прошу: научи нас, что делать. Направь нам в помощь кого-нибудь, помоги нам, Господи».

— У тебя есть лекарства, Мисси?

— В доме у нас только лекарства первой помощи, остальные запакованы в коробках и ящиках, сложенных в амбаре. Я не вынимала их, не было необходимости.

— Я пойду в амбар, а ты оставайся с Натаном. Ему нельзя раскрываться.

— Нет, Вилли, ты не найдешь. Тебе придется долго там разбираться. Лучше я пойду; я знаю, в каком ящике все лежит.

Мисси быстро натянула сапоги, накинула на себя пальто мужа и зажгла фонарь. Она бежала к амбару, меся сапогами вязкую весеннюю грязь.

«Отец Небесный, — на ходу молилась Мисси, — помоги нам. У нас нет доктора. У нас нет даже соседей поблизости. Мы не знаем, что делать. Помоги нам, Господи. Я не вынесу потери сына». Слезы текли по щекам Мисси.

Она скоро нашла ящик с лекарствами и побежала назад к дому, продолжая молить Бога спасти ее ребенка.

Распахнув дверь, молодая женщина увидела мужа с малышом на руках. Вилли молился. На его лице, искаженном мукой, были слезы.

«О Господи! — От неожиданной мысли Мисси остановилась как вкопанная. — Это сын Вилли, его радость и гордость. Господи, если ты должен забрать нашего сына, будь рядом с Вилли. Прошу, дай ему силы перенести это. Он так любит сына, Господи, помоги нам. Если бы кто-нибудь знал...»

Мисси попыталась унять рыдания, но, войдя в дом, продолжала всхлипывать.

Она поставила деревянный ящик на стол. Не снимая тяжелого пальто, схватила лежавший у двери молоток и подцепила крышку ящика; та сразу поддалась. Мисси рылась среди лекарств, не имея представления, что искать. Вилли тем временем ходил по комнате, держа Натана вертикально и стараясь облегчить ему кашель.

Неожиданно без стука открылась дверь, что, впрочем, не удивило растерянных родителей, и в комнату вошел повар Адамс. Человек опытный и много повидавший, он мгновенно оценил ситуацию.

— Круп, — громко сказал Адамс.

— Что? — не понял Вилли.

— Круп, — повторил повар.

— Ты знаешь, что это? — переспросил Вилли.

— Конечно. Так дышат при воспалении гортани.

— А вы могли бы?.. — Мисси боялась договорить.

— Попытаться, конечно, можно. Для начала растопите как следует печь, чтобы в доме стало очень жарко, и нагрейте кипятка.

Вилли передал ребенка матери и, довольный, что получил хоть какие-то указания, поспешил их исполнять. Он заполнил печь коровьими лепешками, облил их маслом и затопил. Огонь очень скоро разгорелся ярким пламенем. Вилли поставил чайник прямо в пламя, но вода, казалось, не торопилась закипать.

Повар Адамс подвинул табуретку на середину комнаты.

— А сейчас дайте мне одеяло.

Схватив одеяло с кровати, Вилли протянул его Адамсу.

— Теперь нужна миска для воды.

Вилли снял с крючка большую миску.

Повар по-деловому рылся среди лекарств, разбросанных на столе, и внимательно читал надписи на баночках, сделанные матерью Мисси. Наконец он сказал:

— Это подойдет, дайте мне ложку.

Вилли подал ложку. Зачерпнув изрядную порцию мази, повар положил ее в миску и налил закипевшей уже воды. Затем протянул руки за ребенком. Мисси не понимала, что делается, но выхода у нее не было. «Этот добрый человек — наша единственная надежда», — и она протянула Адамсу своего сына.

— Накипятите еще воды и держите сильный огонь в печке, — сказал повар и сел на табуретку с малышом на руках. — А теперь поставьте на стол миску и накройте нас обоих одеялом. Нам нужна хорошая паровая баня.

Несчастные родители исполнили все, как было велено, и молча ждали. Вилли кочергой поправлял огонь в печи, Мисси нервно ходила по тесной комнате, молилась, прислушиваясь к кашлю и хриплому дыханию сына. Как медленно тянутся минуты!..

— Вскипела новая порция воды? — раздался голос из-под одеяла.

— Да.

— Заберите у меня миску, все вылейте и снова положите ложку мази и налейте кипятка.

Все сделали, как было сказано. Стараясь аккуратно приподнять одеяло, чтобы не выпустить пар, Вилли поставил миску на стол.

Не переставая молиться, Мисси нервно ходила по комнате, а Вилли не отходил от печи и следил, чтобы огонь не угасал. В комнате стало невыносимо жарко.

В этот момент Натан беспокойно зашевелился. «Неужели ему хуже?» — Мисси охватила паника.

— Хороший признак, — сообщил, однако, повар из-под одеяла. — Когда малыш боролся с кашлем, он не чувствовал горячего пара, а сейчас ему не нравится под одеялом, значит, ему стало легче. Дыхание у нас улучшилось.

«Господи, ему стало легче! — Сердце матери бешено колотилось. — Он сейчас почти не кашляет. Спасибо Тебе, Господи, спасибо».

У Мисси с ресниц тихо капали слезы, когда она повторяла про себя: «Не бойся, ибо Я с тобою; не смущайся, ибо Я Бог твой; Я укреплю тебя, и помогу тебе, и поддержу тебя...» Она не смогла продолжить — горячая благодарность выплеснулась из самой глубины ее сердца: «Господи, спасибо Тебе!»

Еще раз поменяв воду, Вилли подsunул миску под одеяло.

— Ребенок уснул, — шепотом проговорил повар из-под одеяла, — он дышит без усилий. Да, уже слышали и родители: дыхание Натана улучшилось, он успокоился. Мисси хотела взять сына, но повар не позволил и продолжал держать ребенка под одеялом. Только с рассветом Адамс решился наконец поднять одеяло.

— Сделайте мне, пожалуйста, кофе, — сразу тихо попросил он.

Вилли убрал одеяло и миску. Мисси, продолжая пребывать в оцепенении, молча поставила кофейник на огонь и повернулась к Адамсу, который передавал спящего мальчика отцу.

— Сейчас уложите ребенка в постель, — сказал повар. — Но должен вас предупредить:

опасность не миновала, приступ может повториться следующей ночью. При крупе именно ночью смерть чаще всего забирает больных. Еще несколько ночей вам нужно быть настороже, паровая баня поможет.

Мисси смотрела на маленького, страдавшего хромотой человека, совсем не обладавшего героической внешностью. Одежда его намокла от пара, жидкие волосы были липкими от пота, усталое лицо казалось особенно бледным при тусклом утреннем свете. Он был немногословен и спокоен, точно привык творить чудеса, и для него такая работа — дело обычное. Сердце Мисси переполняла благодарность к этому простому, скромному, доброму человеку. Он казался ей самым-самым хорошим из всех людей.

Мисси подошла к повару и тихонько коснулась рукой его щетинистой щеки.

— Дорогой Адамс, — произнесла счастливая мать со слезами и радостью в голосе, — вы вовсе не старый, больной ковбой. Вы ангел, посланный нам с небес.

Глава двадцать шестая. Любовь обретает дом

Мисси на редкость хорошо научилась управляться с хозяйством: огород засеян вовремя, несущки в курятнике все упитанные и ухоженные. На грядках вскоре появились зеленые всходы, а в курятнике вылупились пушистые желтые комочки. Теперь даже Вилли признал, что затея с цыплятами не такая плохая. Жареные цыплята и сочная зелень на столе — и как-то жизнь идет веселее. Корова Фиалка принесла телочку, и семья Ла Хэй была надолго обеспечена молоком.

Рядом с домиком из дерна Вилли начал строить новый дом. Джон, как и обещал, прислал ему двух помощников и охотно давал деловые советы. День ото дня дом рос и воплощал запланированные формы, чем приводил в восторг свою будущую хозяйку.

Генри отселился на собственное ранчо, и Мисси очень скучала по добросердечному парню и его другу Расти. Если друзья заезжали к ней, Мисси встречала их неизменно приветливо и старалась угостить всем самым вкусным, что было в доме.

Меж тем бригадир Скотти недавно нанял двух новых ковбоев, чем доставил немало хлопот Мисси: она все гадала, будут ли новички участвовать в воскресных песнопениях и изучении Библии. Пока они держались в сторонке и за лидера почитали Смита.

Отложив на некоторое время строительство дома, Вилли отправился к Джону, у которого предполагали собраться на деловую встречу все окрестные скотоводы. Мисси очень хотелось поехать с мужем, но она утерпела: нельзя ведь мешать деловой встрече мужчин женской болтовней. Душа ее, впрочем, легко успокоилась тем, что в ближайшее время она съездит к Марии и уж тогда ничто не помешает их общению. Ее подруга Мария преуспевала в английском быстрее, чем Мисси в испанском, и молодые женщины при встречах, увы нечастых, весело смеялись над языковыми ошибками друг друга.

Вернувшись от Джона, Вилли был переполнен новостями. Он с увлечением рассказывал Мисси, где и как размечают площадку для железнодорожной станции, что недавно приехали строители, продана земля под основные склады (и Вилли абсолютно уверен, что не за горами строительство и других зданий). А главная радостная новость — станция будет всего в пятнадцати милях от их ранчо. Доедешь за один день. Больше не нужно будет отправляться за покупками в Тетфорд и убивать тем самым две недели. Первый поезд должен прибыть весной следующего года. Вот так.

При одной мысли, что рядом будет город, у Мисси перехватило дыхание. В любой момент можно поехать в город за необходимыми товарами, продуктами, пройтись по тротуару в пестрой толпе людей! Не-ве-ро-ят-но!

— Конечно не все сразу, не все сразу, — охлаждал то ли пыл жены, то ли свой собственный Вилли, — но что запланировано, то построят, и это наверняка. И представь, Мисси, ведь железнодорожная станция для нас — это не только пункт приема скота, там будет и почта. Мы сможем отправлять письма и получать послания от родных.

У Мисси забило сердце. Неужели можно написать письмо маме и папе?! Рассказать о том, как вырос Натан, о новом доме, об огороде и цыплятах, о поваре Адамсе, этом опытным преданном работнике, которого им послал Сам Господь. Как хочется сесть и выложить все на бумаге, чтобы родные знали, как Мисси здесь живет, — а затем быстро получить ответ и убедиться, что родные здоровы и дела их благополучны. Она представила, что могут написать ей из дома в первом весеннем письме. Люк, пожалуй, уже настоящий мужчина, а

Элли стала красавицей. Клэр, как и следовало ожидать, обзавелся собственной фермой. Что касается Арни, то он, вероятно, теперь обрабатывает поле вместо отца. Яблони, скорее всего, уже расцвели, трава подросла, родник почищен — чтобы летом можно было окунуться в прохладную воду, а по утрам, когда воздух еще очень бодрящий, по-прежнему слышен громкий школьный звонок.

Мисси живо представила родные места и, расчувствовавшись, смахнула слезу.

— Вилли, я и подумать не могла о таком чуде. Здесь, среди бескрайних холмов, далеко от людей — и вдруг закипит бурная жизнь.

— А я представлял, что такое может произойти, — с удовольствием отозвался муж. — Я рассуждал так: не один же я живу на свете, найдутся люди, которые захотят провести сюда дорогу.

— Вилли, ну скажи на самом деле: неужели железная дорога — это реальность? И здесь появятся люди, а не только коровы и лошади?

— Народу будет приезжать много, — засмеялся над недоверчивостью жены Вилли. — На поезде. А дальше людей будет развозить специальная машина или даже две. Твои родные тоже могут приехать, и мы встретим их на станции.

— Можно просто умереть от счастья, если не обуздать воображение, и столько всего сразу, что трудно поверить.

— Дорогая, только не умирай, — шутливо-серьезным тоном сказал Вилли. — У нас еще нет доктора, который тебя спасет, а ты мне очень нужна. Кому, кроме тебя, можно доверить заботу обо мне и Натане? Кто создаст уют в нашем новом доме, вселит жизнь в пустые голые стены?

Счастливая, Мисси стояла, прижавшись к мужу. Вилли нежно гладил ее по волосам.

— Новый дом я хочу закончить строить к приезду твоих родных, Мисси. Сегодня я решил отправить на продажу три десятка молодых бычков; надо уж все средства бросить на стройку. А как только Скотти вернется с деньгами, сразу поеду в Тетфорд. На этот раз, дорогая, я обязательно возьму тебя с собой. Если ты будешь возвращаться только в грубоватом ковбойском обществе, то потеряешь все свое женское очарование.

Глаза Вилли, правда, говорили нечто другое, чем его уста: «Ты всегда будешь для меня бесконечно привлекательной, моя любимая».

— Думаю, я смогу стать тебе хорошим сопровождающим в поездке в Тетфорд, — наигранно важно произнесла Мисси.

Ее глаза искрились радостью и счастьем. Мир прекрасен!

— Кстати, — вспомнил Вилли, — нам надо будет сделать там продовольственный запас на зиму.

— Да, и еще купить банок для консервирования. Милостью Божьей у нас будет нынче такой урожай, что ни я, ни наш повар не знаем, что с ним делать.

Вилли радостно заулыбался.

— И не забудь составить полный список покупок. — Он поцеловал жену в лоб и принялся собирать инструмент. Надо было идти работать в новый дом.

Мисси снова услышала любимое характерное посвистывание — Вилли бодро шел к стройке.

Возле кухни хлопотал повар Адамс, а рядом с ним бегал маленький Натан с неразлучным своим другом Максом. Натан непрерывно что-то спрашивал и быстро-быстро говорил, Адамс отвечал ему неспешно, размеренно, а Макс участвовал в беседе молчаливо,

переводя взгляд с малыша на старика и обратно, и радостно помахивал хвостом.

Улыбаясь, Мисси долго смотрела на них, но, вспомнив, что пора разводить огонь и готовить ужин, пошла в дом. Машинально заполняя печь лепешками, разжигая огонь, она мысленно составляла свое первое письмо родным.

«Дорогие мама и папа!

Обетование в стихах Исаии 41:10, как ты и говорил, папа, исполнилось.

Если бы вы видели нашего Натана! Он уже вырос большим мальчиком, очень сообразительный, любознательный. Я думаю, вы будете гордиться таким внуком. Нос и подбородок у Натана как у Вилли, а вот глаза, папа, — твои.

По секрету скажу: через несколько месяцев мы снова ждем прибавления в семье и очень этим счастливы. Возможно, ко времени предстоящих родов возле нас появится большое поселение, и мне не придется ехать в Тетфорд. Я молюсь, чтобы именно так и получилось.

Вилли сейчас строит настоящий каменный дом. Наш новый дом. Тот домик, где мы временно жили, очень маленький, но нам в нем было хорошо. Теперь же мы готовимся к переезду и надеемся, что следующую зиму проведем в новом доме.

Что-то, а огород мой удался. Ранней весной Вилли вскапывает землю, а я засеваю грядки. Почва здесь хорошая и воды достаточно, так что много сил мои растения не отнимают. Овощи и зелень с огорода используем все — и наша семья, и повар, который готовит еду работникам ранчо.

Я развела кур, этой весной они высидели восемнадцать цыплят, и потеряли мы лишь двух. Несушки дают нам ежедневно семь-восемь яиц. Думаю, что к праздничному столу на это Рождество я смогу уже приготовить жареных цыплят.

Теперь о соседях. К югу от нашего ранчо живут Джон и Мария. Я очень подружилась с Марией, мы часто молимся вместе. А на северной стороне от нас скоро поселится Мелинда; мы с ней подружились, пока ехали в обозе на Запад. Папа, помнишь нашего кучера Генри, которого ты нашел нам для второй упряжки? Так вот, он познакомился с Мелиндой в дороге, полюбил ее, и сейчас, как только Генри закончит строить свой дом, они поженятся и будут жить рядом с нами. Жду не дождусь, когда Мелинда приедет.

Дела у нас на ранчо ведет хороший, опытный бригадир и есть несколько ковбоев — Лейн, Смит, Клем, Сэнди и еще двое новеньких, Джейк и Уолт. А любимец нашей семьи и особенно Натана — повар Адамс.

У себя дома мы организовали церковь, это была идея Генри, и теперь по воскресеньям молиться и читать Библию приходят почти все работники ранчо, кроме Смита и двух новеньких, Джейка и Уолта. Лейн стал по-настоящему верить, но еще продолжает находиться под влиянием Смита, сердце которого зачерствело от невзгод, и он с усмешкой смотрит на жизнь. Помолитесь за них за всех. Особенно за Смита, он действительно нуждается в том, чтобы Господь отогрел его заледенелую душу».

Мисси поставила чайник на огонь и вышла за коровьими лепешками для печки. Она обвела взглядом гряду холмов, которые уже не казались ей скучными и однообразными, как раньше, — в каждом холме Мисси видела ныне особый характер, каждый был ей чем-то по-своему дорог. Вот на этом, ближнем к дому она впервые увидела койота. Ну, а уж склоны дальнего северо-восточного изучены Мисси как никакие другие — несколько дней она все глаза проглядела, ожидая возвращения мужа из Тетфорда. Вон холм, на котором чаще всего пасутся коровы. А это ее любимые, покрытые цветами холмики, здесь она собирает букеты. Мисси даже пересадила некоторые цветы с этих склонов к своему дому и усердно поливает

их, чтобы они хорошо прижились, каждый раз с улыбкой вспоминая слова доброй миссис Тейлорсон: «Воду следует использовать по крайней мере дважды».

На запад от ранчо лежали горы. И хотя молодая женщина не могла видеть гор из долины, где стоял дом, она вспомнила их переменчивый вид: то они покрыты легкой дымкой, то сверкают золотом в солнечных лучах. Вилли сравнивал горы с женщинами, настроение и внешность которых бесконечно переменчивы.

Снова Мисси обратила взгляд на свои холмы. Как хороши они сейчас! По склонам пасутся коровы, переходя с одного места на другое; темная фигура всадника то появится рядом с ними, то исчезнет по другую сторону вершины — это ковбой разъезжает, погоняя стадо. Мисси увидела, как ему в помощь на пастбище поскакал второй ковбой. Услышав глухой стук копыт, из-под которых вздымались клубы пыли, молодая женщина вспомнила, что в это утро пропустила поездку верхом. «Надо будет завтра обязательно взять Натана на прогулку», — сказала она себе. Принесенный ветром сильный запах полыни, как всегда, бодряще подействовал на Мисси, и, полная энергии, она поспешила в дом. Мисси хозяйничала и мысленно продолжала составлять письмо домой.

«Вы помните, как Вилли был горд, что купил на Западе участок земли. Мне сначала здесь совсем не понравилось, но теперь я не представляю жизни в другом месте. Воздух тут такой чистый и живительный, что его можно подавать на тарелке — на здоровье. А какие красивые горы! Они постоянно меняют свой облик, словно городская модница».

Мисси наливала воду, топила печь и продолжала мысленно рассказывать родным.

«Сегодня Вилли привез потрясающую новость. Он говорит, что очень скоро рядом с нами будет железная дорога, по которой можно будет вывозить скот на продажу и перевозить пассажиров. Вилли считает, что недалек тот день, когда вы сможете приехать к нам в гости. Вы можете себе представить? Сначала я почти не поверила, а сейчас вся горю от нетерпения. Когда мы уезжали на Запад, то и мечтать не могли, что когда-нибудь покажем вам свой дом».

Глаза Мисси неожиданно наполнились слезами. «Мой дом, — подумала Мисси, поймав себя на мысли, что она впервые так назвала свое ранчо. — Да, это по-настоящему мой дом. Я больше не чувствую тоски по прежним местам. У нас с Вилли есть свой дом. — Радость и гордость переполняли молодую женщину. — Как хочется показать наш дом маме и папе. Им понравится, я знаю. Здесь ведь так красиво — горы, холмы, чистый ручей. Интересно, вырастет ли яблоня там, у ручья?»

Задумавшись, Мисси долго смотрела перед собой и вдруг точно новыми глазами увидела это маленькое жилище, где они с Вилли счастливо прожили две зимы.

— Я буду скучать по тебе, мой первый собственный дом, — проговорила, обращаясь к своей милой дернушке, Мисси. — Мы скоро покинем тебя, но я буду приходить сюда и вспоминать все хорошее и доброе: как мы, тесно прижавшись друг к другу, сидели за праздничным столом в наше первое Рождество; как повар Адамс, сидя вот на этой табуретке, спасал нашего сына; как за этим столом Вилли много вечеров подряд чертил план нашего нового дома. Мечты, слезы, переживания — все было здесь.

Мисси посмотрела вокруг себя. Что еще рассказать маме с папой? Наверное, лучше им самим приехать и увидеть все своими глазами. Лист бумаги всегда утаит что-нибудь из твоих мечтаний и надежд. Церковь и школа для Натана, его сестер и братьев, большое стадо для Вилли, хорошие соседи и друзья, с которыми можно и посмеяться и вместе помолиться, — о, сколько еще всего!

Гораздо лучше просто открыть дверь и, обнимая дорогих родителей, сказать:

— Добро пожаловать в мой дом! В дом, где живет любовь. Любовь, которая шла с нами долгим тернистым путем, росла и крепла с каждой милей. Спасаящая любовь Господа, по слову Его обетованному, — к нам, детям Его. И наша любовь друг к другу и нашему сыну. Любовь! Вот что создает дом.

Добро пожаловать, дорогие мама и папа!